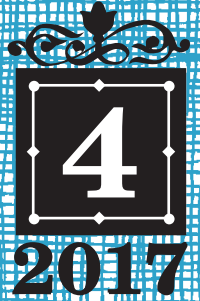

ISSN 0869-544X

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО •
ВЕДЕНИЕ

“НАУКА”

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

4
2017
ИЮЛЬ •
АВГУСТ •

Содержание

70 ЛЕТ ИНСТИТУТУ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СТАТЬИ

<i>Дзиффер Дж.</i> (Италия). Еще раз по поводу источников Храбра	9
<i>Флоря Б.Н.</i> (Москва). События истории поздней Византии на страницах русских исторических текстов XV–XVI веков	12
<i>Наумов Н.Н.</i> (Москва). Сигизмунд Люксембургский и чешская аристократия в преддверии гуситских войн	21
<i>Серратионова Е.П.</i> (Москва). Эмигранты о будущей России	31
<i>Косик В.И.</i> (Москва). Немного о «неизвестном» евразийстве	41
<i>Лантева Т.Н.</i> (Москва). Главные потрясения XX века в индивидуальном восприятии и судьбе А.В. Флоровского	52
<i>Завацкая М.</i> (Братислава). Визиты Романа Якобсона в Словакию в 1957 и 1968 году	64
<i>Ефимова В.С.</i> (Москва). Греческий суперлатив в старославянском переводе	76

СООБЩЕНИЯ

<i>Петрухин П.В.</i> (Москва). К прочтению новгородской берестяной грамоты № 490	89
<i>Рыбалка А.А.</i> (Пенза). О псевдофольклорном характере легенды о Рюрике, Сиваре и Труваре	93

РЕЦЕНЗИИ

<i>Добычина А.С.</i> Цв. Степанов. В очакване на Края: европейски измерения ок. 950 – ок. 1200 г.	99
<i>Ефимов М.В.</i> Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования	103
<i>Герд Л.А.</i> Т. Papademetriou. Render unto the Sultan. Power, Authority, and the Greek Orthodox Church in the Early Ottoman Centuries	105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Деньщикова А.В.</i> Конференция, посвященная Карлу IV Люксембургу	109
<i>Калашникова Н.Ю.</i> Научная конференция «Евразийство – евроскептицизм – евразийство: варианты разочарований в европейском пути развития»	111

ЮБИЛЕИ

К юбилею Альбины Федоровны Носковой	120
---	-----

НЕКРОЛОГИ

Памяти Владилена Николаевича Виноградова.....	122
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИПШИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

70 ЛЕТ ИНСТИТУТУ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

31 января Институт отметил 70-летие со дня своего основания.

На торжественном заседании в честь юбилея выступили послы нескольких славянских стран и другие гости. Посол Болгарии в России Бойко Коцев наградил наш Институт орденом «Самарский крест».

В связи с юбилеем мы получили 124 поздравительных адреса, две трети из которых пришли от наших зарубежных коллег, а также три приветствия от руководства России.

Поздравительные адреса в честь 70-летия Института славяноведения РАН прислали:

*ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ПУТИН:*

ТЕЛЕГРАММА

«Дорогие друзья!»

Поздравляю Вас с 70-летием создания Института славяноведения Российской академии наук.

За прошедшие годы, благодаря творческому, неустанному труду многих поколений ученых, Институт накопил солидный опыт, стал ведущим в России научным центром по комплексному изучению уникального наследия и культуры славянских народов.

Сегодня вы достойно продолжаете дело своих учителей и предшественников, приумножаете славные традиции отечественной школы славистики. Ваша плодотворная исследовательская деятельность, раскрывающая истоки духовной близости славянских народов, играет важную роль в укреплении гуманитарных связей и консолидации славянского мира, имеет серьезное значение для понимания современных политических процессов и прогностической работы.

И конечно, значим вклад Института в подготовку квалифицированных, искренне любящих свою профессию специалистов.

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

В. Путин

25. 01. 2017 г.»

*ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА МАТВИЕНКО*

«Коллективу
Института славяноведения
Российской академии наук

Искренне поздравляю коллектив Института славяноведения Российской академии наук с 70-летием со дня его основания.

За эти годы он стал ведущим научным центром по вопросам славяноведения и балканистики и получил самое широкое признание в нашей стране и за рубежом.

Этническая близость славянских народов естественна и исторически обоснована. Несмотря на существующие проблемы, славянские народы Восточной и Южной Европы осознают свою общую языковую и религиозную идентичность, помнят о единых исторических и культурных корнях. В связи с этим невозможно переоценить деятельность института по укреплению взаимного доверия и сотрудничества между славянскими народами. Фундаментальные научные исследования института помогают решать значимые задачи в процессе выработки и реализации внешнеполитического курса России.

В Совете Федерации уделяется самое пристальное внимание гуманитарной составляющей интеграционных процессов на евразийском пространстве, сохранению и распространению русского языка как общенационального достояния народов России, средства международного общения и неотъемлемой части культурного и духовного наследия мировой цивилизации. Совет Федерации во взаимодействии с органами власти, научными организациями, в том числе и с Институтом славяноведения Российской академии наук, участвует в организации и проведении Дней славянской письменности и культуры, Международного фестиваля «Великое русское слово» и ряда иных мероприятий.

Уверена, что наше сотрудничество будет успешно развиваться и в дальнейшем.

Желаю вам успехов и новых достижений в деле служения отечественной науке.

В.И. Матвиенко

25. 01. 2017 г.»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АРКАДИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРКОВИЧ

«ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

26 января 2017 г.,
Москва.

Сотрудникам
Института славяноведения
Российской академии наук

Уважаемые сотрудники Института славяноведения РАН!

Сердечно поздравляю вас с 70-летием со дня основания вашего Института!

Институт возник сразу после войны и продолжил лучшие традиции отечественной славистики. Его научная деятельность особо важна для России, поскольку направлена на изучение уникального исторического, культурного, языкового наследия славянских народов.

Стараниями нескольких поколений ученых Институт вырос в крупный научный центр, снискавший авторитет, как в России, так и в зарубежных странах. В Институте славяноведения РАН сосредоточен богатый интеллектуальный потенциал, реализуются перспективные исследовательские и просветительские проекты.

Уверен, что вы и впредь будете вносить достойный вклад в развитие славистики, укрепление международных гуманитарных связей и контактов.

Желаю всем сотрудникам Института здоровья, благополучия и новых творческих успехов!

Заместитель Председателя Правительства
Российской Федерации
А. Дворкович

Дипломатические представительства:

Чрезвычайный и полномочный посол Республики Албании в Российской Федерации – *Арбен Газиони*; Чрезвычайный и полномочный посол Республики Македонии в Российской Федерации – *Гоце Караянов*; Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Чешской республике – *Александр Владимирович Змеевский*; Чрезвычайный и полномочный посол Румынии в Российской Федерации – *Василе Соаре*; Чрезвычайный и полномочный посол Республики Словении в Российской Федерации – *Примож Шелиго*; Чрезвычайный и полномочный посол Чешской Республики в Российской Федерации – *Владимир Ремек*; Советник посольства Белоруссии в Российской Федерации – *Наталья Николаевна Ващило*; Советник посольства республики Хорватии в Российской Федерации – *Майя Форетич Печник*.

Австрия: Институт Нового и новейшего времени Австрийской академии наук; Профессор *Арнольд Зуппан* — действительный член Австрийской академии наук.

Белоруссия: Институт языкознания имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси; Профессор, д-р филол. наук *Александр Александрович Гугнин*.

Болгария: Болгарская сторона Комиссии историков Болгарии и России Института исторических исследований Болгарской академии наук; Институт балканистики с Центром фракологии Болгарской академии наук; Институт болгарского языка Болгарской академии наук; Институт исторических исследований Болгарской академии наук; Кирилло-Мефодиевский научный центр Болгарской академии наук; Совет по зарубежной болгаристике при Болгарской академии наук; Факультет славянских филологий Софийского университета им. св. Климента Охридского.

Босния и Герцеговина: Академия наук и искусств Республики Сербской (Баня-Лука); Комитет славистов Боснии и Герцеговины (Сараево); Президент Республики Сербской *Милорад Додик*.

Венгрия: Венгерский культурный институт; Комитет национальной Памяти Венгрии; Центр гуманитарных наук Венгерской академии наук; Центр по изучению истории современной России и Советского Союза Печского университета.

Италия: Итальянский комитет славистов; Кафедра славянской филологии Флорентийского университета.

Македония: Институт македонского языка имени Крсте Мисиркова в Скопье; Институт национальной истории при Университете им. святых Кирилла и Мефодия в Скопье; Комиссия Македонской академии наук и искусств по научному сотрудничеству с РАН; Филологический факультет им. Блаже Коневского Университета им. святых Кирилла и Мефодия в Скопье.

Молдавия: Академия наук Молдавии; Институт истории Академии наук Молдавии.

Польша: Институт истории им. Тадеуша Мантейфеля Польской академии наук; Институт истории науки им. Александра и Людовика Биркенмайеров Польской академии наук; Институт славистики Польской академии наук; Педагогический университет им. Комиссии национального образования в Кракове; Польская комиссия Общеславянского лингвистического атласа; Польская сторона Комиссии историков Польши и России.

Румыния: Институт исследований в области общественных и гуманитарных наук Румынской академии; Институт истории «Николая Йорга» Румынской академии; Национальный институт исследования тоталитаризма Румынской академии; Румынская сторона двухсторонней Комиссии историков Румынии и Российской Федерации; Совет румынского научного общества междисциплинарных исследований; профессор, д.и.н. *Елена Сютюр* — Институт по изучению Юго-Восточной Европы Румынской академии.

Сербия: Институт балканистики Сербской академии наук и искусств; Институт новейшей истории Сербии; Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств; Институт современной истории (Белград); Исторический институт (Белград); Кафедра славистики филологического факультета Белградского университета; *Любодраг Димич* — член-корреспондент Сербской академии наук и искусств, профессор Философского факультета Белградского университета; Общество славистов Сербии; Отделение подсобных фондов Народной

библиотеки Сербии; Сербская национальная комиссия Общеславянского лингвистического атласа; Центр по изучению России и Восточной Европы им. М. Йовановича Философского факультета Университета в Белграде.

Словакия: Институт истории философского факультета Прешовского университета; Институт русинского языка и культуры Прешовского университета; Институт славистики им. Яна Станислава Словацкой академии наук; Исторический институт Словацкой академии наук; Комитет славистов Словакии; Словацкая сторона Международной комиссии СР и РФ.

Словения: Институт гуманитарных наук (Любляна); Институт словенского языка Словенской академии наук и искусств; Институт словенской литературы и литературоведческих наук НИЦ Словенской академии наук и искусств; Научно-исследовательский центр в Копере; Отдел словенистики Философского факультета Люблянского университета; Факультет гуманитарных наук Приморского университета (г. Копер); Филологи-компаративисты Философского факультета Люблянского университета; Философский факультет Люблянского университета.

Украина: Институт украинского языка Национальной академии наук Украины; Общество дружбы «Украина – Сербия».

Хорватия: Старославянский институт (Загреб, Хорватия); Хорватская ассоциация международных исследований.

Черногория: Исторический институт Черногории.

Чехия: Институт истории Академии наук Чешской республики; Институт славистики философского факультета Университета им. Масарика; Музей национальной письменности в Праге; Педагогический факультет Университета Градец Кралове; Славянский институт Академии наук Чешской республики; Философский факультет Остравского университета; Философский факультет Южночешского университета в Ческе-Будеевице; Чешская ассоциация славистов; Чешская сторона комиссии историков и архивистов России и Чехии; Чешский культурный центр в Москве.

Япония: Центр славяно-евразийских исследований Университета Хоккайдо.

Российская академия наук: Отделение историко-филологических наук РАН; Архив РАН; Институт востоковедения РАН; Институт всеобщей истории; Национальный комитет славистов Российской Федерации РАН; Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова; Институт лингвистических исследований РАН; Институт российской истории РАН; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН; Институт экономики РАН; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт языкознания РАН; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; Поволжский филиал Института российской истории РАН; Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Высшие учебные заведения Российской Федерации: Бурятский государственный университет; Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета; Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; Кафедра истории южных и западных славян исторического факультета МГУ

им. М.В. Ломоносова; Кафедра славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; Марийский государственный университет; Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина; Факультет современных иностранных языков и литератур Пермского государственного национального исследовательского университета; Кафедра славянской филологии филологического факультета СПбГУ; Кафедра русского языка и общего языкознания Уральского Федерального университета.

Российские архивы: Государственный архив Российской Федерации

Государственные и общественные учреждения Российской Федерации: Институт стран СНГ (поздравление подписано первым заместителем председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ, Евразийской интеграции и связям с соотечественниками, руководителем Института стран СНГ *К.Ф. Затулиным*); Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; Комиссия по фольклористике при Международном комитете славистов; Редакция и редколлегия журнала «Живая старина»; Российский институт стратегических исследований; Фонд «Российско-Польский центр диалога и согласия».

© 2017 г. ДЖ. ДЗИФФЕР

ЕЩЕ РАЗ ПО ПОВОДУ ИСТОЧНИКОВ ХРАБРА

Впервые выявлена параллель, позволяющая разрешить загадку об употреблении славянами-язычниками письма, состоящего из «черт» и «резов», на основании сравнения пассажа из трактата «О письменах» Черноризца Храбра и шестого параграфа «Грамматического искусства» Дионисия Фракийского.

The present study exposes to view an entirely new perspective on the writing system of the pre-Christian Slavs, which - as we read in Monk Hrabr's treatise «On the Letters» - consisted of «strokes and incisions», by offering a comparison of Hrabr's «On the Letters» with paragraph VI of Dionysius Thrax's «The Art of Grammar».

Ключевые слова: «черты» и «резы», Черноризец Храбр, Дионисий Фракийский, «О письменах», «Грамматическое искусство».

Keywords: «strokes and incisions», Monk Hrabr, Dyonisius Thrax, «On the Letters», «The Art of Grammar»

Лишь немногие произведения древнеславянской письменности обладают способностью оставлять неизгладимый след в памяти читателя мгновенным обаянием самых первых, вступительных слов. Именно к таким относится старославянский трактат «О письменах», приписываемый традицией Черноризцу Храбру, начало которого гласит: Прѣжде оубо Словѣне не имѣахъ кънигъ, нъ чрътами и рѣзаньми чьтъѣхъ и гатаахъ, погани сѣще¹. Как отметил И. Гануш [1. S. 5], интерпретация этого памятника таит в себе столько же трудностей, сколько слов содержится в самом тексте. Несмотря на все имеющиеся сложности, цитирование этого пассажа давно считается почти обязательным для любого исследования, посвященного истории и особенно предьстории славянских алфавитов². Что конкретно следует понимать под «чертами и резами», на которые наш автор намекает вскользь и без колебаний? По причине отсутствия каких-либо дополнительных свидетельств на этот счет, эти слова всегда окружала некая аура таинственности.

В прошлом на данный вопрос были даны весьма различные ответы. По мнению одних ученых, «черты и резы» нужно связывать с определенным видом письменности, широко распространенным в историческую эпоху в большей

Джорджо Дзиффер – профессор университета г. Удине (Италия).

Статья была впервые опубликована на итальянском языке под названием «Ancora intorno alle fonti hrabrigiane» в книге Словенско средњовјековно наслеђе. Зборник посвећен професору Ђорђу Трифуновићу. Уредници З. Витић, Т. Јовановић, И. Шпадијер, Београд 2001. Перевод выполнен Алессандро М. Бруни, которому автор приносит самую искреннюю благодарность.

¹ Цитата из сочинения Храбра приводится по нашему, еще неопубликованному, критическому изданию.

² Один из самых ранних примеров можно найти в [2. S. 42–61].

части юго-восточной Европы, и известным под названием *rovás, raboš, rovásírás* и т.д. [3. С. 26–36], или с руническим письмом³, восходящим, по-видимому, к протоболгарской эпохе [5]. Некоторые специалисты утверждают, что существовала некая пиктографическая письменность, схожая с известными образцами других (неславянских) культур [6. С. 77; 7. С. 176]. Согласно иным исследователям, утверждение Храбра находит объяснение в знаках, нанесенных на керамические предметы или на стены зданий, раскопанные на территории Первого болгарского царства [8. С. 14–15], а также в граффити, найденных в северной Добрудже (современной Румынии) [9. С. 236–238]. Следует отметить, что ни одна из вышеупомянутых гипотез, к сожалению, не привела ученых к единому мнению.

Ниже предлагается иное решение проблемы, которое может показаться несколько банальным и не столь заманчивым, как вышеперечисленные гипотезы. Тем не менее оно прочно опирается на данные, извлекаемые из изучения тесных связей между византийской и старославянской литературами. Как широко известно, трактат Храбра находится в прямой зависимости от «Схолий» к «Грамматическому искусству» (Τέχνη γραμματικῆ) Дионисия Фракийского⁴, откуда наш автор не только черпал материал для своего труда, но даже заимствовал некоторые фундаментальные его части путем их обработки и перевода [11. С. 561–570]. Есть основание предполагать, что Храбр был знаком не только со «Схолиями», но и с основным текстом «Грамматического искусства», в частности с шестым (по ныне принятой разбивке текста) параграфом. Последний открывается следующими словами: Γράμματά ἐστιν εἰκοστέσσαρα ἀπὸ τοῦ ἄμέχρη τοῦ ᾧ. γράμματα δὲ λέγεται διὰ τὸ γραμμαῖς καὶ ξυσμαῖς τυποῦσθαι: γράψαι γάρ τὸ ξῦσαι παρὰ τοῖς παλαιοῖς... [12. С. 9] (*Букв двадцать четыре от α̅ до ω̅. Буквы называются так от того, что изображаются черточками и царапинами; ведь писать означает «царапать» у древних...*). По нашему мнению, не может быть сомнений в том, что Храбр, утверждая, что славяне в дохристианскую эпоху пользовались для письма «чертами и резами», над которыми многие ученые ломали голову, строит свое рассуждение именно на этимологическом анализе греческого термина γράμματα, предложенном Дионисием в вышеуказанном параграфе. В этой связи нужно подчеркнуть, что Храбр проявляет особый интерес к этимологическим трактовкам, имеющимся в его основном источнике, и в других местах своего сочинения, например при рассмотрении происхождения древнееврейской буквы «алеф» и древнегреческой «альфа» [11. С. 564]: *У евреев же первая буква «алеф», что значит «учение». И когда приводят ребенка (для обучения), говорят [ему]: учись, а это — «алеф». И греки, подражая этому, сказали «альфа». И так был приспособлен оборот еврейской речи к греческому языку, так что ребенку вместо «учения» говорят «Ищи». «Ищи» ведь говорится по-гречески «Альфа» [7.С.103].* Пассаж, которому посвящается данная статья, отчетливо иллюстрирует приемы Храбра по отношению к своему источнику. С одной стороны, автор придерживается его, а с другой — позволяет себе некую свободу, которая выражается в особом употреблении детали о греческих «черточках» и «царапинах» при обсуждении вопроса о письменности языческих славян.

Еще одна, казалось бы незначительная, особенность шестого параграфа «Грамматического искусства» также заслуживает нашего внимания: его наименование в разных рукописях гласит «περὶ στοιχείου», «περὶ τῶν κ̅δ στοιχείων» или, если учитывать и свидетельство схолий, «περὶ τῶν στοιχείων» [12. С. 9]. Здесь можно

³ Данной интерпретации придерживается Гануш (см. [4. С. 69–70]). Опровержение этих тезисов см. в работе Ягича [3. С. 25].

⁴ Фундаментальную библиографию по проблемам изучения этого текста см. [10].

увидеть определенную связь с титулом исследуемого нами произведения, ибо заглавие «*о писменехъ*» выглядит прямым эквивалентом данного греческого заголовка. Выявление очередного заимствования предоставляет дополнительные доказательства подлинности традиционного названия славянского трактата, хотя напрямую и не затрагивает проблемы, касающейся выяснения личности его (предполагаемого) создателя⁵.

В настоящей работе удалось обнаружить незамеченную ранее межтекстуальную связь, которая демонстрирует способность славянского автора объединять разные ингредиенты, заимствованные из источника, в единое целое, а также показывает, что труд Дионисия был известен славянской грамматической традиции⁶. Но самое важное – впервые выявленная параллель позволяет, как нам представляется, разрешить загадку об употреблении славянами-язычниками письма, состоящего из «черт» и «резов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Hanus I. J.* Das Schriftwesen und Schrifttum der böhmisch-slovenischen Völkerstämme in der Zeit des Überganges aus dem Heidentum in das Christentum. Prag, 1867.
2. *Rački F.* Pismo slovensko. Zagreb, 1861.
3. *Ягич И. В.* Вопрос о рунах у славян // Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1911. Вып. 3.
4. Der Bulgarische «Mönch Chrabru» (IX.– X. Jahrhundert). Ein Zeuge der Verbreitung glagolitischen Schriftwesens unter den Slawen bei deren Bekehrung durch die heiligen Kyril und Method // Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen 23:1, 1859.
5. *Симеонов Б.* Чрътали и рѣзали чрътаѣхъ и гатаѣхъ погани гл҃ше. Palaeobulgarica / Старобългаристика. 1982. № 7(2).
6. *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956.
7. *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
8. *Георгиев Е.* Разцветът на българската литература в IX–X в. София, 1962.
9. *Dujčev I.* Protostoria dell'alfabeto slavo // Palaeographica, diplomatica et archivistica. Studi in onore di Giulio Battelli. Roma, 1979.
10. *Swiggers P., Wouters A.* De Tékhne grammatikē van Dionysius Thrax: de oudste spraakkunst in het Westen. Leuven; Paris, 1998.
11. *Ziffer G.* Le fonti greche del monaco Chrabr // Stefanos. Studia byzantina ac slavica Vladimíro Vavřínek ad annum sexagesimum quintum dedicata. Praha, 1995 (= Byzantinoslavica LVI).
12. *Uhlig G.* Dionysii Thracis Ars Grammatica. Lipsiae, 1883.
13. *Toscano S.* La Slavia ortodossa / Storia della linguistica, a cura di G. Lepschy. Bologna, 1990. Vol. II.

⁵ В действительности нельзя категорически исключить возможность вторичного происхождения авторства Храбра, несмотря на то, что данная атрибуция восходит к самому архетипу.

⁶ Четкое краткое изложение о ней см. [13].

© 2017 г. Б.Н. ФЛОРЯ

СОБЫТИЯ ИСТОРИИ ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ НА СТРАНИЦАХ РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ XV–XVI ВЕКОВ

В статье показано, как представления древнерусских книжников о развитии мировой истории влияли на их сообщения о событиях истории поздней Византии и о причинах ее гибели.

The article explores how the views of Old-Russian scholars on the development of world history were influencing their interpretations of events from the late Byzantine history and the causes of its fall.

Ключевые слова: Россия, Византия, латинский мир.

Keywords: Russia, Byzantine, Latin world.

Даже беглое обращение к древнерусскому летописанию показывает, что события византийской истории далеко не часто находили свое отражение на страницах летописей. Многие очень значительные события в них совсем не фиксировались.

Положение дел изменилось, когда «Греческое царство», традиционно воспринимавшееся как главный центр христианского мира, погибло под натиском османов и Русское государство осталось единственной самостоятельной православной державой, на которую тем самым падала ответственность за судьбы христианского мира.

Неудивительно, что, хотя и не сразу, у составителей древнерусских сводов стал усиливаться интерес к событиям поздневизантийской истории, приведшим к гибели «Греческого царства» и выдвиганию России на арену мировой истории.

Событием византийской истории, привлечшим к себе серьезное внимание в Древней Руси, стало взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г. В Синодальном списке Новгородской I летописи была помещена целая повесть очевидца — наблюдателя событий. Написанная в то время, когда острое противостояние православного и латинского миров только зарождалось, это произведение остро осуждало «фрягов» — итальянцев за грабежи и насилия в Константинополе, но эти отрицательные эмоции не распространялись на лиц, стоявших во главе латинского мира — «цесаря немецкого» и папу. Направляя «фрязей» помочь законному претенденту занять византийский трон, они их наставляли: «Пакости не дейте Греческой земли», но те действовали «цесарева веленья забыща и папина». Главная тема повести — описание внутренних конфликтов в византийском обществе, из-за которых Константинополь оказался беззащитным перед лицом крестоносцев: греческое царство погибло в «сваде цесарев» [1. С. 46–49].

Флоря Борис Николаевич — чл.- корр., заведующий отделом Института славяноведения РАН.

Характерно, что в других современных источниках это событие не отразилось. О нем не упоминается, например, в Лаврентьевской летописи. Другое важное событие византийской истории — освобождение Константинополя от власти латинян вообще не нашло никакого отражения в древнерусских летописях.

Говоря о событиях 1204 г., последующие древнерусские летописи долго воспроизводили без каких-либо изменений текст новгородской повести: не только Новгородская летопись младшего извода, но также Софийская I и Московский свод 1479 г. [2. Т. 6. Вып. 1. С. 253–259; Т. 25. С. 101 и сл.; 1. С. 241 и сл.]. Любопытно, что в Новгородской IV летописи эта новгородская повесть была заменена краткой записью: «Взяша латыня Царьград, Греци иссекоша, а царя своего поставиша [...] своими епископы» [2. Т. 4. Вып. 1. С. 180]. При всей краткости записи здесь подчеркивается, что латиняне принесли в Константинополь свою веру.

Сохранился еще один краткий рассказ об этом событии, нашедший отражение в таких источниках второй половины XV в., как новгородская «Летопись Авраамки» и московская Симеоновская летопись и Типографская летопись [2. Т. 16. С. 47; Т. 18. С. 39; Т. 24. С. 85]. Здесь отмечается, что к Царьграду приходили «Немци, и Венедици, и Фрязи», они «много зла створиша греком» и в Константинополе «веру свою уставиша». Если в новгородской повести говорилось только о «фрягах», то в этой записи речь идет о нападении на Константинополь всего западного мира и подчеркнуто, что захватчики утвердили там «свою веру». Такая запись появилась, как представляется, в условиях обострения конфессиональных противоречий в XV столетии.

Событие это закономерно привлекло к себе внимание, когда в раннем XVI в. на русской почве стали создаваться «хронографы» — повествования о всемирной истории, включавшие обширный материал и по истории Византии. Для раннего XVI в. главным историческим материалом о событиях раннего XIII в. послужили южнославянские исторические сочинения, описывавшие становление Сербского и восстановление Болгарского государства. Под влиянием чтения таких сочинений составитель писавшегося в Иосифо-Волоколамском монастыре в 1516–1522 гг. Хронографа¹ искал причины падения Царьграда в отношениях императора с южнославянскими правителями. Как было записано в Хронографе, когда крестоносцы пришли к Царьграду, император Федор Ласкарь «не возмогшу стати против их, занеже имяше иного сопостата, Болгарского царя» [2. Т. 22. Ч. 1. С. 391–392]. Это сообщение, совсем не соответствовавшее историческим фактам (Федор Ласкарь стал императором уже после падения Константинополя), было, по-видимому, плодом самостоятельных размышлений составителя Хронографа ред. 1512 г.

Обращает на себя внимание, что при создании Хронографа западнорусской редакции в 30-х годах XVI в. (его протограф, по наблюдениям Б. М. Клосса, создавался в той же среде, где писалась и Никоновская летопись, т.е. в кругах, связанных с митрополичьей кафедрой [3. С. 170–173]) текст о событиях 1204 г. был серьезно изменен. Если в Хронографе ред. 1512 г. вслед за новгородской повестью говорилось, что латиняне увезли на Запад реликвии и мощи святых, то в «западнорусском» хронографе с ударением подчеркивалось, что после завоевания «ничто же называшеся в Цареграде Греческое, но вся Римская именованхуся», «и быша вся во Цареграде по Римскому обычаю» [2. Т. 22. Ч. 2. С. 180–181]. Ясно показывалось, что латиняне стремились утвердить в Константинополе

¹ О времени и месте создания так называемого Хронографа ред. 1512 г. см. [3. С. 158 и сл.].

свою веру. Можно отметить и другую особенность текста. Если в других текстах греки фигурировали как люди, подвергавшиеся насилиям со стороны крестоносцев, то в этом Хронографе с осуждением отмечалось, что «мнози греци в их обычай и закон внидоша». Так оказывалось, что греки уже в начале XIII в. обнаружили нестойкость в вере, неспособность противостоять латинянам. На рубеже 1520–1530-х годов этот рассказ был воспроизведен в тексте 1-й ред. Никоновской летописи [2. Т. 10. С. 37].

Включение такого рассказа в текст этого свода не было случайным. Он должен был, как будет ясно из дальнейшего, подготовить читателя к восприятию летописного рассказа о событиях, связанных с созывом Ферраро-Флорентийского собора и принятием на нем решения о соединении церквей. Развернутая оценка этих событий, как известно, появилась в древнерусском летописании далеко не сразу.

В своде 70-х годов XV в. – общем источнике Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей – читались достаточно краткие записи. Здесь говорилось о желании митрополита Исидора ехать в Рим «на осмой собор», и что он отправился в путь, «не послушав» великого князя. В другой записи говорилось о приезде в Москву Исидора, его аресте и бегстве. О том, что происходило на самом деле, можно было узнать лишь из слов Исидора: «Соединили есмы на сем восточная церкве с западными» [2. Т. 26. С. 192, 194; Т. 27. С. 106, 107]. В новгородском летописании, в Новгородской IV летописи и «Летописи Авраамки» также читались краткие записи, где о Флорентийском соборе по существу не сообщалось ничего, говорилось о путешествии Исидора на запад, его возвращении и аресте [2. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 437; Т. 16. С. 182–183]. Такие же краткие записи читались в Сокращенных сводах 90-х годов XV в. [2. Т. 27. С. 271, 272, 346, 348].

Но в текст московского свода 1479 г. был включен обширный рассказ о Флорентийском соборе, основанный на «повести» Симеона Суздальца [2. Т. 25. С. 253–260]. В изложении были сохранены основные особенности источника: обвинения царя и патриарха, что они «в прелести латыньских ересей впадоша», «в сети злата увязнувш», и прославление Василия II, сохранившего православие в своей земле, как «великого царя всеа Руси». Правда, в тексте выражалось восхищение выступлениями на соборе такого противника унии церквей, как Марк Эфесский, говорилось о других противниках унии среди греков, но главная интонация рассказа, как и в его главном источнике – «Повести» Симеона, состояла в осуждении отступничества греков² и их противопоставлению жителям Русской земли и ее главе – «царю всеа Руси» Василию II.

Все это соответствовало тезису, изложенному еще в послании митрополита Ионы, а затем приобретенному четкую форму в посланиях Филофея – «Греческое царство» отступило от веры и поэтому погибло [4. С. 100, 227–228].

В летописных сводах первых десятилетий XVI в. этот рассказ повторялся, пополняясь новыми материалами. Так, был дополнен рядом документов рассказ о Флорентийском соборе, читавшийся в своде 1518 г. – общем источнике Софийской II и Львовской летописей. В рассказе было помещено и изложение решений Флорентийского собора [2. Т. 6. С. 156 и сл.; Т. 20. С. 247–248], что, как представляется, должно было показать читателю, что соответствующее соглашение было заключено. Показателен комментарий к такому

² Греки «пришедшее вси к папе челом удариша по фрязскому праву и благословишася у него [...] и разидошася, тмою невериа покрывшася» [2. Т. 25. С. 253–260].

включенному в повествование документу, как послание Василия II в Константинополь, в котором говорилось об осуждении в Москве сторонника унии митрополита Исидора. После изложения послания в летописном тексте читалось: «Прииде весть, яко царь отиде в Рим на царство и ста в Латинскую веру». После этого Василий II предложил епископам самим избрать митрополита, и был избран Иона [2. Т. 6. С. 167; Т. 20. С. 254]. Так, в источнике, созданном в среде священников кремлевских соборов [5. С. 309–310], четко постулировалась связь между автокефалией Русской церкви и отступничеством «Греческого царства».

Антигреческая тема получила развитие в ином направлении в тексте повествования о Флорентийском соборе Никоновской летописи. Здесь также было помещено изложение решений собора, свидетельствующее о том, что уния была заключена. Вместе с тем, если в своде 1518 г. внимание сосредоточивалось на особе царя и патриарха, то составители Никоновской летописи возлагали ответственность за происшедшее на гораздо более широкий круг людей. Так, в летописи отмечалось, что, желая достичь своих целей, латиняне давали «злато и сребро» как епископам, так и «философом их и всем греком» [2. Т. 12. С. 35]. Этот перечень не был случайным, так как далее читается, что папа Евгений отмечал окончание собора («ликоствова») не только с духовными лицами («со всеми митрополиты и епископы греческими и с иноки»), но и «с философы, и со князи и бояры и со всеми греки» [2. Т. 12. С. 36]. Ответственность за происшедшее падала, таким образом, на все греческое общество, и на духовную, и на светскую его часть.

Как известно, так называемый Хронограф ред 1512 г., создававшийся в среде, близкой к инициатору Никоновского свода – митрополиту Даниилу, был одним из важных источников первой редакции Никоновского свода. В нем читается характеристика событий, резко отличная от той антигреческой линии, которая получила отражение в рассмотренных выше текстах. Рассказ начинается с сообщения, что император Иоанн VIII направился в Рим, чтобы «обратити латын в православную веру и соединити церковь за едино стояти на турки». Таким образом, намерения императора были самыми наилучшими. Осуществить их, однако, не удалось, так как латиняне не захотели соединения на равноправных условиях и потребовали у греков полного подчинения («вам достоит нам покоритися и наша восприяти»). В итоге «мнози от православных, супротив глаголавшее, отоидоша, неции же прельстишася» [2. Т. 22. Ч. 1. С. 429–430]. Рассказ этот затем был повторен в Хронографе западно-русской редакции, где прямо отмечалось, что участники «ничтоже успевше, разидошася» [2. Т. 22. Ч. 2. С. 199–200]. Таким образом, согласно этой версии, большая часть православных не согласилась на предложения латинян и никакого соединения церквей не произошло.

Есть основания полагать, что рассказ Хронографа был известен составителям Никоновского свода, но был ими отвергнут. С чем же следует связывать появление разногласий в оценке событий, происходивших во Флоренции. Как представляется, следует иметь в виду два важных обстоятельства. Православные церкви Ближнего Востока в конце концов не приняли Флорентийской унии. Следовало ли в этих условиях продолжать обличать греческое общество, осложняя контакты с ним?

Во-вторых, следует принять во внимание, что на 1518 г. приходится возобновление после длительного перерыва официальных церковных контактов между Москвой и Константинополем, когда в Москву прибыл митрополит Григорий,

посол константинопольского патриарха Феопипта, а с ним монахи ряда монастырей Святой Горы. В своей грамоте от июля 1516 г. патриарх обращался к московскому митрополиту Варлааму, как «о святем душе возлюбленному брату нашего смирения и съслужебнику», что означало фактическое признание русской автокефалии. В грамоте Варлааму Василий II был назван «царем и великим кралем [...] Великия Руси»³.

Важно отметить, что в летописных текстах этого времени подчеркивалось самое внимательное отношение высшей светской и церковной русской власти к греческим послам. Так, Василий III послов «прият с великою честью», а митрополит Варлаам беседовал с ними «о божественных словесех духовных» [2. Т. 13. С. 28; Т. 20. С. 393–394]⁴.

В этой ситуации при описании событий, связанных с Флорентийским собором, и возникли колебания, следовать ли установившейся к этому времени традиции или, наоборот, отвергать сам факт того, что во Флоренции было заключено соглашение о соединении церквей.

Наметившаяся дилемма получила позднее свое разрешение в тексте «Степенной книги». Здесь отмечается, что соглашение о соединении церквей встретило сильную оппозицию среди православных. Против унии выступил не только Марк Эфесский, но и много митрополитов и епископов, «числом же до штидесяти, поборующих по благочестию». Соглашение было заключено, когда одни были подкуплены, а многие другие заключены в тюрьмы, где их «оковы облагаху и гладом томяху». Некоторые из них там и умерли, а другие «неволею подписашася» [7. С. 195]. Таким образом, соглашение было заключено с помощью неприкрытого насилия. В последующем тексте говорилось, что папа отправил в Константинополь своего патриарха, но его «верние люди от царствующего града отгнаша, и бысть поставлен в Цариграде патриарх православен», перед которым публично каялись люди, подписавшие решения Флорентийского собора [7. С. 195]. Такую яркую картину создатели «Степенной книги» нарисовали, сопоставив сведения послания Василия II 1452 г. об отсутствии в Константинополе патриарха [8. С. 91] и сведения «Повести» Нестора Искандера (об этом источнике речь пойдет ниже) о присутствии в городе в момент падения православного патриарха Анастасия.

Вопрос о судьбе Флорентийской унии в Византии был таким образом решен, но появилась необходимость объяснить читателю: если греки не отступили от своей веры, почему же пал Константинополь? Подробный рассказ об этом событии появился в древнерусском летописании также далеко не сразу. В последних памятниках новгородского летописания («Летопись Авраамки», Строевский список Новгородской IV летописи) читается краткая запись «взяша турци Царьград, и хрестьянство погубиша, и святые церкви разориша» [2. Т. 16. С. 194; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 445]. В великокняжеском своде 70-х годов XV в. — общем источнике Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей читалась еще более краткая запись (под 1452 г.): «взят бысть Царьград от безбожных турков» [2. Т. 26. С. 212; Т. 27. С. 118]. Самая краткая запись о взятии Константинополя читалась затем в Московском своде 1479 г. [2. Т. 25. С. 272], в сокращенных сводах 90-х годов, в Симеоновской летописи [2. Т. 18. С. 208; Т. 27. С. 274, 348]. В ростовском владычном своде, дошедшем в составе Типографской летописи, также читается достаточно краткая запись:

³ Текст грамоты Феопипта см. [6. С. 339]. О визите и его значении см. [4. С. 214–215].

⁴ Митрополит Варлаам «велику честь и любовь показаше» [2. Т. 6. С. 261].

султан «взял Царьград и царя уби и веру свою бесерменскую устави в нем», а Св. Софию превратил в мечеть [2. Т. 24. С. 184]. Запись эта, вероятно, воспринималась читателем в сопоставлении с другой записью из рассказа о «стоянии на Угре» 1480 г., где перечислялись захваченные османами земли: «Българе и Скърби(!), и Греци, и Трапизон, и Аморея, и Арбанасы, и Хърваты, и Босна», они «погибоша и отечество изгубиша» [2. Т. 24. С. 201–202].

Своеобразным контрастом к этим свидетельствам о катастрофе служит сообщение тверской летописи: султан «веры руския не преставил, патриарха не свел, но один в граде звон отнял» [2. Т. 15. Стб. 495]. В ряду этих текстов может быть помещен и рассказ общего источника Софийской II и Львовской летописей, читавшийся либо в своде конца XV в., писавшемся в среде кремлевского духовенства, либо в более поздней компиляции – своде 1518 г. Здесь говорится о падении Царьграда из-за предательства императорского наместника, а затем последовало разорение христианских храмов и истребление людей [2. Т. 6. С. 180; Т. 20. С. 262].

Все эти рассказы не опирались на какие-либо письменные источники, а передавали какие-то устные рассказы о событиях. Все эти записи объединяет не только отсутствие какого-либо описания события, внимание обращено лишь на его важнейшие последствия, но и отсутствие каких-либо объяснений происшедшего, в том числе и в памятниках великокняжеского летописания.

Положение изменилось с созданием древнерусских Хронографов, где гибель «Греческого царства» должна была занять важное место. Составитель так называемого русского Хронографа ред. 1512 г., завершая свое повествование сообщением о взятии Царьграда, как важнейшем событии мировой истории, не располагал какими-либо описаниями падения города и поместил в заключительной 208 главе повествования «Плач» о гибели Царьграда, написанный, как показал Б. М. Клосс, самим составителем Хронографа [8. С. 244–245]. Рисуя страшную картину гибели «великого» града и «великого» царства: «царство благочестивое – темное и незаконное царство сотворяют» [2. Т. 22. Ч. 1. С. 438], он говорит о падении Царьграда как страшном примере Божьего гнева, упавшем на царствующий град, так как в нем «согресиша от главы до ногу» и «ничим же иным не может очистится таковой грех, точию огнем» [2. Т. 22. Ч. 1. С. 438–439]. Однако о каких «грехах» идет речь, из текста узнать было нельзя. Описывая страшную катастрофу мирового значения, автор одновременно подавал читателю надежду. Бог сохранил под властью неверных христианские храмы – «яко искру скры в пепеле» и когда-нибудь после истинного покаяния грешников Бог эту искру «возжет зело и попалит Измаилт злочестивых царства якоже терние» «и паки возставит благочестие и царя православна» [2. Т. 22. Ч. 1. С. 439]. Можно было бы рассматривать данный текст как пророчество о восстановлении Византийской империи, чему противоречит следующий за этими словами текст. Здесь говорится, что турки многие царства «покориша под свою власть, наша же Росиская земля [...] растет и младеет и возвышается», и составитель Хронографа выражает желание, чтобы Бог позволил так и продолжаться «до скончания века» [2. Т. 22. Ч. 1. С. 439–440]. Очевидно, составитель Хронографа был близок к взглядам Филофея, что Россия останется центром христианского мира до конца мировой истории. Ей и предстояло восстановить господство православной веры в Царьграде (ср. [4. С. 189–192]).

По-видимому, уже после того как работа над Хронографом была завершена, его составители получили доступ к Повести Нестора Искандера,

содержавшей подробный рассказ об обороне Царьграда и его падении. Текст Повести был продолжен рассказом Хронографа после 208 главы. В основу рассказа, как справедливо полагал М. Н. Сперанский, легли, вероятно, записки свидетеля и участника событий Нестора Искандера, имевшего возможность воссоздать события, происходившие на обеих сторонах. Затем эти записки попали в руки талантливого древнерусского книжника, создавшего, используя данный материал, яркое художественное произведение, близкое древнерусским воинским повестям [9. С. 139–143, 148]. Это произведение уже существовало на рубеже XV–XVI вв. [10].

Как и следовало ожидать, падение Константинополя рассматривается в Повести как проявление Божьего гнева, вызванного «неисчетными согрешенми и безаконми». Упомянуты междоусобные брани, от которых «оскудеша силнии и обнишаша людие и преуничтожися град» [11. С. 32].

Эти суждения, однако, мало влияют на тональность повествования. Защитники Константинополя выступали во главе с императором Константином XI – главным героем повествования как смелые, мужественные воины, которые храбро дают отпор огромной османской армии. Они погибли потому, что их было мало и они ни от кого не получили помощи.

Сопоставляя сообщения «Повести» со свидетельствами других источников, М. Н. Сперанский пришел к обоснованному выводу о достоверности сведений этого источника [9. С. 165]. В этой связи привлекает к себе внимание одна особенность повествования. В нем рядом с императором выступает патриарх, неоднократно совершающий моления вместе со всем духовенством в храме Св. Софии. Указывается и его имя – Анастасий [11. С. 32, 50, 52, 54, 60]. Между тем патриарх Григорий Мамма, сторонник унии церквей, покинул город еще в 1451 г. и другого патриарха там не было. Более того, в Константинополе находился как папский легат бывший киевский митрополит Исидор, под давлением которого 12 декабря 1452 г. в соборе Св. Софии были публично подтверждены решения Флорентийского собора [12. С. 179].

Остается неясным, кто дал такую характеристику церковной жизни в осажденном Царьграде, сам Нестор Искандер, заинтересованный в прославлении своего героя – Константина XI, или обрабатывавший его записки древнерусский книжник. Повесть Нестора Искандера была явно признана в России наиболее авторитетным свидетельством о падении Царьграда. Ее тексты легли в основу рассказов об этом событии и в Хронографе, и в древнерусских летописных сводах, таких, как Никоновская и Воскресенская летописи. Текст Повести был при этом сокращен в связи со стремлением придать ему характер документального повествования, но общая тональность повествования при этом не изменилась [9. С. 152 и сл.; 13. С. 173 и сл.].

Следует отметить еще одну особенность Повести, важную для древнерусского читателя. Уже в самом начале повествования говорится о том, что «паки христьянство одолеет бесерменство» и Константинополь будет освобожден [11. С. 28]. Более подробно и с большей эмоциональной силой об этом говорится в концовке произведения. Здесь говорится, что если сейчас над царствующим градом исполнились первые пророчества Льва Премудрого и Мефодия Патарского, то и «последняя не преидут». «Русий же род [...] всего Измаилтя победят и Седмохолмаго примут [...] и в нем воцарятся» [11. С. 68]. Предсказания о будущем освобождении неким «русым родом» – устойчивая традиция византийской письменности, начиная с X в. Этот «русый род» не отождествлялся с «русскими» [13. С. 179], но на русской почве наметилось переосмысление. Не случайно

приведенный выше текст был продолжен в «Повести» словами: «и судръжат Седмахолмаго русы».

Неудивительно, что при имевших место сокращениях эта часть текста сохранилась и при передаче ее в Хронографе – «русый род» превратился в «Руский род» [2. Т. 22. Ч. 1. С. 460].

Благодаря авторитетному свидетельству Повести Нестора Искандера вопрос об отступлении жителей Царьграда от веры и гибели Византийской империи в свете этого события не стал магистральной темой древнерусских исторических сочинений, хотя сторонники такой точки зрения (вроде псковского старца Филофея) в древнерусском обществе продолжали существовать. Показательны в этом плане уже цитировавшиеся выше размышления автора «Плача», что Бог укрыл в храмах Греческой земли истинную веру, как искру в пепле. Очевидно, что у писавшего этот текст составителя Хронографа не было сомнений в истинности веры греков.

Но в этих условиях возникал и приобретал постепенно остроту вопрос, какие же поступки византийцев вызвали такой страшный Божий гнев. Повесть Нестора Искандера отвечала на этот вопрос в самых общих словах. Это, по-видимому, удовлетворило создателей Хронографа, но не удовлетворило митрополита Даниила при работе над текстом Никоновской летописи. В его летописном своде была воспроизведена Повесть Нестора Искандера в ее хронографической редакции, но вслед за ней помещен другой текст – «Повесть вкратце» о взятии Константинополя. Как установил Б. М. Клосс, «Повесть» по следам событий написал Эней Сильвий Пикколомини (будущий папа Пий II), а перевел ее с латыни в начале 20-х годов XVI в. Максим Грек [14]. Возникает вопрос, что побудило митрополита Даниила и книжников его круга обратиться к этому тексту, который никак существенно не дополнял сообщение Нестора Искандера об осаде и взятии города. Как представляется, дело было в том, что в этом тексте подробно перечислялись грехи, навлекшие на Константинополь Божий гнев. Здесь перечисляются: сребролюбие, «вражда и ненависть друг на друга», клевета, зависть, гордость, «законопреступление» и «священная им ни во что же быша». В другом месте фигурировали «несмирительные гордости», лукавства, «насилования друг на друга» [2. Т. 12. С. 99]. Этот текст, таким образом, давал развернутое объяснение падению Царствующего града. Стоит отметить концовку рассказа, воспроизведенную в Никоновской летописи. Здесь говорится, что Исидор, к тому времени уже кардинал, при взятии города попал в плен, но сумел выкупиться за 300 серебряников, так как его не узнали [2. Т. 12. С. 100]. Хотя Исидор был фигурой, хорошо известной древнерусским летописцам, сам факт его пребывания в Константинополе во время осады города не привлек к себе внимания и не вызвал критических замечаний по адресу греков.

С этого времени общепризнанным стало, что падение Константинополя – результат пороков общественной жизни поздней Византии. Тема в результате стала приобретать особое звучание. Русское государство, которому предстоит в финале мировой истории исполнить ту миссию, которую не смогла исполнить Византия, должно избежать тех пороков, которые погубили Византийскую империю. Отсюда – самое живое обсуждение в памятниках середины XVI в. вопроса о том, какие именно пороки погубили Византию и что нужно сделать в России, чтобы ее не постигла такая же участь. В обсуждении этой темы участвовали и Иван Пересветов, и Зиновий Отенский, и сам царь Иван IV. Но это уже тема особого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
2. Полное собрание русских летописей. СПб., 1848. Т. 4. Вып. 1; 1853. Т. 6. Вып. 1; 1855. Т. 10; 1863. Т. 15; 1889. Т. 16; 1901. Т. 12; 1904. Т. 13; 1910. Т. 20; 1911. Т. 22. Ч. 1; 1913. Т. 18; Пг., 1914. Т. 22. Ч. 2; 1921. Т. 24; Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2; М.; Л., 1949. Т. 25; 1959. Т. 26; М., 1962. Т. 27.
3. *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
4. *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
5. *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984.
6. Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1.
7. Книга степенная царского родословия. М., 2008. Т. II.
8. *Клосс Б. М.* О времени создания русского хронографа // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1971. Т. 26.
9. *Сперанский М. Н.* Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI–XVII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1954. Т. 10.
10. *Азбелев С. Н.* К датировке русской Повести о взятии Царьграда турками / Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1961. Т. 17.
11. Библиотека литературы древней Руси. СПб., 1999. Т. 7. Вторая половина XV в.
12. Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 27.
13. *Скрипиль М. О.* «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера / Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1954. Т. 10.
14. *Клосс Б. М.* Максим Грек – переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками» // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975.

© 2017 г. Н.Н. НАУМОВ

СИГИЗМУНД ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ И ЧЕШСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ В ПРЕДДВЕРИИ ГУСИТСКИХ ВОЙН

В статье рассмотрены взаимоотношения чешского панства с Сигизмундом Люксембургским, венгерским и германским королем, впоследствии императором, в 1419 г. наследовавшим своему брату, чешскому королю Вацлаву. Исследование проведено с целью выявления политических приоритетов и стратегий поведения монарха и чешской аристократии в условиях смены власти в Чешском королевстве накануне гуситского конфликта. Автор обратился к малоизученным старочешским грамотам, содержащим требования чешских сословий и реакцию Сигизмунда на них (сентябрь – октябрь 1419 г.).

The article analyses the relations between the Czech nobility and Sigismund of Luxembourg, king of Hungary and Germany, later emperor of the Holy Roman Empire, who inherited the Kingdom of Bohemia from his brother Wenceslaus in 1419. The study intends to clarify political aims and behavioral strategies of the royal authority and aristocracy during the change of throne in the Kingdom of Bohemia on the eve of the Hussite revolt. The author refers to some less explored Old-Czech charters containing the demands of the Czech Estates and Sigismund's response.

Ключевые слова: Сигизмунд Люксембургский, Гуситские войны, королевская власть, чешская аристократия (панство), политический диалог, Центральная Европа.

Keywords: Sigismund of Luxemburg, Hussite wars, royal power, Czech aristocracy, political dialogue, Central Europe

В 1419 г., на четвертый день после праздника Успения Девы Марии [1. Р. 346] умер Вацлав, король Чехии, некогда также король германский, низложенный в 1400 г. коллегией курфюрстов, правитель, которому перед лицом недовольной высшей шляхты в 1394–1396 и 1402–1403 гг. грозила утрата и собственного домена – Чешского королевства. Примечательно, что при его отце Карле ничто не предвещало подобной внутренней консолидации имперской, а также чешской знати против короля. После смерти Вацлава последовали Гуситские войны, которые можно рассматривать как кризис не только религиозный, но и политический – в контексте взаимоотношений главных действующих сил тогдашнего общества: королевской власти и аристократии. Ведь на стороне последователей Яна Гуса выступила значительная часть высшей шляхты – «извечного соперника чешского короля», по выражению современного чешского историка Иржи Юрока [2. S. 159]. Без ее поддержки они вряд ли смогли бы в 1420–1434 гг. успешно противостоять посылаемым против них крестоносным армиям¹.

Наумов Николай Николаевич – аспирант МГУ.

¹ О взаимосвязи между интересами гуситского движения и чешской знати см. статьи М. Поливки и Фр. Шмагеля, а также диссертационную работу А. П. Пашинина [3–5].

Сигизмунд Люксембургский, брат и наследник Вацлава, был главным противником гуситов. Как известно, он лишь в 1434 г. в битве при Липанах сумел нанести решающее поражение наиболее радикальной их части — таборитам. И эта поздняя победа была результатом предварительного примирения короля с более умеренными элементами — чашниками, к которым примыкала большая часть гуситской шляхты [6. С. 65—69]. Таким образом, полноценно овладеть королевством Сигизмунд смог лишь после того, как заручился согласием всей политической элиты.

Вышеизложенные факты подталкивают к следующему вопросу. Из каких побуждений воевали сторонники гусизма из числа чешской аристократии? Исключительно ли из неприятия авторитета римского апостольского престола и ненависти к новому королю, который на Констанцском соборе погубил их духовного наставника? Какие цели преследовал Сигизмунд? Только лишь заботу о единстве христианского мира и искоренении ереси, что было его обязанностью как германского короля? Дать ответ на эти вопросы представляется возможным при том условии, если взглянуть на Гуситские войны как на проявление противоречий в политическом устройстве тогдашнего общества. Необходимость подобного подхода к исследуемой проблеме постепенно сознает и современная чешская медиевистика. Прежде одни историки видели в этом конфликте противостояние немцев и славян, другие — социальную борьбу между угнетенными и угнетателями, третьи — результат кризиса в католической церкви и «реформацию перед реформациями» [7—10]. И лишь недавно И. Юрок в теоретическом очерке попытался вписать этот конфликт в контекст длительного соперничества за власть в Чешском королевстве между королевской властью и аристократией в XIII—XVII вв. [2. S. 159—175].

Настоящая работа имеет своей целью выявление соотношения, приоритетов и стратегий поведения главных социально-политических сил в Чешском королевстве в условиях смены верховной власти накануне Гуситских войн. Основной частью статьи является анализ требований, предъявленных чешской аристократией Сигизмунду, а также его ответной реакции, отраженной в послании его советников, католических панов, к сословиям королевства (сентябрь — октябрь 1419 г.). Последний источник, хоть и был опубликован, но прежде не привлекался к исследованию. Хронологические рамки исследования (август 1419 — январь 1420 г.) заданы смертью Вацлава и началом имперского собрания во Вратиславе (нем. Бреслау, совр. Вроцлав), где Сигизмунд открыто призвал к борьбе с гуситами.

* * *

Чем же было вызвано это явное ослабление королевской власти в правление Вацлава? Мнения чешских историков расходятся. Одни, как например, З. Фиала, видят главную причину в личных качествах этого государя, которому попросту не представилось возможности приобрести жизненный и военный опыт своего отца. «Он просто наблюдал за властным механизмом, функционировавшим без сбоев в последние годы правления Карла, и не мог подумать, что ситуация вдруг изменится и возникнут прежде невиданные вызовы: раскол в католической церкви, конфликт городов и князей в империи, разлад и соперничество в династии Люксембургов после смерти Карла, мятеж в среде чешского панства»². Однако мне

² При этом Фиала далек от мысли, что Вацлав «не желал править, подумывал отречься от трона, что ему наскучило правление». По мнению историка, «он как раз наоборот стремился к этому и был сам о себе очень высокого мнения как о правителе, но не желал слишком себя обременять». Отсюда происходит то коренное отличие между практиками управления времен Карла и его сына, а именно, что «советники Карла проводили его политику (курсив автора. — Н.Н.), в то время как Вацлав по существу оставил своим советникам на откуп проводить “какую-либо” политику в интересах короля и сам ее не контролировал» [11. S. 300—301].

представляется более обоснованной точка зрения других исследователей (И. Спевачек, Й. Малец, И. Кейрж), которые делают упор на объективных факторах. К ним они относят глубинные процессы, протекавшие в Чешском королевстве в XIII—XV вв., в первую очередь, дифференциацию шляхты. Из прежде недифференцированного слоя благородных постепенно выделялись наиболее знатные и богатые, за которыми закрепилось название «панов». Становление панства как первого сословия Чешского королевства заключалось, прежде всего, в тех властных притязаниях, которые отдельные паны и их группировки предъявляли королевской власти, стремясь занять полагавшееся им место в управлении³. Между тем, Вацлав был известен тем, что предпочитал в качестве советников выходцев из низшей шляхты, а не панов — знатных и уважаемых, имевших реальную власть в своих владениях, умевших возразить королю [14. S. 212]⁴. В своем исследовании И. Юрок наглядно продемонстрировал несоответствие между огромной непосредственной территориальной властью высшей знати и тем местом в управлении, которое ей отводил Вацлав [16. S. 469—470]. Поэтому, быть может, прав И. Спевачек, предположивший, что этот правитель, уклонившийся от прямого противостояния группировкам мятежных панов в 1394—1396 и 1402—1403 гг., чтобы не развязывать конфликт, сумел удержаться на чешском престоле как раз благодаря своему податливому характеру [12. S. 590].

В противоположность Вацлаву его брат Сигизмунд, если доверять свидетельствам современников, обладал некоторого рода политическим упорством. Столкнувшись в 1401 г. с мятежом в среде венгерской аристократии, недовольной высоким статусом его иностранных фаворитов и потребовавшей изгнать из Венгерского королевства чехов, поляков и немцев, он заявил ворвавшимся к нему заговорщикам: «Я — ваш король, убейте меня, но знайте, что это ни за что не останется безнаказанным», затем же взревев и обнажив кинжал: «Подходи! Я твердо решил, первому, кто нападет, я воткну этот кинжал в горло!»⁵. Стремление высшей знати наравне с королевской властью участвовать в управлении было характерной чертой политического развития центральноевропейских государств позднего Средневековья, но эта тенденция с разным результатом воплотилась в королевствах Венгерском и Чешском начала XV в. В этих условиях Вацлав плыл по течению, Сигизмунд же пошел наперекор и одержал

³ Начало этих процессов чешские историки относят ко второй половине XIII в. и в качестве своеобразной отправной точки соперничества королевской власти и формировавшегося панского сословия выделяют 1278 г., когда Пршемысл Отакар II был разбит Рудольфом Габсбургом, не в последнюю очередь из-за измены наиболее знатных [12. S. 569—576; 13. S. 194].

⁴ В современной историографии это мнение пересматривается. Так, по подсчетам Р. Новотного, более двух лет в качестве реляторов королевских грамот, т.е. лиц, по совету которых Вацлав санкционировал решение, выступали 15 низших шляхтичей и 26 панов [15. S. 225—227]. Однако историк не рассмотрел непосредственное влияние этого «малого двора» на политику короля, поэтому, на мой взгляд, было бы пока преждевременным отвергать представленный выше тезис.

⁵ Из анонимной хроники о короле Сигизмунде: «*Ich bin euer konink, mordet er mich, dat blift nummer ungerochen, dat solt ir vinden. "Und zuch eraus sinen dol und reif: "wol hin! ich hain mich es vergewen, der erst, der mich angriff, den stues ich desen dol in sinen hals"*» [17. S. 348]. С небольшими отличиями в деталях, но, в сущности, так же реакция короля представлена и в жизнеописании, которое составил Эней Сильвий Пикколомини: «*Videbo ego, quis vestrum tam audax, tam temerarius, tamque sceleratus erit, ut in regem suum manus injicat, simulque hanc siccam in ventrem ejus recondam, ne impunitus regiam maiestatem laeserit. Liga me quisquis es audax, accipe regem tuum, nec te homines, nec superi impunitum relinquent*» [18. S. 109]. Перевод: «Посмотрим, кто из вас будет столь дерзок, безрассуден и преступен, чтобы поднять руку на короля своего; я тотчас же воткну этот кинжал в его живот, чтобы он не оскорбил королевское величество безнаказанно». Сходство выделенных курсивом топосов у столь разных авторов — кельнского хрониста и папского секретаря — позволяет сделать вывод о распространенности этого рассказа и представления о Сигизмунде как о решительном правителе среди самых разных кругов, хотя некоторые поступки этого короля — как например, бегство с поля боя при Никополе в 1396 г. — говорят скорее о том, что он не был склонен пренебрегать благоразумием в пользу горячности.

верх с помощью разных средств: сначала конфисковал владения мятежников, потом же успешно интегрировав наиболее влиятельных в свое окружение [19. Р. 62—64; 20. Р. 61—62]⁶. Поэтому последний, как представляется, слабо понимал, почему его брат, чешский король, ничего не предпринимает для укрепления собственной власти и, более того, бездействует перед лицом распространяющегося учения гуситов: «И мы просим и побуждаем из нашей искренней братской любви, чтобы вышеописанное положение было явно и коренным образом исправлено, так чтобы нам и христианским князьям не пришлось браться за меч против врагов христианской веры и Вашего королевства»⁷, — писал Сигизмунд своему брату в 1418 г. [22. Fol. 205v]. В этих словах читается даже косвенная угроза покончить с гуситами самостоятельно, что в глазах германского и венгерского короля повлекло бы за собой ущерб для королевского достоинства и суверенитета короля Чехии.

После смерти Вацлава паны и города Чешского королевства собрались в сентябре 1419 г. в неизвестном месте. К сожалению, нет сведений, насколько подобный «сословный» съезд был репрезентативным, присутствовало ли на нем католическое, а не только гуситское панство. Тем не менее, его участники составили ряд статей в интересах «земли» и «общины» (*ст.-чеш. země / obec*) Чешского королевства и направили их Сигизмунду, «нашему новому королю и милостивому господину»⁸. Статьи заключали в себе настоятельную просьбу подтвердить те свободы, которые прежде — согласно просителям — были установлены самим «доброй памяти королем Вацлавом»⁹, братом и предшественником Сигизмунда. Наиболее важными для настоящего исследования представляются следующие три пункта требований: 1) разрешить гуситское исповедание причащения под обоими видами, т.е. хлебом и вином, для всех; 2) постановить, чтобы «иностранные лица, светские и духовные, не были допущены ни до каких кормлений, титулов или земских податей»; 3) запретить использование «казны чешского королевства, издавна собираемой и хранимой для общего блага чешского народа и королевства, иначе как во благо и славу земли и по совету панов»¹⁰. Вряд ли можно согласиться с Ф. Шмагелем, утверждающим, что подобные требования носили «национальный характер», что это были требования «чехов как единой языковой общности» [25. S. 100—105]. Упомянутый в приведенном тексте «чешский народ» (*ст.-чеш. český jazyk*), равно как «общее благо» (*ст.-чеш. obecné dobré*), отсылки к которому встречаются и в актах сословных собраний иных западноевропейских стран — это семантические конструкторы, призванные доказать репрезентативность этого собрания, его общекоролевский характер. Паны и города представляют не народ чехов, но политический народ Чешского королевства. В то же время, за всяким отдельно взятым требованием проглядывает частный интерес той

⁶ С данной оценкой результатов политики Сигизмунда по отношению к венгерской аристократии не согласен Э. Фюгеди [21. Р. 334].

⁷ «Und also biten wir und mane mit reyner bruderlich libe daz dy obgescriben sachen also offenberliche und schowarlichen verbessert wurden das wir und cristliche fursten nicht muste nemen dy swert wider dy feynde der cristlichen kirchn und ewe kunigreichs».

⁸ Оригинал озаглавлен: «Artikulowé tito podání budte králi našemu nowému, pánu milostiwému». Опубл. в.: [23. S. 206—208].

⁹ «Jakož dobré paměti bratr jeho král Wáclaw tu swobodu byl jest propustil» [23. S. 206—208]. Что «богемские господа» ссылались на волю короля Вацлава, подтверждает и Эберхард Виндеке, автор «Книги императора Сигизмунда» и возможный очевидец посольства чехов. «Das er dise artikel bestetigen wolt, also sin brüder Wentzlawu sú ouch gehalten hette» [24. S. 121].

¹⁰ «Aby cizozemci swětšti neb duchowní w nižádné úfady neb dostojenstwie neb obroky zemské nebyly dopuštěni [...] aby pokladowé králowstwie Českého, poněwadž jsú od dáwna pro obecné dobré jazyku a králowstwie Českého shromažďowáni a zachowáni, aby nebyli hýbáni a utracowáni, leč zemské dobré a počestné a s raddú panskú» [23. S. 207].

или иной сословной, либо локальной группы, который другие участники процесса могли разделять не полностью, или вообще не разделять. Вряд ли пражанам из Нового Места было дело до того, чтобы Сигизмунд советовался с панами. Что же до последних, то сомнительно, чтобы они с энтузиазмом требовали первенства горожан-чехов над немцами при занятии городских должностей.

Важно, что вышеизложенные ограничения на использование казны и распределение кормлений не позволили бы Сигизмунду, воспринимавшему Чешское королевство как свое «законное наследство по отцу»¹¹, как свой домен, править полновластно, как королю наследному, а не выборному. В то же время, в 1410-х годах наглядно проявилась недостаточность тех ресурсов, на которые он мог рассчитывать в качестве выборного правителя Империи¹². Характерно, что с подобными притязаниями Сигизмунд уже сталкивался в 1387 г., но тогда они исходили со стороны венгерских «прелатов и баронов», вернее сказать, его собственных сторонников из числа венгерской аристократии, требовавших за свою поддержку уступок с его стороны. Неопытный юноша в возрасте 19 лет, к тому же воспринимавшийся венграми как чужак, «чешская свинья»¹³, он был вынужден согласиться «держат как советников венгерский народ, а не какие иные, а также жаловать должности, поместья и службы лицам духовным, либо светским не из иных народов, но лишь из венгерского народа»¹⁴. Теперь же его – 52-летнего государственного мужа, успевшего к этому моменту подавить мятеж этой самой аристократии и, более того, создать в ее среде опору из возвышенных им самим западно- и северовенгерских родов – вряд ли можно было сделать куклой в руках высшей шляхты.

¹¹ Из фразы Сигизмунда, сказанной им о Праге летом 1420 г. во время первого похода против гуситов и известной в передаче Виндеке: «Ach Proge, *min recht veterlich erbe, wie han ich dich funden*» [24. S. 132]. Характерно, что Прага названа наследством именно «по отцу», а не брату. Возможно, Сигизмунд сознательно избегал упоминания своего брата как предшественника, чтобы не связывать себя теми уступками, на которые пошел Вацлав. Политическая традиция в этом случае в большей степени служила интересам панства. Так, вышеприведенное требование недопущения иностранцев до должности оканчивается фразой («*Čechové aby prwnie hlasy všudy po králewství a ro městech měli*» / «и чтобы чехи повсюду в королевстве и городах имели первый голос»), созвучной положениям кутногорского декрета 1409 г., который гарантировал чешской общине Пражского университета первенство перед иностранными [26. С. 94]. Поэтому паны, прежде устраивавшие мятежи против этого государя, теперь в собственных интересах ссылались на «доброй памяти короля Вацлава». О кутногорском декрете см. новейшую работу М. Нодла [27].

¹² Так, для погашения расходов на проведение собора в Констанце и своего дипломатического турне по Западной Европе Сигизмунд постановил собрать чрезвычайную подать с евреев, однако не все имперские князья охотно пошли на это. Например, король был вынужден дважды санкционировать сбор подати с тех евреев, которые проживали в маркграфстве Мейсенском и ландграфстве Тюрингском – владениях Веттинов, традиционно «близких» к королям из Люксембургской династии. Вторая грамота сопровождается обращением к Фридриху и Вильгельму Мейсенским и содержит изъяснение, что этот сбор никак не навредит их владениям. Формально евреи относились к королевской казне, однако на деле сбор подати король не мог произвести иначе, как при согласии князей, на чьих землях они проживали [28. S. 204].

¹³ Согласно хронике Турочи, этим ругательством Сигизмунда обозвал оруженосец одного из казненных тем мятежных баронов: «*Ego tibi, velut scrophae Bohemicali, seruiturus ego nunquam*» [29. P. 220].

¹⁴ Из выборной капитуляции 1387 г.: «*Item promisit et expresse consensit, quod antiqui Coniliarii sui esse debent Prelati, Barones eorumque successores et Baronum heredes, quos alias Ungarie Reges pro eorum Conciliaris habuerunt, et dumtaxat Ungaricam et non alias nationes in suis Conciliis et pro Consiliaris tenere, temporibus quoad vixerit affuturis. Item quod nec hominibus spiritualibus, utpote viris ecclesiasticis, seu etiam personis saecularibus quibuscunque alienis et extraneis nationis (sic!) aliquas dignitates, beneficia vel officia possessiones vel aliqua jura immobilia proprie donationis titulo dare valeat atque possit [...] sed solummodo Ungarie natione Prelaturas, dignitates, honores et officialatus, quos in Regno ipso pro tempore vacare contigerit, dare debeat*». Опул. в: [30. P. 621–622].

По сообщению Виндеке – возможного очевидца посольства чешских сословий к Сигизмунду¹⁵ – тот отклонил эти статьи, отчего «богемские господа» были «чем дальше, тем больше настроены против него»¹⁶ [24. S. 121]. Согласно последовавшим манифестам пражских гуситов, король не соизволил дать им «никакого ответа, ни письменного, ни устного», хотя они «не раз просили его об этом»¹⁷. Однако действительная реакция короля была, вероятно, более дипломатичной. Сохранилось послание Сигизмунда королеве-вдове Софии, панам, должностным лицам и городам Чешского королевства, изложенное чешскими панями – приближенными короля. Оно содержит как традиционные формулы королевского указа (требования от подданных «покорности, совета и содействия», отсылки к постановлению «по совету панов», санкция «именем нашего милостивого господина»), так и – в косвенной форме – ответ Сигизмунда на упомянутые пожелания сословий. Согласно этому опубликованному, но до сих пор детально не исследованному документу, король отложил вопрос о причастии под обоими видами, т.е. о гуситском исповедании, до времени своего приезда в королевство, когда он собирался «рассмотреть это вместе с епископами, прелатами, магистрами, князьями, панями и с вами, городами, и милостиво оставить то, что представится подобающим в соответствии с даваемыми ему советами и его собственным мнением». Поэтому те паны, устами которых Сигизмунд донес чехам свою волю, разрешили гуситский обряд от своего лица и властью королевы-вдовы Софии, обосновав это тем, что «не имеют приказа» бороться с причащением под обоими видами, и постановив: «кто имеет любовь (во Христе), да причащается»¹⁸. Возникает вопрос: неужели Сигизмунд, прежде яро требовавший от Вацлава искоренения «еретических заблуждений» в королевстве, теперь не пожелал ничего предпринять для осуществления этой цели? Или же это своеволие его чешских советников, католических панов, которые стремились разрешить конфликт с гуситами без вмешательства правителя? На мой взгляд, это был осознанный маневр Сигизмунда как еще некоронованного чешского короля, предпринятый с целью добиться покорности со стороны всей политической элиты, консолидации ее вокруг персоны монарха. Со смертью своего брата он оказался в иной ситуации, в которой пропаганда борьбы с ересью – дело, достойное германского короля – грозила бы расколом в его собственном королевстве. Сигизмунд почувствовал необходимость сменить риторику и призвать к сосуществованию двух конфессий, но открытый призыв вызвал бы негативную реакцию в среде имперской элиты и падение его собственного авторитета как германского короля и «столпа христианства». Поэтому он был вынужден действовать скрытно, устами толкующих

¹⁵ Во всяком случае, Виндеке сопровождал короля в его западноевропейском походе и на соборе в Констанце (1416–1418), в сентябре 1419 г. вместе с ним находился на территории Венгерского королевства, был очевидцем рейхстага во Вратиславе в 1420 г. и сопутствовал королю в первом походе против гуситов. См. сопоставление итinerary Эберхарда Виндеке и Сигизмунда [31. P. 43–44].

¹⁶ «do er des nit thün wolte, do woren sie ie lenger und ie vester wider ine».

¹⁷ Из манифеста от 5 ноября 1420 г. из «Гуситской хроники» Лаврентия из Бржезовой: «Ižádné zprávy ani kterého slyšenie častíkrát na něm žádaného nám dáti nechťel» [1. S. 445]. Что Сигизмунд не принял, либо проигнорировал требования чехов, считали и считают наиболее авторитетные чешские гуситологи [7. S. 269–270; 32. S. 73; 33. S. 13].

¹⁸ Из варианта послания, обращенного к пражским общинам (середина октября 1419 г.): «A wie ce, že Králowé Mt i páni wás od přijímanie pod oběma způsoboma netisknú, nebť toho přikázanie od pána swého i wašeho nemají, než tak Jie Mt i se pány přikazuje, abyšte nižádného moci nepřítiskali, než ktož milost má, ten přistúpaj. Nebť jest JMt tak wzkázala, že když dálíbuoh přijede, ty kusy wažití mieni s biskupy, s preláty, s mistry, s kniežaty, s pány a s wami městy; a to což řádného bude podlé rady a naučenie, při tom milostiwě ostawiti». Оpubl. в: [23. S. 208–209].

его слова панов и властью королевы-вдовы Софии. Насколько эти действия были эффективны — отдельный вопрос.

Проявив терпимость к гуситам, Сигизмунд не преминул подчеркнуть в разрез с притязаниями сословий, что речь идет о «его кормлениях», «его казне и драгоценностях», которые будут использованы «для чести и пользы *его и его короны*» (курсив мой. — Н.Н.), в противоречие формулам из статей, принятых сословным съездом: «земские кормления и титулы», «казна Чешского королевства», «общая польза народа и королевства Чешского», «во благо и славу земли»¹⁹. Следует подчеркнуть, что в умах тогдашних политических деятелей не существовало принципа современного, по М. Веберу, «бюрократического» государства, который задавал бы им четкие линии поведения: каждый действовал в своих собственных интересах. Сигизмунд воспринимал королевство как свое «наследство по отцу», родовое имущество, полагавшееся ему вместе с короной чешского короля²⁰. Аристократия же стремилась, используя выражение Н. А. Хачатурян, реализовать свое «право на диалог с монархом» [35. С. 10], но с помощью разных форм и средств. Одни паны выступили как посланцы и проводники его воли, потребовав также и от своего лица, чтобы «вся община» королевства «слушалась своего господина» [23. S. 210]²¹; каждый из них определенно надеялся использовать личную благосклонность нового правителя к нему при дальнейшем распределении благ. Те же, кто не был связан со двором венгерского и германского короля, собрались на «сословный» съезд после смерти Вацлава, так как не имели иного инструмента для легитимации и реализации своих интересов, кроме как политическое давление на наследника. Очевидно, что эта «отдаленная» часть чешского панства не составляла весь политический народ, но стремилась подать себя *pars pro toto*, действовать от имени «земли», «народа», «общины», «короны» Чешского королевства, принудить короля к совету с собой. Но вряд ли эти потуги «политического тела без головы» выглядели убедительно для Сигизмунда, окруженного собственными советниками из чешских панов. Хотя те и побуждали его «объявиться в Чехии, прежде чем там не произойдет что-либо неожиданное»²², король пренебрег этим советом.

¹⁹ Ср. формулы из требований и ответного послания Сигизмунда: «Úřady neb důstojenswie neb obroky zemské» / «jeho úřady [...], totižto w unkelty, w richtářstwie, we cla»; «pokladové královstwie Českého» / «jeho poklady a klenoty»; «obecné dobré jazyku a královstwie Českého» / «ctné a dobré swé a této koruny»; «zemské dobré a počestné» / «ctné a dobré pana našeho i této země» [23. S. 206–209]. Следует отметить, что Сигизмунд имел возможность использовать в аргументации язык королевских грамот, освященный долгой традицией политического узуса. Чешские сословия усиленно старались доказать, что кормления, должности, казна должны быть использованы для «общей пользы» (*ст.-чеш. obecné dobré*) — подразумевая под этим пользу свою собственную как «общины», «народа», «земли» (*ст.-чеш. obec, jazyk, země*). Но в действительности — и это сознавала большая часть чешского панства, поддерживавшая Сигизмунда в последовавшем конфликте — распределение этих благ зависело от санкции короля, так как они принадлежали ему как господину своего двора. Самая последняя формула из королевского послания («честь и польза нашего господина и этой земли») не встречается в королевских грамотах, поэтому можно предположить, что ее придумали чешские паны — послы нового короля, попытавшиеся таким образом достичь компромиссного словоупотребления.

²⁰ Как полагает Г. П. Мельников, Карл сходным образом считал Чешское королевство своим родовым доменом и особенной «возлюбленной частью» Империи [34. С. 165]. Следует заметить, что подобный патримониализм весьма стойко противостоял попыткам сословия панов (или же, скорее, отдельных панских группировок) утвердить представление о выборном, а не наследном характере королевской власти. Несмотря на протесты южночешского магната Олдржиха из Рожмберка и его сторонников, Сигизмунд уже до коронации, либо же потенциального избрания почитался как «новый король», как его именовали и составители статей.

²¹ «Páni, konšele a všeckna obec! [...] A protož ještěť toho žádáme, abyšte swého pána w tom zachowali a JMti k wětším nákladóm nepřipravovali».

²² Согласно биографии Сигизмунда, написанной его младшим современником Энеем Сильвием Пикколомини: «Bohemi et Itali petendam Bohemiam, priusquam novitas ulla oriretur... censebant» [18. S. 111].

Можно ли сказать, что Сигизмунд не принял всерьез ту угрозу, которая проглядывала во властных притязаниях чешской знати? Его ли вина, что в итоге унаследованное им право правления было поставлено под вопрос? Могли ли он последовать данному совету и тотчас же отправиться в чешские земли? Я полагаю, что нет. Не следует упускать из виду, что Сигизмунд, будучи венгерским и германским королем, был обременен и иными делами: борьбой с османами и примирением Немецкого ордена с польско-литовской унией. В конце сентября — начале декабря 1419 г. он предпринял «внезапный поход против турок», для чего собрал свое войско в Вараде (совр. Орадя) у восточных рубежей Венгерского королевства²³. Вероятной целью было подтверждение собственного сюзеренитета над Валахией — буферной территорией на стыке венгерской и османской зон влияния, где в 1418 г. умер «воевода и господарь» Мирча Старый, находившийся в вассальной зависимости и от Сигизмунда, и от султана Мехмеда I [36. P. 108–109]. В 1410-х годах венгерский король большей частью пребывал за пределами Венгрии, занимаясь проведением Констанцкого собора и примирением английского короля с французским и получая тревожные сведения о турецких вторжениях²⁴; поэтому ему было необходимо уже осенью 1419 г. продемонстрировать и османам, и венгерской элите свою готовность к борьбе с врагом, пусть турецкое вторжение в Валахию и началось лишь летом 1420 г. [37. P. 118–121]. Другой важной обязанностью Сигизмунда уже как германского короля было посредничество между польским королем Владиславом Ягеллоном и великим магистром Немецкого Ордена в конфликте из-за Новой Марки. Военное преимущество было на стороне польско-литовской унии, чьи войска числом в 18 000 человек в августе 1419 г. уже стояли на границе с Орденом и были готовы к вторжению. Сигизмунд с 1412 г. состоял в союзе с польским королем и поддерживал его, большинство же князей поддерживало Орден как часть империи [39. S. 83]. Ввиду этого, возможная эскалация грозила осложнить и без того нетвердое положение короля: Сигизмунд определенно помнил о судьбе своего брата, который был смещен с имперского престола коллегией курфюрстов, в том числе на основании поддержки Вацлавом польского короля, а не Ордена²⁵. Обе стороны конфликта признали роль германского короля как верховного арбитра, решению которого они беспрекословно подчинятся. Оно должно было быть объявлено во Вратиславе 6 января 1420 г. на имперском собрании, как было условлено между венгерским и польским королями еще в Сандеце 8 сентября 1419 г. [38. S. 88].

Выбор места неслучаен и доказывает, что Сигизмунд уже с сентября держал в уме «чешский вопрос», стремился появиться в королевстве как можно раньше. Этот город находился в одной из земель короны Св. Вацлава, Силезии — регионе, разрозненная элита которого в лице мелких князей была тесней других связана с двором Люксембургов и видела в службе королю реальную возможность укрепить и увеличить свои владения. Именно здесь можно было с гарантированным успехом приступить к утверждению своей власти

²³ Из письма ко всем светским и духовным судьям Венгерского королевства от 29 сентября 1419 г. Регеста опубл. в: [36. P. 104–105].

²⁴ Так, 5 ноября 1418 г. находившийся в Констанце римский прокуратор Немецкого ордена в письме доложил великому магистру, что к Сигизмунду прибыл «некий рыцарь из Венгрии», сообщивший о вторжении турок в Каринтию и Краину. Из регистров Немецкого ордена: [38. Л. 87а–88г].

²⁵ См. предварительные статьи обвинений, выдвинутые курфюрстами против Вацлава в 1397 г.: «Item das sich der konig verbunden hat mit den von Krakau, das ist widder christenheit und wider sin bruder den konig von Ungern». Перевод: «Король Вацлав объединился с теми из Кракова, что направлено против христианского мира и его брата короля Венгрии». Опубл. в: [40. S. 22].

в новом политическом пространстве. К тому же за Сигизмундом туда явилась бы по возможности вся «империя» как совокупность носителей политической воли – курфюрсты, князья, графы, бароны вместе с рыцарями и кнехтами, что, с точки зрения германского короля, неизбежно должно было бы утратить любого чеха, который осмелился бы воспротивиться унаследованной им власти.

* * *

Между тем, Сигизмунд в изучаемый период (август 1419 – январь 1420 г.) в отношениях с чешской элитой выступал как король чешский, пусть пока и некоронованный. Более важной задачей, чем пропаганда борьбы с ересью, в первые месяцы после смерти Вацлава стало для него обеспечение лояльности со стороны как католической, так и гуситской шляхты. Как показал последовавший конфликт между королем и его подданными, Сигизмунд далеко не сразу сумел добиться этого. Что касается самой элиты – чешской аристократии, то видно, что и католики, и гуситы поначалу признавали Сигизмунда своим «новым королем», но планировали реализовать свои интересы по-разному: одни выступали от его имени, стремясь заслужить его милость в виде пожалования должностей и кормлений, другие же полагали добиться ее от него путем политического давления. Но если Вацлав в подобной ситуации дважды выступил как правитель уступчивый, то Сигизмунд, внешне продемонстрировав готовность к диалогу, внутренне был готов дать отпор притязаниям чешских панов. Возможно, эта неуступчивость стала не самой последней из причин перехода политического конфликта в фазу открытого противостояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Vavřinec z Březové kronika husitská // Fontes rerum bohemicarum / Vydal J. Goll. Praha, 1893. Vol. 5.
2. Jurok J. Příčiny, struktury a osobnosti husitské revoluce. České Budějovice, 2006.
3. Polívka M. Šlechta a reformatoři: Ke vzájemným vztahům české šlechty a ideologů husitství před rokem 1419 / *Medievalia Historica Bohemica*. 1991. Roč. 1.
4. Šmahel Fr. The Hussite movement: an anomaly of European history? // *Bohemia in History* / Ed. by M. Teich. Cambridge, 1998.
5. Пашинин А. П. Шляхта в гуситском революционном движении (дис... канд. ист. наук). Саратов, 2006.
6. Лантева Л. П. Гуситское движение в Чехии XV века. Учебно-методическое пособие. М., 1993.
7. Palacký Fr. Dějiny národa Českého w Čechách a w Morawě. Praha, 1850. D. 3. Častek 1.
8. Мауек Й. Гуситское революционное движение. М., 1954.
9. Seibt F. Hussitenzeit als Kulturepoche // *Historische Zeitschrift*. Jg. 195. 1962.
10. Šmahel Fr. Husitské Čechy: struktury, procese, ideje. Praha, 2001.
11. Fiala Z. Předhusitské Čechy, 1310–1419. Český stát pod vládou Lucemburků. Praha, 1968.
12. Spěvaček J. Václav IV., 1361–1419. K předpokladům husitské revoluce. Praha, 1986.
13. Keř J. Anfänge der ständischen Verfassung in Böhmen // *Die Anfänge der ständischen Vertretungen in Preußen und seinen Nebenländern (Schriften des Historischen Kollegs Kolloquien 16)* / Hrsg. von H. Boockmann. München, 1992.
14. Hlaváček I. Aktivita české šlechty na dvoře Václava IV. // *Medievalia Historica Bohemica*. 1991. Roč. 1.
15. Novotný R. Ráj milců? Nižší šlechta na dvoře Václava IV // Ráj milců? Nižší šlechta na dvoře Václava IV // *Dvory a rezidence ve středověku. D. 2. Skladba a kultura dvorské společnosti* / Vydala Dana Dvořáková-Malá. Praha, 2008.
16. Jurok J. Česká šlechta a feudalita ve středověku a raném novověku. Majetková a sociální struktura, politická moc a kulturní reprezentace šlechty a feudality v českém státě ve 13.–první polovině 17. století. Nový Jičín, 2000.
17. Chronik über Sigmund, König von Ungarn // *Forschungen zur deutschen Geschichte*. Jg. 16. 1876.
18. Aeneae Sylvii vita Sigismundi imperatoris // *Palacký F. Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837 zur Aufsuchung von Quellen der böhmischen und mährischen Geschichte*. Prag, 1938.

19. Engel P. Királyi hatalom és arisztokrácia viszonya a Zsigmondkorban, 1387–1437. Budapest, 1977.
20. Mályusz E. Zsigmond király uralma Magyarországon. Budapest, 1984.
21. Fügedi E. Ispánok, bárók, kiskirályok. Budapest, 1986.
22. Лейпциг. Университетская библиотека (Universitätsbibliothek Leipzig). Ms. 1091. Diplomatiscche Sammelhandschrift (lat. und dt.).
23. Archiv český, čili staré písemné památky české a moravské / Vydal Fr. Palacký. Praha, 1844. D. 3.
24. Windecke E. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893.
25. Šmahel Fr. Idea národa v husitských Čechách. Praha, 2000.
26. Лангмеа Л. П. Гуситское движение в освещении современников. Источники и материалы для практических занятий. М., 1992.
27. Nodl M. Dekret Kutnohorský. Praha, 2010.
28. Die Urkunden Kaiser Sigmunds (1410–1437) / Verzeichnet von W. Altmann. Innsbruck, 1896. Bd. 1.
29. Magistri Ioannis de Thvrócz Chronica Hungarorum // Schwandtner J. G. Scriptorum rerum hungaricarum. Vindobonae, 1766. T. 1.
30. Magyar diplomacziak emlékek az Anjou-korból / Szerk. Wenzel Gustáv. Budapest, 1876. 3. köt.
31. Skorka R. Eberhard Windecke itineráriuma // Világtörténet. 31. évf. 2009. 34–50. l.
32. Bartoš Fr. M. Husitská revoluce. Praha, 1965. D. 1. Doba Žižkova, 1415–1426.
33. Šmahel Fr. Husitská revoluce. Praha, 1993. D. 3. Krónika válečných let.
34. Мельников Г. П. Имперское и чешское в концепции власти Карла IV // Анфологион: Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б. Н. Флори. Москва, 2008.
35. Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008.
36. Zsigmondkori oklevéltár / Szerk. Iván Borsa. Budapest, 2001. 7. köt.
37. Xenopol A. D. Istoria romînilor din Dacia Traiană. Jassi, 1889. Vol. 2. Istoria medie. Partea 1. De la întemeierea țării romîne până la moartea lui Petru Rareș.
38. Москва. Российская государственная библиотека. Ф. 68. № 358. Ед. 5. Генеральный штаб. Переписка великих магистров и других должностных лиц Тевтонского ордена в 1417–1418 гг.
39. Nowak Z. H. Międzynarodowe procesy polubowne jako narzędzie polityki Zygmunta Luksemburskiego w północnej i środkowowschodniej Europie (1412–24). Toruń, 1981.
40. Deutsche Reichstagsakten unter König Wenzel / Hrsg. von J. Weizsäcker. Abt. 3. München, 1877.

© 2017 г. Е.П. СЕРАПИОНОВА

ЭМИГРАНТЫ О БУДУЩЕЙ РОССИИ

В статье рассматриваются основные политические направления Русского Зарубежья. Раскрываются взгляды на эмиграцию историка Б. А. Евреинова. Анализируются программы политических партий, организаций и союзов, делается вывод о том, насколько представления активной части эмигрантов о будущей России соответствует нашей сегодняшней действительности.

The article deals with main political directions in the Russian emigration. It treats the views on this subject of historian Boris Evreinov. The author analyses programmes of political parties, organizations and units and addresses the question of to what extent expectations and hopes of the active part of the emigrants correlate with the nowadays Russia's realities.

Ключевые слова: Русская эмиграция, будущая Россия, историк Б. А. Евреинов.

Keywords: Russian emigration, future Russia, historian Boris Evreinov.

Мы живем в эпоху постсоветской (постбольшевистской) России, о которой мечтали русские постреволюционные эмигранты, но такой ли они видели будущую Россию? Насколько наша сегодняшняя действительность отвечает их представлениям? Тема, безусловно, заслуживает внимания. Неслучайно ей были посвящены последние Нансеновские чтения в Санкт-Петербурге, состоявшиеся 9–11 ноября 2016 г.

Послеоктябрьская эмиграция – эмиграция преимущественно политическая, т.е. это политические оппоненты и противники большевиков, не пожелавшие жить по их правилам и имевшие свои собственные представления, каким путем должна развиваться Россия. За рубежом были представлены практически все политические направления дореволюционной России и новые, появившиеся уже за границей у молодого поколения русских эмигрантов. Общим было неприятие большевиков, но будущее России мыслилось всем по-разному. Хотя разговоры о необходимости объединения эмигрантов не смолкали, политически эмиграция так никогда и не объединилась, да и не могла объединиться: слишком разные были программы. Следовательно, за границей был представлен весь спектр политических направлений, идей и концепций.

Ни для кого не секрет, что представления о том, что все эмигранты стремились вернуть прежние порядки, восстановить монархию, возвратить

Серапионова Елена Павловна – д-р ист. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН.

Данная статья подготовлена в рамках проекта «Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности славянских народов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: от раннего Нового времени до наших дней» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

землю и имущество, мягко говоря, не соответствуют действительности, этому есть множество свидетельств и доказательств. Но вместе с тем это не исключает того, что некоторая (небольшая) часть эмиграции была именно так настроена.

Подробное свидетельство о самых разных направлениях русских эмигрантов оставил Борис Александрович Евреинов (1888–1933) — историк, педагог, поэт, журналист, политический и общественный деятель, выпускник историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, член кадетской партии [Подробнее о нем см.: 1–4; 5. 04 XI; 6; 7. С. 230–231, 8–11]. Весной 1919 г. он вступил в ряды Добровольческой армии, в феврале 1920 г. в боях в Ростове был ранен в плечо и 5 марта на пароходе «Новгород» эвакуировался вместе с госпиталем в Салоники (Греция). Непродолжительное время Евреинов жил в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС), а затем переехал в Варшаву. В начале 1921 г. он стал представителем парижского «Центра Действия» в Польше, на него возложили задачи организации проникновения в советскую Россию и установления связи с антибольшевистскими организациями. С его участием с ноября 1922 г. издавался журнал «Нови» под девизом: «Родина, народоправство, федерация, собственность», этот печатный орган переправлялся через польско-советскую границу в Россию.

Весной 1923 г. Евреинов с семьей переселился в ЧСР, получил небольшую стипендию чехословацкого правительства в рамках «русской акции». В ноябре того же года он был избран товарищем председателя Пражской демократической группы партии Народной свободы. Кадеты Павла Николаевича Милукова и крестьянороссы Сергея Семеновича Маслова¹ создали в 1923 г. политический блок Республиканско-демократический союз (РДС). Будучи сторонником Милукова, Евреинов тесно сотрудничал с РДС. В начале 1924 г. Евреинов наладил переброску в советскую Россию эмигрантской литературы.

Кроме политической активности Борис Александрович, успешно выдержав в 1927 г. магистерские экзамены на кафедре русской истории при Русской академической группе в Чехословакии, уже на следующий год получил звание приват-доцента и занялся научной и преподавательской деятельностью. Он являлся одним из основателей образованного в апреле 1925 г. Русского исторического общества (РИО) в Праге и его секретарем [12. С. 119–131].

Обнаруженные в ГА РФ брошюры Б. А. Евреинова «Правда об эмиграции» [13. Д. 77] и «Лицо русской эмиграции» [13. Д. 76], вероятно, являются образцами переправляемой им в СССР литературы и рассказывают правду об эмиграции, ее политических направлениях и их представителях, позволяют подробнее узнать о взглядах эмигрантов на будущее России.

Работа «Лицо русской эмиграции» вышла в 1931 г. в серии Республиканско-демократической партии. На обороте титула помещался лозунг: «Читайте наши листки, передавайте их другим. Но этим дело не кончайте. Подбирайте верных и близких людей, договаривайтесь друг с другом. Верьте, что союзники везде и что когда созреют силы, они себя покажут. Большевикам с народной организованной силой справиться не удастся» [13. Д. 76. Л. 1об.]. По словам Евреинова, всю эмиграцию можно было разделить на четыре группы:

¹ Маслов С.С. (1887–1945) — экономист, политический деятель, публицист. Член ПСР с 1906 г. В 1921 г. эмигрировал в ЧСР. Занимался созданием ячеек «Крестьянской России», участвовал в работе Земгора. В 1927 г. вместе с А. А. Аргуновым и А. Л. Бемом возглавил партию «Крестьянская Россия — трудовая крестьянская партия» (ТКП).

- 1) реставрационно-монархическую; 2) непредрежденческо-монархическую;
- 3) демократическую и 4) демократически-социалистическую.

Монархистов-реставраторов, по его наблюдениям, было не так много, значительным влиянием среди широких масс эмигрантов они не пользовались, но «шум и вред от них был немалый» [13. Д. 76. Л. 5об.]. Первым штабом монархически-реставрационной эмиграции являлся «Высший монархический совет», возникший на монархическом съезде в Рейхенгалле (в Германии) в 1922 г. Монархисты издавали ежемесячный орган «Двуглавый орел» сначала в Берлине, а затем в Париже. В редакционной статье первого выпуска берлинского издания (сентябрь 1920 г.) читаем: «Мы, монархисты знаем, что русский народ уже ждет царя – и царь будет на Руси. Но когда это будет? Быть может летом, быть может, пройдут года» [14. 14(27) IX]. В первом номере журнала «Двуглавый орел» (Париж, 1926 г.) излагалась положительная программа легитимистов. Кратко ее можно изложить следующим образом: «1. Незыблемость канонического соборного строя православной церкви, отвержение принципа отделения церкви от государства и ее аполитичности;

2. Во главе государства монарх-самодержец из Дома Романовых, всенародно призванный на царство, наследственная монархия по праву первородства. Правительство, ответственное перед самодержцем. Мнение и голос народа выявляются через совещательные выборные учреждения. Управление точно на основании законов, утвержденных самодержцем. Отсутствие сословных и классовых преимуществ. Децентрализация государственного управления;

3. Широкое земское самоуправление. Местные бытовая и культурная автономии. Казачье самоуправление через Войсковые круги и сохранение казачьих вольностей;

4. Законное закрепление земли за крестьянским населением с уплатой государством справедливого выкупа законным владельцам. Незыблемость всех видов права собственности;

5. Запрет самовольных способов классовой борьбы (стачек, локаутов). Разрешение всех экономических и классовых противоречий государственной властью, которая должна учредить примирительные суды между хозяевами и рабочими;

6. Обязательное всеобщее народное образование и воспитание в духе исповедания своей веры, верности монархии и российского патриотизма;

7. Основание денежной системы не на золоте, находящемся в руках международного еврейства, а на реальных богатствах России и производительном труде русского народа;

8. Организация планомерно действующей системы антисемитизма и анти-массонства в целях самообороны русского народа. Всенародный плебисцит о дальнейшем пребывании враждебных государству и народу евреев в пределах России» [15. 1(14) XII].

До 1929 г. безусловным авторитетом для большей части монархической эмиграции являлся живший во Франции дядя Николая II великий князь Николай Николаевич (1856–1929), но часть монархистов поддержала претензии на престол двоюродного брата последнего российского императора великого князя Кирилла Владимировича (1876–1938). Демагогическая позиция Кирилла, который то признавал федеративный принцип, то свободные советы, то земельную революцию, допускала большую свободу маневрирования, как в идейном отношении, так и в тактическом. Это привлекло к нему некоторые кружки монархической молодежи. Эта «молодежь» пыталась сочетать «веру и верность» Романовской династии и «законному» императору с попыткой «учесть великие

сдвиги и изменения, принесенные революцией». После смерти Николая Николаевича Высший монархический совет признал Кирилла не императором (которым он объявил себя еще в 1922 г.), а блюстителем трона. В Белграде с 1928 по 1937 г. выходила газета «Царский вестник», являвшаяся официальным органом «императорского» двора Кирилла.

Кирилловская молодежь объединилась в «младоросский союз»², встав на платформу крайнего «активизма». Они вместе с более неопределенной, по словам Евреинова, группой национальной молодежи фашистского типа стали выпускать газету «Наше знамя». В ее первом номере было опубликовано достаточно эклектичная и противоречивая программа «Союза русской воли», которая предполагала: полное уничтожение большевизма, кару ответственным работникам партии и Коминтерна и — отказ от мести, возрождение правового государства и — установление национальной диктатуры, закрепление за крестьянами всех обрабатываемых ими земель и — возвращение городской недвижимости, торговых и промышленных предприятий их владельцам, равенство всех народов и — беспощадную борьбу с сепаратизмом [17. № 1. 24 II]. Кроме того в программе говорилось об «организации всех творческих и государственно мыслящих сил для созидательной работы, создании благоприятных условий и обеспечении быстрейшего экономического развития на основе свободной инициативы, частной собственности и права; создании единого сильного российского государства в пределах территории современного СССР; срочном создании местной администрации в соответствии с разнородными условиями отдельных районов; культурно-национальной автономии отдельных народов; полной свободе религий и свободе совести; авторитетном и независимом суде, свободном от партийных и классовых влияний; уничтожении колхозов и совхозов; проведении закона о наследовании земель с установлением предела их дробности; широкой инициативе государства, частных обществ и учреждений по переселению и поселению крестьян на новых землях; полной свободе внутренней и внешней торговли, введении таможенной политики, содействующей процессу индустриализации, созданию условий для притока всех видов иностранного капитала; полной свободе труда и всех видов хозяйственной деятельности; принятии мер для обращения Красной армии в национальные вооруженные силы путем сохранения ее кадрового и командного состава; использовании советского административного аппарата для государственного строительства» [17. № 1. 24 II]. Вскоре Союз русской воли объединился с Союзом младороссов [17. № 2. 10 III].

С 1930 г. появился и сборник «Младоросс»³, в котором развивались уже в полном объеме взгляды этой группировки, старавшейся создать около себя «общий фронт» молодежи, затушевав несколько свою «легитимистскую» позицию.

Вторую группу эмигрантов представляли монархисты-непредрешенцы или монархисты-конституционалисты (так называемые народные монархисты). Эта группа, по словам Б. А. Евреинова, тоже была не очень многочисленна и влиятельна. В Париже был созван национальный съезд, и возник

² Союз «Молодая Россия» возник в 1924 г., на следующий год переименовался в Союз младороссов, а в 1935 г. была создана Младоросская партия. Подробнее о младороссах см. [16].

³ В Париже выпускался ежемесячный журнал «Младоросс» (1931–1932), выходила газета «Младоросская искра» (1931–1939), был издан ряд сборников.

Национальный комитет, в который вошли П. Б. Струве⁴, министр иностранных дел генерала П. Н. Врангеля, В. Л. Бурцев⁵, В. Д. Набоков⁶, убитый потом монархистами-черносотенцами во время покушения на Милюкова, деятель Особого совещания при ген. А. И. Деникине — М. М. Федоров и бывший министр вероисповеданий Временного Правительства А. В. Карташев. На Зарубежном съезде в Париже в 1926 г. эта группа согласилась считать национальным вождем великого князя Николая Николаевича. Позже возникло Центральное российское объединение. Органами этих кругов являлись газеты «Возрождение» и «Россия и славянство», издававшиеся при активном участии П. Б. Струве. При генерале Врангеле сначала в Константинополе, а потом в Белграде был создан Русский совет. Непредрешенцы выступали за то, чтобы будущую форму государственного правления в России определило демократически выбранное Учредительное собрание. По земельному вопросу в свое время Николай Николаевич выразился так: «Земля, которой пользуются крестьяне, не должна быть у них отнята; со своей стороны, власть должна озаботиться вознаграждением тех, кто лишился своего достоинства, перешедшего в руки крестьянства» [13. Д. 76. Л. 13об.].

Но в 1927 г. умер Врангель, в 1929 г. ушел из жизни великий князь Николай Николаевич, в 1930 г. похищен ОГПУ генерал Кутепов⁷. Это были крупные потери для движения.

Третью группу составляли демократы-республиканцы. Лидером группы стал П. Н. Милюков, доклад которого о новой тактике привел к расколу Партии народной свободы (кадетов). Представители этой группы выступали за «демократическую федеративную республику с сильной подзаконной и ответственной перед народным представительством исполнительной властью» [13. Д. 76. Л. 14об.], являлись сторонниками проведения в жизнь основ демократии, «гарантий политических и гражданских свобод, гражданского равноправия и независимого суда» [13. Д. 76. Л. 15], высказались за всеобщее активное и пассивное избирательное право в органы центрального и местного представительства, за восстановление производительных сил страны на основе свободной экономической деятельности. Отношение к аграрному вопросу было сформулировано так: «Признание происшедшего во время революции перехода земли крестьянам и решительная борьба со всеми попытками отчуждить землю из рук ее теперешних держателей» [13. Д. 76. Л. 15об.]. Сторонники Милюкова не хотели также возвращения прежним владельцам перешедших государству промышленных предприятий и народных богатств, предоставляя государству самому

⁴ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — общественный и политический деятель, экономист, историк, философ, публицист, издатель. Член Особого совещания при генерале А. И. Деникине, входил в состав правительства генерала П. Н. Врангеля. В эмиграции жил в Софии, Праге, Берлине, Париже. Профессор Русского юридического факультета, председатель Русской Академической группы в Праге (1922–1924), председатель Русского института, один из учредителей Русского исторического общества, член Союза писателей и журналистов в Чехословацкой республике. В ЧСР жил в 1922–1923 гг. Во Франции издавал газету «Возрождение».

⁵ Бурцев Владимир Львович (1862–1942) — историк, публицист, журналист, издатель, общественно-политический деятель; в эмиграции с 1918 г. сначала в Финляндии, затем во Франции, издавал газету «Общее дело».

⁶ Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) — юрист, общественно-политический деятель, публицист, член ЦК партии кадетов, депутат I Государственной думы, управляющий делами Временного правительства, министр юстиции Крымского краевого правительства в 1918–1919 гг., в эмиграции с 1919 г. в Лондоне, Париже, с 1920 г. — в Берлине, где издавал с П. Н. Милюковым журнал «The New Russia», с И. В. Гессеном газету «Руль». Отец писателя В. В. Набокова.

⁷ Кутепов Александр Павлович (1882–1930) — русский военный деятель, генерал от инфантерии (1920), активный участник Белого движения. В 1928–1930 гг. — председатель Русского общевойскового союза (РОВС).

определить границы вмешательства в народное хозяйство, руководствуясь соображениями «общественной целесообразности и народной пользы». Республиканцы-демократы считали себя поборниками «государственной охраны наемного труда», а также «всеобщего народного просвещения и содействия ему со стороны государства, общественных организаций и частной инициативы» [13. Д. 76. Л. 15об.]. Главной своей задачей считали борьбу с коммунистической диктатурой с использованием как революционных, так и мирных форм борьбы, но никак не интервенции. Близко к этой платформе стояла и Центральная часть Партии народной свободы. Вскоре по провозглашению «новой тактики», в значительной степени под ее влиянием, в Париже возникла в июне 1924 г. новая политическая организация – Республиканско-демократическое объединение. Пропаганда республиканско-демократических идей велась самой большой заграничной газетой – «Последние новости»⁸, – а также в статьях, брошюрах и других изданиях.

В последней четвертой группе объединились демократы-социалисты. Если большевики-коммунисты хотели добиться осуществления социализма путем диктатуры пролетариата, выражающейся фактически в диктатуре партии над всей страной, в том числе и над пролетариатом, то социалисты, находящиеся за рубежом (за исключением незначительной группы левых эсеров, бывших большевистских союзников) объявляли себя демократами, т.е. предполагали добиваться осуществления своих идеалов в рамках свободного, построенного на началах народовластия государства демократическими методами. На правом фланге этой группы стояли народные социалисты во главе с С. П. Мельгуновым⁹. Центральную позицию занимала группа членов партии, возглавляемая В. А. Мякотиным¹⁰. Эта группа сотрудничала с республиканско-демократическими организациями, и ее тактика близка к позиции этих последних.

Часть народных социалистов, например А. В. Пешехонов¹¹, примкнули к «возвращенцам»: так называли в эмиграции лиц, отказавшихся от борьбы с большевиками и добивавшихся разрешения на возврат в Россию. Они утверждали, что лучше делать в России «самое маленькое дело, полезное для страны», чем попусту сидеть за границей, доказывали, что большевики эволюционировали, во многих областях народной жизни они делают полезное дело, наконец, уверяли, что каждый русский человек должен пережить со своим народом, посланное этому народу испытание. Расцвет этого движения пришелся на 1925 г.,

⁸ Леворадикальная, внепартийная газета «Последние новости» начала выходить в 1920 г. и стала первым серьезным изданием русской эмиграции, редактором являлся М. Л. Гольдштейн. Но через год он продал газету, и она стала органом Республиканско-демократического объединения. С марта 1921 г. газета выходила под редакцией М. М. Винавера, А. И. Коновалова и В. А. Харламова. Ее главным редактором стал П. Н. Милюков, а его помощником А. А. Поляков.

⁹ Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956) – русский историк и политический деятель (вначале кадет, «Партия народной свободы», с 1907 года – энес, «Партия народных социалистов»), участник антибольшевистской борьбы после Октябрьской революции. Автор исследований по истории русской революции и Гражданской войны, истории русской церкви и общественных движений.

¹⁰ Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – русский историк, писатель и политик. В 1917 г. избран председателем ЦК Трудовой народно-социалистической партии. В 1918 г. – один из создателей и руководителей Союза возрождения России. В 1922 г. выслан за границу. Жил в Берлине, Праге, затем в Софии, где с 1928 г. преподавал в университете.

¹¹ Пешехонов А. В. (1867–1933) – общественный и политический деятель, экономист, статистик. В начале века был близок к эсерам, с 1904 г. член редакционного комитета журнала «Русское богатство». Затем один из организаторов и лидеров Народно-социалистической партии. Министр продовольствия во Временном правительстве. Участник антибольшевистской борьбы. В 1922 г. выслан из России. Жил в Германии, с 1924 г. – в Праге. В 1924–1925 гг. – директор Института по изучению России, сотрудник Экономического кабинета С. Н. Прокоповича. В 1927 г. переехал в Ригу, работал консультантом советского торгового представительства в странах Прибалтики.

а закончилось оно тем, что несколько сот эмигрантов получили право вернуться на родину, и были по возвращению заключены в тюрьму, а многие и расстреляны.

Более многочисленны за рубежом социалисты-революционеры, среди которых также были разные течения. Группа правых эсеров издавала в Париже «толстый» журнал «Современные Записки»¹², дававший читателям интересный политический и литературный материал. Правые эсеры хоть и не входили в организационную связь с «буржуазными» партиями, но в практической работе вели линию близкую с линией республиканцев-демократов. Центральную позицию в лагере эсеров занимала группировка А. Ф. Керенского, издававшего в Париже еженедельник «Дни»¹³. Левое крыло партии было представлено В. М. Черновым. Промежуточную позицию между Керенским и его антагонистом Черновым занимали эсеры, издающие в Праге журнал «Воля России»¹⁴. К этим настроениям примыкают В. Г. Архангельский¹⁵, В. В. Сухомлин¹⁶ и др. Чернов – в несомненном меньшинстве в собственной партии. Его подчеркнутая непримиримость к «буржуазным» группировкам, даже самым радикальным, его двусмысленная позиция в отношении большевиков, наконец, попытка объединиться с украинскими, белорусскими, грузинскими и другими «сепаратистами» на почве *признания их права на полное отделение от России*, не снискали ему популярности, разумеется, и в широких кругах эмиграции.

Социал-демократы также делились на левых и правых наследников Плеханова, с одной стороны, и ортодоксальных меньшевиков, возглавляемых после смерти Ю. О. Мартова в 1925 г. Ф. И. Даном, с другой.

Заграничные плехановцы в свое время имели свой собственный орган «Заря»¹⁷, затем сотрудничали частью в «Днях» Керенского (Потресов¹⁸, Иванович¹⁹,

¹² «Современные записки» – литературный журнал русской эмиграции, издавался в Париже в 1920–1940 гг. Руководство журналом осуществляли люди с правоэсеровскими взглядами: Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков, М. В. Вишняк, А. И. Гуковский и В. В. Руднев. В 1920-е годы выходило по шесть номеров в год, в 1930-е – два-три номера в год. В журнале печатались почти все крупные эмигрантские писатели.

¹³ «Дни» – ежедневная (с 1928 г. еженедельная) газета, выходила в Берлине в 1922–1925 гг., затем в Париже в 1925–1933 гг.

¹⁴ «Воля России» – газета, с 1922 г. – журнал политики и культуры, выходил в Праге в 1920–1932 гг. Редакторами журнала были: В. И. Лебедев, М. Л. Слоним, Е. А. Сталинский, В. В. Сухомлин.

¹⁵ Архангельский В. Г. (1868–1948) – политический деятель, эсер, депутат Государственной думы и Учредительного собрания, участник Уфимского совещания; в 1919 г. эмигрировал в Чехословакию, один из основателей и управляющих Русским заграничным историческим архивом (РЗИА).

¹⁶ Сухомлин В. В. (1885–1963) – политический деятель, эсер, левоцентрист. Учился в Новороссийском и Петербургском университетах, в университете Монпелье (Франция). В революционном движении с 1898 г. В 1904 г. был выслан в Тобольскую губернию, в 1907 г. бежал из ссылки за границу. В 1917 г. вернулся в Россию, избран в ЦК ПСР. Участник Учредительного собрания 5 января 1918 г. В 1918 г. редактор газеты «Дело народа». Эмигрировал в марте 1918 г., член Заграничной делегации ПСР. Сотрудничал в социалистических изданиях, член Исполкома II Интернационала. С 1941 г. – в США, в 1942 г. вышел из Нью-Йоркской группы ПСР, сотрудничал в просоветских изданиях, обвинялся эмиграцией в связях с большевиками. С 1945 г. во Франции, принял советское гражданство. В 1954 г. вернулся в СССР.

¹⁷ «Заря» – журнал, подзаголовок – орган социал-демократической мысли (1922–1925) Берлин. Ответственный редактор А. Хомский.

¹⁸ Потресов А. Н. (1869–1934) – политический деятель, революционер, один из основателей РСДРП, член редакции «Искры», меньшевик. В годы Первой мировой войны занимал оборонческую позицию. Октябрьский переворот не принял. За границей с 1925 г.

¹⁹ Иванович Ст. (настоящая фамилия Португейс С. О., 1880–1944) – редактор, журналист и публицист, социал-демократ, меньшевик, ближайший друг А. Н. Потресова. Публиковался под псевдонимами Степан Иванович, Ст. Иванович, С. Ф. Иванович и В. И. Талин. Другие псевдонимы – Соломонов, Стива Нович, Ив., Ст., Иван., Ив-ч, Ст. С., Нович, С. И., Ст. И., Мартын Малый. С 1920 г. – в эмиграции, основатель и главный редактор журнала «Заря», с 1925 г. жил в Париже, член Союза русских писателей и журналистов, сотрудничал с разными эмигрантскими изданиями, один из основателей научной советологии. Подробнее о нем см. [18].

Байкалов²⁰, экономист О. С. Загорский²¹). Большевики выпускали в Берлине ежемесячник «Социалистический Вестник»²², в котором читатели могли найти прежнюю марксистскую догматику и прагматику. Они не верили в возможность замены режима большевиков в случае революционного переворота правовым демократическим строем, считали, что революционный переворот приведет к диктатуре военного типа и к установлению реакционного строя, при котором наиболее страдающим элементам явится рабочий класс. Для предотвращения такой перспективы, меньшевики находили необходимым работать над укреплением политической сознательности и активности рабочего класса и вообще демократических социальных сил страны. Однако, они не предвидели решающего успеха от этой работы в ближайшем будущем, а потому являлись противниками свержения большевиков внезапным скорым толчком. Вместе с тем они полагали, что такой переворот все-таки произойдет, и России не избежать суровой реакции.

Кроме этих основных четырех групп Евреинов называл еще несколько политических направлений эмигрантов.

Попытку выступить от имени всего крестьянства сделала группа «Крестьянской России», образованная в Праге бывшими социалистами-революционерами С. С. Масловым, А. А. Аргуновым, к которым примкнули филолог А. Л. Бем и социолог П. А. Сорокин (подробнее о «Крестьянской России», с 1927 г. Трудовой крестьянской партии см.: [19. № 1. С. 62–69; № 2. С. 78–83]). В рядах политической эмиграции эта группа, пытавшаяся искать союзников сначала среди левых, потом правых, стояла в стороне, совмещая левую программу с довольно правой тактикой. В программной статье «Кто мы?» периодического сборника «Крестьянская Россия» в феврале 1924 г. читаем: «Россия – первое слово и первая мысль. Ее интересы для нас верховны и постоянны. Им подчиняем все и всегда, их ничему и никогда. Интересы России равнозначны с благом ее народов. Благо последних в росте их культуры. Мы – национальны. Но не националисты [...] Наше второе слово – крестьянство. Разумею под ним социально-экономическую группу, доход которой полностью или в большей части получается в собственных земледельческих хозяйствах, ведущихся личным трудом владельца и членов его семьи. Оно – главный устой России [...] Привести положение крестьянства в соответствие с его значением – значит решить главный вопрос в устройстве России» (цит. по: [20. С. 75–76]).

Правых казаков возглавлял атаман Краснов. Далее шли «атаманцы»: – те, кто группировался вокруг выбранных атаманов и остатков казачьих правительств

²⁰ Байкалов А. В. (1882–?) – общественно-политический деятель, революционер. Из казаков Енисейской губернии, студент Казанского университета. В 1905 г. – член Красноярского комитета РСДРП, меньшевик, один из редакторов газеты «Красноярский Рабочий». В 1917 г. – руководитель Красноярской организации меньшевиков. После Октября в эмиграции, сторонник крайнеправой меньшевистской группировки, возглавляемой Ст. Ивановичем; сотрудничал в ее органе «Заря».

²¹ Загорский О. С. (1882–1930) – экономист, выпускник Санкт-Петербургского университета, приват-доцент этого университета по кафедре политической экономии. Преподавал также на Высших курсах Лесгафта, Высших коммерческих курсах Побединского и частном университете при Психоневрологическом институте. В 1917 г. возглавлял один из департаментов министерства труда Временного правительства. После Октябрьской революции переехал в Одессу, в 1919 г. эмигрировал во Францию. Сотрудничал в русских эмигрантских изданиях: журнале «Современные записки», газете «Последние новости». С 1922 г. Загорский занимал пост главы русского отдела при Международном бюро труда в Женеве.

²² «Социалистический вестник» – журнал, издававшийся заграничной делегацией РСДРП (меньшевиками) в 1921–1965 гг. Выходил в Берлине, Париже, Нью-Йорке, имел связь с корреспондентами-меньшевиками в России. Первые редакторы – Мартов Ю. О., Дан Ф. И., последний редактор – Шварц С. М.

эпохи Гражданской войны. По существу атаманы были теми же непредрешенцами. Демократическая часть казаков обосновалась в Праге, где образовала «Общеказачий сельскохозяйственный союз». Во главе этого течения стоял В. А. Харламов²³ — председатель «Большого донского войскового круга». Казаки-демократы издавали в течение ряда лет журнал «Казачий Путь»²⁴, потом «Путь Казачества», стояли на почве республики, федерации и широкого народоправства. Ведя пропаганду в пользу федеративного устройства освобожденной России, «Путь Казачества» вступил в решительную борьбу с группой казаков-самостийников. Эта последняя группировка пыталась доказать недоказуемое: будто казаки не являются частью русского народа, а совершенно особым народом — казачьим.

И последнее идейное направление, на которое обращал внимание Евреинов — евразийцы. Они исходили из того, что пространство, занимаемое Россией на востоке Европы и западе и севере Азии, представляет собой «особый географический мир», Евразия — экономически самодовлеющая величина, для которой невыгодно во многом общение с другими странами. В культурном отношении Евразия также совершенно самобытна. Россия-Евразия, по их мнению, не является европейской страной. Исторический процесс шел в России иным путем, чем в Европе. Наоборот, связь с Азией совершенно очевидна. Учение евразийцев было тесно связано с православием, причем православие отрывалось от остального христианства и связывалось с религиями востока, к которым оно, по их мнению, стояло ближе, чем западное христианство, представляющее из себя ересь.

Проповедуя «поворот спиной к Европе», евразийцы отрицали полезность для России западноевропейских политических форм.

В области истории основной тезис евразийцев заключался в том, что *погибла Россия*, которую создал Петр Великий, уклонившись от Востока к Западу, к Европе. Большевики же, напротив, вернулись к народным инстинктам и творили народную революцию. Нужно было только заменить монопольное господство этой партии господством другой, «отобранной евразийцами», из старого и нового «правлящего класса», который бы диктовал народу свою волю. Таким образом, евразийцы хотели заменить диктатуру коммунистов собственной диктатурой, при этом высказывались за сохранение системы советов и широкое регулирование государством хозяйственной жизни страны. Вместе с тем евразийцы являлись монархистами, венчая свою своеобразную политическую систему народным царем.

Евразийство пришло в значительной мере к реабилитации большевизма. Группа левых евразийцев попыталась в Париже издавать собственную газету, но ее весьма лояльное отношение к большевикам вызвало возмущение и привело к расколу в рядах самих евразийцев.

²³ Харламов В.А. (1875—1957) — депутат Государственной думы всех четырех созывов, член партии кадетов. Делегат Предпарламента и Учредительного Собрания. Возглавлял Особый Закавказский комитет. Глава правительства Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. С 1918 г. — председатель Донского Круга, активный участник Белого движения. С 1920 г. — за границей: в Белграде и Праге. Преподавал историю России в Пражском университете. Был председателем Донского исторического комитета и Комитета по управлению Донским архивом. Редактировал журналы «Казачий путь», «Путь казачества», исторический сборник «Донская летопись» (1923—1924). После Второй мировой войны эмигрировал в Аргентину.

²⁴ «Казачий Путь» — журнал. Выходил в Праге в 1924—1928 гг. С 1927 г. изменил название на «Путь казачества». Подзаголовок: Еженедельный орган общеказачьего сельскохозяйственного союза (1924—1926). Демократический казачий орган (1926—1928). Редакторы: В. Танненбергер (1924—1926), В.А. Харламов (1926—1928). С 1926 г. выходил 2—3 раза в месяц.

«Кратковременный успех этого направления в некоторых кругах молодежи достаточно быстро закончился, и в эмиграции евразийство быстро сошло на нет» [13. Д. 76. Л. 23об.], — заключил Б. А. Евреинов. Но интерес к их идейному наследию велик до сих пор.

В целом, надо сказать, что этот аутентичный анализ Б. А. Евреинова основных политических направлений русской эмиграции, сделанный еще в начале 1930-х годов, является важным и интересным историческим источником, позволяющим оценить весь спектр идейных представлений, существовавших в русском Зарубежье, и идейно-политическую борьбу, существовавшую там. Естественно, что это произведение Евреинова отчасти субъективно и отражают взгляд «милюковцев» на другие политические направления, однако, этот взгляд изнутри на русское Зарубежье весьма любопытен и достоин внимания

Что касается современной России, то, на мой взгляд, ни одна из существовавших политических программ в полном объеме и последовательно не была воплощена в жизнь, хотя определенные идеи и принципы, высказанные в 1920–1930-е годы реализовались, другие — до сих пор обсуждаются (то же евразийство), присутствуют в программах и даже в названиях современных политических партий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Пушкарев С. Г.* Борис Алексеевич Евреинов. Биографический очерк // Записки РИО в Праге. 1937. Кн. 3.
2. *Лашин И. И.* Музыкальная деятельность Б. А. Евреинова // Записки РИО в Праге. 1937. Кн. 3.
3. *Бем А. Л.* Б. А. Евреинов — писатель // Записки РИО в Праге. 1937. Кн. 3.
4. *Соловьев А. В.* Борис Алексеевич Евреинов // RSU. 1935. Sv. V–VII.
5. *Мейснер Д.* Памяти Б. А. Евреинова // Последние новости. 1933. 04 XI.
6. *Пацито В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
7. *Демина Л.* Борис Алексеевич Евреинов // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. Москва, 1997.
8. *Корольков А. А.* Б. А. Евреинов (<http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=N2s5f4X2UXo=&tabid=10547><http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=N2s5f4X2UXo=&tabid=10547>).
9. *Корольков А. А.* Поэт русской Праги // Новый журнал. СПб., 1996. № 4.
10. *Евреинов А. Б.* Чешская рапсодия. Дни минувшие в событиях, портретах, размышлениях. Бийск, 2004.
11. *Соколов М.* Другая жизнь Бориса Евреинова (<http://www.svoboda.org/content/transcript/460388.html>).
12. *Серационова Е. П.* Русское историческое общество в Праге // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. Сб. ст. М., 2008.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6366. Оп. 1.
14. Двуглавый орел. (Берлин). 1920. № 1.
15. Двуглавый орел. Вестник Высшего монархического советам (Париж). 1926. № 1.
16. *Косик В. И.* «Молодая Россия»: Вариации на тему национализма в маршах эпохи. М., 2013.
17. Наше знамя. 1929. № 1.
18. *Кара-Мурза А. А.* Первый советолог русской эмиграции: Семён Осипович Португейс (1880–1944). М., 2006.
19. *Базанов П. Н., Соколов М. В.* «Крестьянская Россия» — Трудовая крестьянская партия: из истории политического «активизма» русской эмиграции // Клио. Журнал для ученых. 2009. № 1(44); № 2(45).
20. *Базанов П., Соколов М.* Своим путем. «Крестьянская Россия, она же — Трудовая крестьянская партия» // Родина. 2008. № 2.

© 2017 г. В.И. КОСИК

НЕМНОГО О «НЕИЗВЕСТНОМ» ЕВРАЗИЙСТВЕ

Текст связан с рассмотрением появления евразийства на культурно-политическом поле в русской эмиграции. Ключевое внимание уделено коренным расхождениям в понимании евразийства его «отцами-основателями», каждый из которых вкладывал свое понимание этого исторического явления.

The article treats the emergence of Eurasianism in the cultural and political space of the Russian emigration. The major attention is paid to the basic disagreement between Eurasianism's founding fathers, each of which had his own interpretation of this historical phenomenon.

Ключевые слова: евразийство, Россия, Европа, Азия, культура, Восток, православие, христианство, быт, большевизм, жидо-масонство, Америка.

Keywords: Eurasianism, Russia, Europe, Asia, culture, Orient, Orthodoxy, Christianity, everyday life, Bolshevism, Judeo-Masonism, America.

В «литературе» евразийцы, точнее, тройка лидеров, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Н. С. Трубецкой, разработали удивительный шифр для переписки, позволяющий в некоторых случаях определить отношение к своим корреспондентам, вплоть до самих стран. Например, евразийство они ассоциировали с хлебом, нефтью и солью [1. С. 326]. Особенно впечатляет изумительное предвидение евразийства как «нефти»!

Именно в Софии некоторое время жили, преподавали и творили отцы-основатели евразийства. В 1921 г. в болгарской столице вышел первый евразийский сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» со статьями П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Г. В. Флоровского. Своей книжкой, как писал насмешливо Трубецкой Флоровскому, они «ошарашили публику нашей дружбой со скулатыми кочевниками» [2. С. 71].

Что такое евразийство? Известна сентенция: «Поскреби русского и обнаружишь татарина». Но это еще не евразийство! Можно сказать, что евразийство это география, замешанная на большевизме. Или иначе: евразийство есть утверждение и осмысление не только многонационального мира России, но и шире... как перемещение «палатки культуры» на Восток... «Евразия – узел и начало новой мировой культуры».

Причем само евразийство можно при желании обнаружить в символах, философии, истории, географии, политике задолго до появления самого термина –

Косик Виктор Иванович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья подготовлена в рамках Программы ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы». Проект «Евразийство в политических проектах стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века».

от византийского двуглавого орла до творений Константина Николаевича Леонтьева с его туранством, от трудов Владимира Ивановича Ламанского до издания в 1914 г. Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия трехтомника «Азиатская Россия», от «Скифов» (1918) Александра Блока до Игоря Северянина с его стихотворением «Колыбель культуры новой» (1923).

Этот грозный «гимн» евразийству появился раньше самого явления. Я сознательно не хотел употреблять термин «учение», вследствие многосложности и некоторой литературной расплывчатости в объяснениях евразийства.

Да, с определенными оговорками можно согласиться с Н. В. Устряловым, писавшим Сувчинскому, что евразийство есть «литературное течение» [3. С. 36], да и сами «историософские категории евразийцев слишком все-таки схематичны, рассчитаны на слишком большие сроки и нуждаются в практических истолкованиях и дополнениях» [3. С. 18].

Собственно говоря, сказанное Устряловым подтверждают и слова Н. С. Трубецкого, обращенные к Флоровскому, что евразийцы «должны перейти от деклараций общего характера к детализовке и конкретизации. Наш русский национализм, оторванный от русской почвы, грозит разветвиться в отвлеченный туман» (фраза в связи с церковным вопросом объединения со старообрядцами «на почве обрядовой» [2. С. 116]).

И теория так и не превратилась в «движение», хотя тот же СССР с его ненавидимым евразийцами, но не всеми, коммунизмом, шел по «евразийскому пути», разумеется, без православия.

К этому следует добавить и сами расхождения в понимании евразийства, точнее, центра этого феномена. Достаточно вспомнить сочинения Трубецкого и Савицкого. Для первого характерно стремление к постановке общемировой проблематики, ясно обозначенной в его труде «Европа и человечество», где он пишет: «Надо построить социально-политический идеал, приложимый во всяком пункте земного шара и притом существенно отличный как от коммунизма, так и от буржуазной демократии, — и этот идеал поставить себе целью не в одной России, а во всем мире» [4. С. 349].

И более того: он заявил, что «не остается ничего другого, как выйти за пределы национально-ограниченной европейско-русской культуры и (*horribile dictu*) (страшно сказать. — *В. К.*) работать на культуру общеевропейскую» [4. С. 337]. Хотя тут же замечу, что мысль Трубецкого, бывало, «скакала» впереди слова. И о Европе, у него находились весьма хлесткие определения, о чем будет написано ниже.

В то время как для второго на первом месте стоит его Россия-Евразия, ее судьба во времени и пространстве, Савицкий, получивший от А. А. Ливена непонятное, как и само евразийство, прозвище «пеландрик», в своем «обосновании евразийства» (1921) говорил: «В русских клокочет и горит действенная, творческая сила; русские являются всемирно-историческими “именинниками”»; и в то же время с народами Ближнего и Среднего Востока Россию соединяет связь понимания и близости. Россия может стать фактором возрождения этих стран к новой исторической жизни. В этом отношении, как ни странно, большевики на правильном пути [...] Россия слишком огромна, не только пространственно, но и качестве сочетания культурных традиций и перспектив, слишком отдельна и слишком своеобразна, чтобы поместиться за общим европейским столом [...] Есть нечто подлинное во мнении, что Россия не приобщается, а противопоставляется Европе. И нет возможности сочетать в одном и том же

отрезке времени в культурном бытии “Старого света” периода “европейского” с периодом “евразийским” [...] Или второго не будет, или первый придет к концу! Дело идет не о “гибели Запада”, но о сочетании культурных потенциалов, определительности культурных влияний. Здесь одно – важнейшее соображение является для евразийцев показательным и основным. Культуру будущего поведет за собою тот, в ком сильнее религиозное начало; и мы видим явственные признаки, что в настоящий момент религиозное напряжение сильнее и действеннее на Востоке» [2. С. 324–325].

Итак, главное слово произнесено: это – «сочетание». Весьма затасканное слово, которое везде или почти везде будет звучать умно. Заслуживает внимание и утверждение о доминанте «религиозного напряжения» на Востоке. Любопытно, что хотел этим сказать Петр Николаевич? Ближе всего к истине, если речь идет о советской России, это наступление атеистического государства на Церковь: на ее служителей и на саму структуру. В то же время эта фраза звучит как-то «куртуазно», если знать о политике советской власти в этой сфере.

Можно посмотреть на слова, что «в настоящий момент религиозное напряжение сильнее и действеннее на Востоке» и в ином ракурсе. Мне представляются здесь лишними три слова, а именно: «в настоящий момент». Религии Востока и тогда и сейчас менее склонны к новациям, нежели христианство.

Подчеркну, что Савицкий мыслил евразийство как идеологическое, религиозное и научное движение [2. С. 232].

Можно сказать и другое, тривиальное: основная евразийская мысль есть культурное своеобразие России.

А в чем это «культурное своеобразие» заключалось, можно задаться «глупым» вопросом? В том, что Россия была «между» Европой, не считавшей свою соседку европейской страной, и Азией, чуждой России по многим параметрам?

Нет, «культурное своеобразие» следует искать, не открою тайны, в православии. Именно оно строило веками Россию и именно с ним связаны многие страницы рассуждений евразийцев. Именно отношение к нему стало одной из причин раскола среди евразийцев, этих «детей революции», отвергаемой и признаваемой ими.

Так, «дань большевизму в атеистической обертке» отдавал не только Савицкий, здесь можно назвать и Сувчинского. Сему есть подтверждение в переписке евразийцев. 23–24 февраля 1922 г. Г. В. Флоровский писал Н. С. Трубецкому: «Сувчинский продолжает упираться в “возможность” “сотрудничать” уже прямо с “национал-большевиками”. Я в банду шулеров и “развратителей” идти не хочу» [2. С. 65]. Впрочем, все эти «слова» вполне объяснимы, исходя уже из взглядов Флоровского, ненавидевшего «большевиков» и их дела. Таких же взглядов придерживался и его корреспондент Трубецкой, один из умнейших людей России.

Обращение к религии, к христианству, к православию было для евразийцев одним из основных мотивов в их «писаниях», в их размышлениях на эту простую и в то же время весьма скользкую тему, тесно связанную с культурой, с бытом. И здесь такие евразийцы, как Флоровский и Трубецкой, в ходе переписки «наворотили» много такого, что понимается мною с трудом, да и то не все. Итак, для начала несколько выдержек.

Г. В. Флоровский – Н. С. Трубецкому (07. 04. 1923): «Вполне признавая множественность несоизмеримых бытов, бытовых укладов, признавая новоевропейскую культуру (здесь и далее выделено в публикации. – В.К.) больной и зараженной, я все более укрепляюсь в мысли, что “культура” есть и должна

быть едина [...] Только резко подчеркнув свою религиозную “ориентацию”, мы сможем соблудности от соблазнов малых сих в увлечении “исходов к Востоку”, бросающихся в “восточные культы”, в упадническое увлечение экзотикой и даже в “азиатизм”» [2. С. 104–105].

Следовательно, насколько я понял, должна существовать только одна культура — христианская. Главное — это сама православная Россия, без всяких «поворотов». Что же тут можно сказать: звучит и сейчас весьма современно.

Г. В. Флоровский — Н. С. Трубецкому (01. 05. 1923):

«Если вместо “культуры” говорить о “быте”, все разъясняется: европейский быт худ, ибо вырос из удобопревертатного духа ложно-принятого христианства, поэтому он не только не есть единоспасающая норма. Но и лживый образец. Надо создать свои бытовые формы, ставши хорошими и живыми православными и запасшись здравым смыслом и чутьем действительности: вот тут-то и появится “Восток” — не в перспективах духовно-культурного творчества, а в перспективе политической и хозяйственной тактики. “Учиться” у Востока *сейчас* вряд ли чему придется, но учить надо со сдержанностью — колониально-культуртрегерскую психологию надоть побоку» [2. С. 17].

Здесь главное слово «вместо». Но быт не есть культура в высоком смысле этого слова. Более того, несколько неясно, с какого времени у Флоровского возникло «ложнопринятое христианство». Если после разделения Церквей, то как это отразилось на быте?

И еще одна «удивительная неясность», связанная с созданием «своих бытовых форм».

Разве православная Россия на протяжении многовековой истории таких форм не обладала таковыми? Или тут Флоровский говорит о чем-либо другом?

Вызывает вопрос и некий «Восток»: что это? Россия? Евразия? Особенно странно, что «он» появляется не в перспективах духовно-культурного творчества, а в перспективе «политической и хозяйственной тактики». Причем сами строки несколько противоречат друг другу, что вызывает недоумение. Может быть, здесь стоит говорить о нечеткости, расплывчатости, или «вдохновенности» представлений Флоровского?

Н. С. Трубецкой — Г. В. Флоровскому (15. 05. 1923):

«В этом сказывается Ваша тенденция ставить знак равенства между Евразией и православием. Правда, нельзя быть евразийцем, не будучи православным, но — не наоборот» [2. С. 112]. «Я мыслю христианство вне культуры, как базис культуры, и тогда христианская культура будет результатом соединения христианства с бытом. Но т[ак] к[ак] в соединении с христианством могут вступать разные “быты”, то и христианских культур может быть несколько. Поскольку бытов много, много и культур [...] Многообразие бытов и культур естественно, оно Богом устроено, и всякое стремление к упразднению его не от Бога, а от гордыни человеческой и след[овательно] от сатаны: Вавилонская башня — красноречивый пример, как Бог гордыне сатанинской противопоставляет национальные различия. Потому-то всякий интернационал в корне греховен и порочен, потому-то европеизация неизбежно связана с сатанизмом, социализмом и прочими гадостями» [2. С. 113–114].

Здесь несколько непонятен тезис автора о том, что множество «бытов» обуславливает многообразие христианских культур, и при всем том само христианство представляет собою базис для культуры.

Тут возможно только одно: отсчет ведется от первых веков христианства. И еще весьма любопытная мысль о том, что провозглашенную им универсальную

общемировую проблематику Трубецкой противопоставляет интернационализму, ведущему к ликвидации многообразия «бытов и культур». Иными словами, «культурное» различно от «национального», не так ли? И как быть с национальными Церквами? И последнее: национализм и интернационализм весьма различны, хотя «параллельные линии сходятся» в итоге.

Чтение переписки евразийцев позволяет понять, что у каждого из них была «своя правда», «свое евразийство». И в то же время здесь тривиально шел обмен мыслями. Все это усложняло его восприятие как целостного феномена. Причем среди лидеров наблюдались и известные «отклонения», которые, можно считать, только обогащали евразийскую мысль и одновременно свидетельствовали о «розовых надеждах» «нефтяников» на «новую Россию».

Например, Сувчинский, известный по Кламарскому размежеванию, вставший в оппозицию к Савицкому, писал в одном из ранних писем к Флоровскому (25. 11. 1923): «Дело православное есть в *данное* время – делание и восставление *русского материка*, русской государственной плоти, как места опоры для вселенского делания. Не будет этого упора – Православию грозит судьба католического космополитизма, а ведь это – сатанинская подмена вселенскости. То же и с исповеданием единой Православной Церкви. *Из одного корня* – она должна разрастись и покрыть своими ветвями весь мир [...]

Короче говоря – для православия нужна Россия» [2. С. 195].

Как-то немного грустно читать эти строки сменовеховца, связанные, надо полагать, не с большевистской властью, а с русской, и в то же время нелегко понять, каким образом православие «покроет своими ветвями весь мир». Разве только по произволению Творца. Еще большую трудность может вызывать «дело православное». Это что такое? Освященная Православной церковью политическая деятельность эмиграции по свержению советской власти? Да, здесь можно вспомнить главу РПЦЗ митрополита Антония (Храповицкого), благословлявшего все и вся, направленное на свержение большевиков. Говорить же о «православном деле» внутри советской России не приходится. За рубежом не могли не знать о гонениях на церковь. Разве только можно воспринимать эту фразу как некое «пророчество», которое никогда не требует каких-либо доказательств. Более того, тот же Сувчинский в интереснейшей статье «Инобытие русской религиозности» отчетливо говорил об идущем в двух направлениях «религиозном разложении России». Для первого характерен «примитивный воинствующий атеизм и нигилизм. Для второго – церковное реформаторство» [5. С. 93].

Флоровский также связывал, можно сказать, свое евразийство с идеей православия, утверждения и упрочения православной России.

Савицкий, со своей стороны, видел евразийство в России, и в ее истории, и в расширении ее пределов, и в ее мировом значении, и в ее восточных делах и задачах.

Сувчинский же полагал, что евразийство, связанное с культурой, может быть воспринято и в политике, например, для выхода на большевиков и диалога с ними, что, как известно, вызвало «раскол» в евразийской среде.

Именно эти различия и привели в конечном итоге к разрушению диалога и обмена своими мыслями/идеями в географии, лингвистике, политике, истории, религии, литературе и пр. и пр.

Соответственно, евразийство как целостный и в то же время многосторонний, богатый идеями феномен интеллектуальной мысли оказался мнимым. Частное одержало верх над целостным. Можно сказать еще и резче: евразийство

представляло собой если не аморфную массу идей, то, прежде всего, персонифицированную в лице его главных действующих лиц.

Георгий Флоровский в письме к Николаю Трубецкому (17. 10. 1923), касаясь темы разлада в евразийской среде, написал следующие строки: «Отрицать “личные” мотивы и “личные” разрывы я не стану [...] И одна из главных причин нашего разлада в том, что мы недостаточно “хороши”, чтобы исповедовать друг друга и налагать друг на друга эпитимьи. Мы молчали о многом из ложной стыдливости, — о том, о чем надо сказать. Признаю прямо, я перестал доверять Савицкому, а с его стороны последовал ряд более, чем несдержанных, мелочных, дурно самолюбивых выпадов, которые сделали для нас невозможным и нежелательным личное общение. Я не чувствую в нем искренности и прямоты, не могу отделаться от ощущения, что религиозная проповедь для него тактический прием, что главное для него — некий “эффект” [...] Но сказать ему этого нельзя. Думаю, что прав, когда предполагаю у него некую зависть к себе (! — так в тексте.) и стремление быть *всюду* на первом месте, даже и там, где нужно было бы скромничать». И далее Флоровский в том же письме подчеркивал: «Нельзя проповедовать религиозную культуру, можно проповедовать *только веру* [...] А прочая приложится [...] Иначе получится демагогия. Вместо православной веры получается вера в православие, подмененное ущербяющими формулами: православное царство, святая Русь и т.д. И когда с этим сочетается лукавый оптимизм, что, дескать, в Евразии райские сады расцветут и православный царь всея Евразии от мыса Дежнева до мыса Доброй надежды будет упражнять свою деспотическую власть, мне становится *религиозно-страшно* [...] Будет или не будет Великая Россия, а православным надо во всяком случае быть, надо ожить для себя церковное предание, надо воцерковить себя» [2. С. 124–125].

Читая эти строки, можно только сказать, что все это набор умных слов, мало имеющих общего с действительным положением дел в советской России.

Тогдашнее «евразийство», ее лидеров можно было уподобить персонажам басни Ивана Андреевича Крылова «Лебедь, рак и щука».

Так, 26–27 ноября 1928 г. Трубецкой писал Сувчинскому: «В своем большом письме ко мне Вы выразили свое отношение к попыткам построить систему е[вразий]ства. Выходит, что системы вообще никакой быть не должно, потому что система связывает, а мы должны быть свободны.

У нас не должно быть догматов. Мы не должны ссылаться на ранее высказанные положения, не должны избегать противоречий с этими положениями. Таким образом, е[вразий]ство есть непрерывный ряд логически друг с другом несвязанных импровизаций. Объединять их друг с другом должна не логика (Боже упаси!), а общий стиль, тон, а кроме того и то, что все эти импровизации должны быть парадоксальны [...] К сожалению, Вы и не только в этом письме проявляли такое же отношение к е[вразий]ству [...] Я почитал эту задачу единственной, ибо большевистской практике мы своей практики противопоставить не можем [...] Подбирая одно положение к другому, как камень к камню, я строил е[вразий]скую систему как единое здание — с трудом, ибо работа это нелегкая. И вот потому-то меня особенно всегда огорчало отношение некоторых из нас к этой созидательной работе. Особенно П[етр] С[еменович] А[рапов] часто проявлял к ней совершенно непозволительно легкомысленное отношение, рассматривал е[вразий]ство как белый лист бумаги, в который можно написать все, что угодно, с тем чтобы потом вновь вычеркнуть и вписать как раз противоположное. Много вредил в этом отношении и Л[ев] П[латонович] К[арсавин] со своими фокусами, создающими впечатление действительно неограниченной

емкости е[вразий]ских схем, в которые путем казуистики и ловкости рук можно втиснуть что угодно [...]

В конце-концов, выходит какая-то глупая, бесцельная и бесконечная комедия. Пора наконец ее закончить. Совместно с П[етром] Н[иколаевичем] С[авицким] – Вы работать не можете. Я вообще отказываюсь работать в е[вразий]стве. Значит и признаем, что каждый из нас троих отныне должен идти своим путем. Не озираясь на других. А для того чтобы организационно закрепить и оформить это положение, упраздним общее название “е[вразийство]”, которое в настоящее время фактически стало совершенно бессодержательным, и вместо него введем новые названия для каждого течения: Вы назовитесь “социал-е[вразий]ством”, П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] – “национал-е[вразий]ством”, а я пока обойдусь без всякого названия, т[ак] к[ак] в ближайшее время все равно “выступить” не намерен и уйду всецело в науку» [6. С. 553–555].

Расхождений было больше, нежели единства, даже в определении самого евразийского «нефтяного дела». Для примера: Савицкий воспринимал евразийство как «систематическое россиеведение». Другой «нефтяник» П. Н. Малевский-Малевич отстаивал всемирность «нефтяного дела» [6. С. 557].

Да, были евразийские искания, литература, расхождения, вплоть до разочарований в евразийстве, была и критика, как «внутренняя», так и «внешняя».

К «внутренней» относится высказывание Трубецкого в письме к Сувчинскому (2 декабря 1928): «Утверждение, что “евразийство не есть сложившаяся система”, для меня равносильно признанию, что вся моя работа до сих пор была толчением воды в ступе» [1. С. 286].

К «внешней»: «сукина сына» А. Д. Билимовича, профессора Люблянского университета, который в «Русской мысли» в статье «Богоискатели, евразийцы и материальная культура» писал: «Рассуждения о “религиозных озарениях” и “евразийских свершениях” в то время, когда наш народ умирает от казней, эпидемий и голода, когда народ доведен революцией и большевиками до того, что в XX-м веке возродилось помнимое по старым сказкам людоедство, – как хотите, но это духовное извращение» [6. С. 570–571].

Критику евразийства Трубецкой назвал «подогретыми экскрементами». Однако у Билимовича была своя правда и свой взгляд на Россию. Можно даже сказать, что и «сукин сын» тоже был евразийцем по месту рождения, но не по мыслям.

Не могу здесь не упомянуть знаменитой речи Ивана Алексеевича Бунина (1924), в которой **миссию русской эмиграции он видел в неприятии всего того, что творится на его родине, где слышны «голос хама, хищника и комсомольца да глухие вздохи»** [7]. Поэтому можно понять Билимовича с его неприятием новых «учений».

Впрочем, и Трубецкой имел право защищать свои размышления. Дело, как мне представляется, несколько в другом: в интеллектуально-патриотическом восприятии России. Если евразийцы основное внимание уделяли теории, то такие люди, как профессор Билимович, полагаю, реалиям.

Возвращаясь к «внутренней критике», нельзя не назвать строки Г. А. Ландау, печатавшего критику евразийства в газете «Руль» (Берлин). Для таких лидеров евразийцев, как Г. А. Флоровский, А. А. Ливен, П. П. Сувчинский, критика обусловливалась еще и его еврейским происхождением, о котором неоднократно и в весьма грубой форме писали «отцы-основатели». Так, в письме к Г. В. Флоровскому (28. 02. 1922) образованнейший Трубецкой писал: «Наши враги жидоскоты, жидогады и публицистические гримзы» [2. С. 71]. Впрочем, у многих умнейших натур неприятие еврейства было одним из «скреп» их мировоззрения.

Здесь большой интерес представляют материалы «Руля» (1922), которые можно озаглавить тривиальным «из двух углов», где «истец» — Ландау, «ответчик» — Савицкий. «Основное сражение» развертывалось вокруг самого евразийства. Ландау полагал, что «направление» евразийцев, обнаруживаемое у Савицкого, «не в антропогеографической теории, не в религиозном направлении, не в национальной тревоге, оно — в бездейственном самоутешении» [2. С. 329].

И дальше весьма остро: «Содержание евразийства отлично от других интеллигентских направлений, которому оно может быть и враждебно, но функции их одинаковы: самообольщением отвлечься от происходящего, сбросить с себя муку за прошлое, освободиться от тревоги за будущее» [2. С. 330].

Что же можно сказать, внешне критик не столь уж неправ. Достаточно здесь вспомнить движение младороссов, которому было свойственно также увлечение «литературой».

В определенной степени взгляды младороссов были близки мировоззрению евразийцев. Но... Одно из основных различий обуславливалось несхожестью трактовок российской истории, прежде всего неприятием глобального влияния азиатского фактора на становление российской государственности. Тем не менее, приверженцы Казем-Бека не теряли надежды, что «евразийцы сумеют преодолеть в себе те “уклоны”, которые могли бы лишить их национальных корней, и что в будущем они разглядят за наследием Чингизхана и наследие Киева, Москвы и даже Петровой столицы. Надо думать, что самое понятие “евразийство” не будет больше искажаться паназиатскими устремлениями, что центр тяжести не будет переноситься с некоторой искусственностью на наши туранские истоки и что десять трудных веков необходимой и славной русской истории не будет отрицаться огулом» [8. С. 46].

Однако здесь надо подчеркнуть, что вся эта полемика была несколько искусственной: евразийцы знали русскую историю и отдавали ей должное. Хотя курс на Европу со времен Петра вызывал резкую критику.

Возвращаясь к критике Ландау, прозвучавшего с его стороны упрека в «бездействии», Савицкий писал: «В чем бездейственность: в том ли, что мы уклоняемся от тона передовицы “Общего дела” (тона, который сам по себе почтенен); в том ли, что не призываем к мечу гражданскому, к образованию “штаба для борьбы с разложившимся большевизмом”? Да, мы не делаем этого — ибо меч и штаб сильны не сами по себе, но в некоем ином контексте. Воинствовали мечом и штабом — не победили. И прежде, чем думать о “штабе” и “мече” — нужно, во времена нынешние, думать об оружии сильнейшем. Имеющий уши да слышит» [2. С. 343].

Как все это оценить? Ответ напрашивается таков: у Ландау больше провокативности, у Савицкого больше «литературы», точнее, аполитичности, оцениваемой как «неделание».

Впрочем, следует сказать, что упрек в «бездеятельности» был не только с «еврейского слева», но и с «евразийского справа». Я говорю о Флоровском, который в письме к Сувчинскому (06. 09. 1923) изложил свою позицию по этому вопросу: «Весь смысл и оправдание евразийства — в предметности и творческом упоре наших первых шагов. Сейчас мы не хотим трогаться с места и расплываемся в беспредметности. Как евразиец, я кричу об опасности [...]»

Предел конкретизации для нас национально-философская проповедь и рефлексия [...] Нас четверых когда-то соединила мечта среди всеобщей одержимости скороспелым пафосом действия создать упор для подвига медленного выстраивания нового духа, мечта о новой, живой, творческой, свободно-русской православной культуре. На нас лежит долг ее строить, каждому по-своему,

со своего угла. Я не предаю этой мечте [...] евразийцы должны делать свое *прямое* дело — религиозно-культурной проповеди; наша подлинная тема — Правосл[авие] и Культура» [2. С. 214–215].

Все очень хорошо, одно плохо: «пафос действия» растворялся в бездействии, если только за действие не принимать литературную деятельность евразийцев, их пропаганду.

И ненавистную «Европу», и ее «пропагандистов-жидов» евразийцы «пинали» что было сил. Так, Трубецкой, рассуждая в письме к Сувчинскому (1922) о творчестве Ильи Гершовича Эренбурга и его связи с футуризмом, подвергал резкой критике это «новое искусство», воспринимаемое Трубецким в качестве орудия разрушения красоты, ведущего «к хаосу, к духу бездны, к антихристу». Для него футуризм ценен только потому, что он «изображает всю отвратительность Европы» [1. С. 29].

Поднятие на щит футуризма евреями Трубецкой почему-то считал доказательством их культурной бесплодности, стихийной работы на поле разрушения искусства гоев. Но это всего лишь одна из точек зрения на футуризм. Есть и другая, трактующая футуризм, например, в живописи, как провокацию.

Но все становится понятным, если все беды России многие мыслящие люди связывали с так называемым жидо-масонством, захватившем страну.

Причем свою «любимую Евразию» «нефтяники» противопоставляли, что совершенно естественно, западному миру, вобравшему все грезы и заблуждения человека западного образца. 30 декабря 1923 г. Трубецкой писал такие строки Савицкому:

«Дорогой Петр Николаевич, я вообще не разделяю Вашего (и Г[еоргия]В[асильевича Флоровского]) благожелательного взгляда на Америку, но ради ихних долларов, которые нам очень нужны, согласен не протестовать против того, чтобы от имени евразийцев польстить американскому национальному самолюбию. Однако мне все-таки кажется, что Вы в этом отношении немного переборщили. Ведь все же нельзя забывать того, что пока что Америка является самой типичной представительницей всех отрицательных сторон Романо-германской цивилизации. В Европе такой же страной является Германия [...] Сейчас Америка хуже Европы, ибо в Европе есть хотя бы воспоминания Средневековья. Ваши надежды на то, что Америка преодолет воинствующий экономизм, мне представляются мало основательными: заметьте, что социализм-коммунизм вовсе не есть единственная форма апогея воинствующего экономизма. Итак, по-моему, прогноз культурной миссии Америки следовало бы выразить осторожнее. Далее, безусловно, не следует вводить в эту перспективу «англосаксонскую расу». Раса, откровенно говоря, прескверная и вреднейшая. Если из Америки когда-нибудь выйдет толк, то толк потому, что эта страна не чисто англосаксонская, и только поскольку она не чисто англосаксонская» [6. С. 560–561].

Итак, два вопроса. Первый: отчего такое отношение к Америке? Возможно тем, что эта территория иммигрантов, «сделавших себя американцами», и уничтоживших «вольную жизнь» индейского населения.

Второй: почему же англосаксонская «прескверная»? Вопрос для меня весьма труден. Возможно, ответ стоит искать в личном отношении к англосаксам как завоевателям тех же бриттов? И одновременно легок. Англосаксы принадлежат к «западному миру», воспринимаемому в евразийских писаниях весьма критически.

И, наконец, тривиальное, которое связано с «просоветским» Кламаром, точнее, с издававшейся там «просоветской» газетой «Евразия» (1928), с «азиатски-косоглазым евразию-коммунизмом» (Ф. Степун), резко разделившей лидеров евразийцев,

Савицкого с Сувчинским, «со товарищи». В произошедшем расколе, по свидетельству Савицкого, был «замешан» и советский консул Туманов в Париже, успешно советовавший «освободиться» Сувчинскому в «Евразии» от «бердяевщины», под которой сам Савицкий подразумевал русскую религиозную философию, и деньги, и «коммуноид» Маяковский, с которым собирались в «Евразии» крепить отношения, и многое другое [1. С. 287–323].

И немного больше о «раскольнике» Сувчинском, для которого евразийство превратилось в «сомнительную антрепризу». В записке Савицкий (1928) пишет о нем и как «искателе» другого пути, отличного от евразийства: «он начал читать коммунистическую литературу. Ранее того он был очень плохо с нею знаком, по невежеству в политико-экономических вопросах [...] Коммунистическая литература произвела на этого **литератора** (выделено мною. — В. К.) на четвертом десятке лет его жизни такое же впечатление, какое она производила в дореволюционной России на гимназистов третьего класса. Он решил, что коммунизм есть система, а дотоле существовавшее евразийство “так что-то” и отнюдь не система» [1. С. 290].

Совсем по-иному смотрел на фигуру Сувчинского живший в Сорренто Горький, о чем свидетельствует приводимое с некоторыми сокращениями его письмо к Сталину от 17 февраля 1930 г.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Считаю необходимым сообщить Вам письмо, полученное мною из Парижа от Петра Петровича Сувчинского. Вместе со Святополком-Мирским Сувчинский был основоположником “евразийской” теории и организатором евразийцев. Летом [19]27 г. оба они были у меня в Сорренто. Это — здоровые энергичные парни, в возрасте 30–35 лет, широко образованные, хорошо знают Европу. Мирский показался мне особенно талантливым, это подтверждается его статьями об эмигрантской литературе и книгой о текущей нашей. За эту работу эмиграция возненавидела его, и он принужден был переехать в Лондон, где сейчас пишет книгу о В. И. Ленине. У него и Сувчинского широкие связи среди литераторов Франции и Англии.

У нас делать им нечего. Но я уверен, что они могли бы организовать в Лондоне или Париже хороший еженедельник и противопоставить его прессе эмигрантов [...] Далее — бывшие евразийцы могли бы в известной степени влиять и на французских журналистов, разоблачая ложь и клевету эмигрантов». В свою очередь Сувчинский, отказавшись от издания газеты или журнала, предложил печатать четыре сборника ежегодно. Но и здесь у Горького было свое мнение. Записку от 7 марта 1930 г. на имя Сталина пролетарский писатель заключал следующими словами: «Мое мнение: сборники — оружие недостаточно активно-боевое и поэтому не нужны. “Евразийцев” хорошо бы использовать для журнала “За рубежом”: Хорошо зная быт интеллигенции и мелкой буржуазии, они могут быть полезными осведомителями» [9]. Однако этот план по изданию журнала или сборников не был реализован Кремлем.

Почему? Трудно сказать, возможно, вольных или невольных агентов влияния советской власти, ее сторонников, его России было более, чем достаточно. Достаточно напомнить фигуру самого Петра Николаевича Савицкого, прошедшего трудный путь от идеи свержения коммунистической власти до отстаивания идеи оборончества. Так, в 1931 г. в статье «Евразийская библиография», опубликованной в книге «Тридцатые годы», содержались «антимарксистские выпады и антикоммунистические взгляды». В марте 1932 г. он публично заявил в Праге, что в обстановке угрозы для его Родины со стороны страны Восходящего солнца «каждый русский, оказывающий какую бы то ни было помощь антисоветским

агрессорам, является изменником своему Отечеству». Можно отметить и выступление Савицкого 6 февраля 1934 г., заявившего, что он готов с винтовкой в руках защищать границы Советского государства и призывал к оборончеству каждого верного своей Родине, независимо от паспорта партийной принадлежности [10].

И что в итоге? С ним нелегко. И тем не менее, следует подчеркнуть три существенных момента.

Первое: сила идей страны победившей революции захватывала не одного Сувчинского, но и пробовала распространиться на весь мир.

Второе: сам Савицкий с его увлечением «национал-большевизмом» тоже отдавал должное переменам на его Родине. Хотя здесь плохо с «должным». Достаточно воспроизвести его следующие строки из опубликованной в 1922 г. газете «Руль» «К обоснованию евразийства»: «В содроганиях современности, среди опустошений вулканического взрыва, евразийцы видят и чувствуют вознесение на земную поверхность, в план мирового существования, *новой огненной жизни*. Скажу вам прямо: чем больше страдания России, чем тяжелее унижения наши — тем яснее для сознания евразийцев, что новую огненную жизнь несет и — ею пылает Россия» [2. С. 319]. Очень красиво, но как-то с ней, с красотой, не согласуются действия, мягко говоря, против «врагов внутренних». Меня можно упрекнуть в том, что действительна лишь та революция, которая умеет защищаться. Согласен. Но у нас, в России, обстояло дело несколько сложнее: тут не надо забывать наступательную тактику большевизма.

Третье: по моему «непросвещенному мнению», все же идеи евразийства, не идея, были настолько громадны и требовали ни больше, ни меньше как переустройства всего мира.

В итоге, как уже говорилось ранее, победила на время «география, замешанная на большевизме».

Многое из евразийства было воспринято в нашей стране, где в культуру возвращалась и традиция в новом платье.

И что же тут сказать?

Пожалуй, лучше всего закончить началом, т.е. словами из «Исхода к Востоку»: со «свершениями» было трудновато, с «предчувствиями» же было гораздо легче. Слово опережало дело.

Если говорить резко, то евразийство в себе содержало немало тривиальностей, облеченных в «новое платье» и замешанных на мессианизме. Оно и сейчас пользуется спросом у политиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому 1921–1928. М., 2008.
2. Трубецкой Н. С. — Флоровскому Г. В. 28. 02. 1922 // Записки Русской академической группы в США. New York, 2011–2012. Т. XXXVII.
3. Устрялов Н. В. Письма к П. П. Сувчинскому. 1926–1930 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания К. Б. Ермишиной. М., 2010.
4. Письма Н. С. Трубецкого к П. Н. Савицкому // *Соболев А. В. О русской философии*. СПб., 2008.
5. Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. третья.
6. Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М., 2010.
7. Бунин И. А. Миссия русской эмиграции // <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/missiya-emigracii.htm>
8. К молодой России... Сборник Младороссов. Paris, 1928.
9. «Жму Вашу руку дорогой товарищ» / Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина / Публикация, подготовка текста, вступление и комментарии Т. Дубинской-Джалиловой и А. Чернева // *Новый Мир*. № 9. 1997. Электронная версия текста с сайта «Журнальный зал» / http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/9/stalin.html
10. Архив автора.

© 2017 г. Т.Н. ЛАПТЕВА

ГЛАВНЫЕ ПОТЯСАЕНИЯ XX ВЕКА В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ И СУДЬБЕ А.В. ФЛОРОВСКОГО

Статья посвящена судьбе историка-эмигранта А. В. Флоровского – свидетеля революции в России, Второй мировой войны, установления коммунистических режимов в странах Восточной Европы. Эти события во многом определили его путь, сформировали мировоззрение и взгляды на ход исторического процесса.

The article is devoted to the fate of the émigré historian Antonij Florovsky who was a witness of the revolution in Russia, World War Two, and establishment of the Communist regimes in Eastern Europe. These events largely determined his path, shaped the worldviews and views on the course of historical process.

Ключевые слова: историк-эмигрант, А. В. Флоровский, русское научное зарубежье, XX век, Прага.

Keywords: émigré historian, Antonij Florovsky, Russian academics abroad, twentieth century, Prague.

Основные этапы жизненного пути выдающегося историка-слависта и активного деятеля русского научного зарубежья Антония Васильевича Флоровского известны [1. С. 32–47; 2. С. 63–73; 3. С. 80–87; 4. С. 55–63; 5. С. 293–410]. Он был представителем того поколения, которое в полной мере испытало на себе воздействие главных потрясений XX в. После революции он был вынужден покинуть родную Одессу в возрасте 38 лет, будучи профессором Новороссийского университета, полным надежд и планов молодым ученым, уже заслужившим признание коллег. После непродолжительных скитаний, в 1923 г. он смог найти работу в Праге, где люди, идеи и контекст ситуации трудно сообразовались с его предшествующим жизненным опытом, планами и убеждениями. В 1939 г., после установления протектората Богемии и Моравии, последовало вторичное погружение А. В. Флоровского в новый порядок вещей, к которому он не был готов, а с окончанием Второй мировой войны и приходом в Чехословакии к власти коммунистов подобное повторилось с ним в третий раз.

Без знания убеждений, взглядов на судьбу родной страны и на главные события мировой истории XX в. невозможно понять этого яркого деятеля русской эмиграции. В настоящей статье сделана попытка выявить и проанализировать

Лаптева Татьяна Николаевна – научный сотрудник Архива РАН.

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект МК-4739.2016.6 «Российская научная эмиграция в Чехословакии в 1920–1940-е годы (по материалам зарубежных архивов)».

факты, которые позволили бы прояснить его политическую позицию, взгляды на судьбу России и понять его отношение к происходящим геополитическим процессам.

А. В. Флоровский не оставил произведений, в которых специально обращался бы к социально-политической тематике, проблемам идеологии или религии. Его жизненная позиция частично нашла отражение в его научных трудах и переписке, которые явились основной источниковой базой настоящей статьи.

Он родился в 1884 г. в г. Елисаветграде Херсонской губернии в семье священника. В 1908 г. окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета, читал курсы по исторической географии, экономической истории России, спецкурс о русских летописях в родном университете и в ряде других образовательных учреждений Одессы.

Семья, в которой воспитывался Флоровский, во всяком случае ее старшее поколение, разделяло либеральные взгляды. Дед ученого, протоиерей Георгий Попруженко, по воспоминаниям его внучки Клавдии Флоровской¹, «был не чужд “передовых идей” и с удовольствием читал “Колокол” Герцена» [6. Оп. 1. Д. 245. Л. 6]. Сам Флоровский со студенческих лет был близок к либерально настроенному крылу сокурсников. Одним из его старших университетских товарищей был знаменитый впоследствии историк П. М. Бицилли. Письма дочери последнего Марии Бицилли сообщают, что ее отец и А. В. Флоровский «вместе участвовали в студенческих сходках и волнениях, и оба пострадали, попав в число исключенных из университета» [7. С. 657–658].

Годы спустя, в одном из писем историку и публицисту В. В. Леонтовичу, Флоровский так писал о своих увлечениях той эпохи: «Да, мы в юности, то есть в начале этого века, кричали: “Долой самодержавие” и “Да здравствует свобода”, но за этим стояло и нечто положительное, не только отмена самодержавия и введение свободы от чего-нибудь. Либерализм — это, конечно, вполне положительное мировоззрение, система убеждений и стремлений» [6. Оп. 2. Д. 50. Л. 2–2об.]

Главным политическим предреволюционным увлечением А. В. Флоровского была идея народного представительства. Она преобладала в его научных исследованиях, магистральной темой которых было участие разных групп населения Российской империи в Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. [8–10]. Научные исследования и общественно-политические убеждения молодого Флоровского развивались одновременно, убеждая его, что «непрерывное и интенсивное стремление к осуществлению в жизни идеи народного представительства» является «одним из основных слагаемых в истории русского общественно-политического развития» [6. Оп. 1. Д. 4. Л. 2].

1917 г. был для Флоровского очень насыщен разнохарактерными событиями. Начало года сулило ему счастливое развитие карьеры — 17 января он был утвержден в звании профессора [6. Оп. 1. Д. 155. Л. 1], в апреле и мае участвовал в работе курсов по подготовке агитаторов в Одессе [11. Крив. I. В. Desky č 5. № 1], а в сентябре — октябре рассматривал основные вопросы церковной жизни на заседаниях Поместного собора Православной российской церкви, как член, избранный от Новороссийского университета, дважды выступал на общих собраниях собора с докладами по работе его уставного отдела [12. С. 59–60, 99–101].

¹ Клавдия Васильевна Флоровская (1883–1965) — сестра А. В. Флоровского, выпускница Бестужевских курсов (1909), приват-доцент Новороссийского университета с 1919 г. В 1920 г. эмигрировала в Болгарию, в 1955 г. репатрировалась в СССР. «Воспоминания» были написаны в 1954 г.

Можно утверждать, что Флоровский положительно принял Октябрьскую революцию, начало которой он застал в Москве во время первой сессии собора. Вероятно, он не принадлежал ни к одной политической партии. В большей степени его волновали идеи гражданских прав и свобод, чем вопросы собственности, экономики и классовой борьбы. Его взгляды были плодом собственных рассуждений, результатом его понимания здравого смысла, а не следования идеологии. В восприятии Флоровского революционные события были овеяны романтикой торжества справедливости, принятия народом ответственности за свою судьбу и преодоления сдерживающей косности государственных структур, открытия пути к новым возможностям. В это время он не связывал произошедшие события с борьбой партий и группировок, заговорами, интересами и философскими учениями. В его оценке революция не была борьбой за власть [6. Оп. 1. Д. 4].

Сам Флоровский в событиях революции и Гражданской войны участия не принимал, скорее, старался демонстрировать аполитичность. Его товарищ и многолетний корреспондент историк В. Т. Галяс свидетельствует: «В годы Гражданской войны, когда сменяли друг друга недолговечные режимы большевиков и гетьманцев, австро-германских и англо-французских интервентов, украинских националистов и российских белогвардейцев, далекий от политики профессор оставался дома, в уединении с женой, на Отрадной улице. Зачастую он не являлся ни в университет, ни в Археологический музей. Будучи членом Совета университета, он даже отсутствовал на его заседании 16 сентября 1919 г., когда родная сестра Клавдия Флоровская была принята приват-доцентом на кафедре всеобщей истории» [13. С. 15]. Он не старался предугадать исход Гражданской войны и понравиться новому правительству. По утверждению В. Т. Галяса, научная общественность Одессы не сомневалась, что «либерального профессора А. В. Флоровского вовсе не увлекала суть и смысл марксизма-ленинизма» [13. С. 16].

В 1920 г., когда большая часть семьи Флоровских и Попруженко решилась на эмиграцию, А. В. Флоровский колебался. Остаться в Одессе его уговорила жена Валентина Афанасьевна [13. С. 16].

В начале 1920-х годов он занял несколько руководящих постов в учреждениях культуры Одессы: был назначен сначала директором Одесской публичной библиотеки, затем Библиотеки высшей школы, занялся изучением местной истории. Его последняя «одесская» монография «Воля панская и воля мужицкая» [14], была опубликована в серии «Историко-революционная библиотека. Труды комиссии по концентрации и разработке историко-революционных материалов».

19 августа 1922 г. Флоровский был арестован, провел неделю в заключении и, согласно декрету ВЦИК об административной высылке, в первых числах сентября 1922 г. покинул Россию. Несколько месяцев он прожил с родителями в Софии, затем безуспешно пытался найти научную работу в Белграде, а в январе 1923 г. перебрался в Прагу.

Его судьбу можно назвать одной из самых благополучных среди судеб ученых русского зарубежья. Сразу по приезде в столицу Чехословакии он вошел в состав Русской учебной коллегии, где возглавил историко-филологическое отделение, и приступил к преподавательской работе на Русском юридическом факультете. С 1924 г. он являлся товарищем председателя, а в 1938–1940 гг. председателем Русского исторического общества, с 1925 г. — экспертом ученой комиссии Русского заграничного исторического архива, в 1933–1945 гг. — председателем его Ученого совета.

Флоровский имел стабильный доход, активно публиковался как в эмигрантских, так и в чешских изданиях, посещал иностранные архивы, участвовал в международных научных собраниях. В январе 1933 г. он нострифицировал свой русский диплом и был приглашен на должность преподавателя на философский факультет Карлова университета.

Флоровский успешно адаптировал свои научные исследования к реалиям Чехословакии, главными темами его работ стали история чешско-русских отношений, затем история католического влияния на Руси и русско-австрийских отношений в эпоху Петра I. Для ученых русского зарубежья большое значение имели его историографические обзоры эмигрантской и советской литературы.

В ранние годы эмиграции Флоровский продолжал открыто заявлять свое отношение к политическим процессам и революционным событиям в России. В марте 1924 г. им была подготовлена статья «На заре российской конституции»² [12], в которой он писал о предшествующих революции событиях: «От высоты царского трона до глубины подвала интеллигентного пролетария, от убежденных седидами и обремененных обширным житейским и государственным опытом сановников и до кружков незрелой молодежи — повсюду и среди всех можно усмотреть искания и попытки деформировать основные положения нового политического строя России на основе народного представительства в той или иной его широте и в той или иной его комбинации с наличными органами администрации и общественного самоуправления» [6. Оп. 1. Д. 4. Л. 2].

Задумываясь о своем месте в изменившемся мире и задачах, которые ему следовало выполнить в сложившемся положении, Флоровский приходил к выводу, что на нем, как на эмигранте, лежит особая миссия. Поскольку в советской России нет возможности работать по-настоящему эффективно и достижения мировой исторической науки там недоступны, то, как русский ученый за границей, он должен стать связующим звеном между русской и иностранной исторической наукой. Необходимость адаптации на новом месте прибавила его научным усилиям творческой энергии. В годы изгнания научная работа Флоровского существенно активизировалась, здесь было создано 90% его произведений.

В 1930-е годы Флоровский начал пересматривать отношение к произошедшим в России катаклизмам. Это происходило постепенно. Революцию и кровавую драму Гражданской войны он по-прежнему воспринимал как шаги к торжеству демократических ценностей. В очерке «Император Николай II»³ [6. Оп. 1. Д. 52], написанном в середине 1930-х годов, путь, по которому пошло советское правительство, он назвал «дорогой парламентаризма, излюбленной известными общественными кругами» [6. Оп. 1. Д. 52. Л. 3—3об.]. Страшные послереволюционные события Флоровский как и раньше не связывал напрямую с фактом смены власти. Он рассматривал изолированно друг от друга результаты революции и методы их достижения, в связи с чем в его текстах осознание жестокости произошедшего соседствует с восторженностью перед открывшимися перспективами: «Открылась новая страница русской истории. Она еще не прочитана. Ее буквы, набухшие от слез и крови, еще не позволяют перевернуть листка. Но она будет прочитана, и за нею вновь откроется для русского народа заря права и порядка, национального процветания и государственной значительности» [6. Оп. 1. Д. 52. Л. 22об.—23]. Он начал выделять отдельные общественные группы, действовавшие накануне революции с противоположными

² Не опубликована.

³ Не опубликован.

целями. В это время революционные деятели в его глазах перестали быть выразителями всеобщего политического мнения и желаний народа. Он начал рассматривать их как сложное явление, как комплекс действующих сил и интересов, борющихся против власти и за власть. В его произведениях впервые появились не только положительные, но и отрицательные характеристики основных революционных сил. Так, распространение радикализма и терроризма в русской среде оценивалось как «разгул разрушительных страстей» и как причина отказа правительства от развития либеральных реформ [6. Оп. 1. Д. 52. Л. 13–14].

В этот период апогеем революционного движения Флоровский называл 1905 г., когда в ответ на революционную бурю, потрясшую страну, было ограничено самодержавие, а события февраля и октября 1917 г. упоминал лишь вскользь, не указывая на их ключевое значение в судьбе России. Развитию либеральных достижений революции 1905 г. препятствовало, на его взгляд, неумение власти и либерально настроенной общественности найти общий язык и действовать сообща, в результате чего деятельность социалистов и других радикальных групп, встретив перед собой «изолированную и беспомощную духовно власть и радовавшиеся ее изоляции и беспомощности либеральные круги» [6. Оп. 1. Д. 52. Л. 25], привела к развалу российской государственности.

В 1930-е годы изменилось его отношение к Гражданской войне, он дифференцировал стороны конфликта и определился в симпатии к белому движению, участников которого назвал «государственно и национально мыслящими кругами, поднявшими вооруженную руку для устранения из России коммунистической власти» [6. Оп. 1. Д. 52. Л. 28–29].

Флоровский продолжал смотреть на предстоящий путь развития России с оптимизмом, он верил в самоорганизацию народа, «живую деятельность живых общественных сил», которая сумеет преодолеть разрушение и глубокий кризис, в котором находилось государство, верил в предстоящий расцвет страны, которому должны были способствовать фактически достигнутые в результате революционных событий перемены.

Развитие реальной ситуации в СССР не оправдывало надежд Флоровского. Сталинизм как политическая система вызывал его резкое осуждение. В обзоре советской исторической литературы, подготовленном в 1935 г., он критиковал партийный диктат в исторической науке и отсутствие свободы научного самовыражения [15. Р. 457–469]. Ученый отмечал наряду со значительными успехами советских ученых-историков сокращение числа используемых научных методов, исчезновение чистой, неидеологизированной исторической науки, изменение трактовки советскими коллегами исторического прошлого в соответствии с трансформациями концепций Маркса и Ленина в современной партийной идеологии. Досталинский период, характеризовавшийся большей мировоззренческой свободой, он считал менее ущербным для гуманитарных наук, которые в 1930-е годы оказались в идейно-беспомощном и атакуемом положении. ««Исторический фронт», – писал ученый, – фронт борьбы с несоветскими и немарксистскими историческими мнениями и методами есть боевая линия активного политического действия, на которой активность принадлежит, правда, только одной марксистской стороне. Другая же оказывается в положении совершенно пассивном, то есть прямо говоря – страдательном» [6. Оп. 1. Д. 46. Л. 1].

В связи с невозможностью открытого выражения собственной позиции по отношению к фактам и явлениям прошлого историками СССР Флоровский считал желательным, чтобы русская историческая наука была представлена на международных форумах исключительно учеными-эмигрантами.

В письме слависту В. А. Францеву он объяснял это так: «Хорошо было бы, если бы русская наука и вообще была представляема именно эмиграцией, поскольку в Советской России отсутствует свобода научного исследования и господствует режим духовного гнета» [6. Оп. 2. Д. 104. Л. 1об.].

Наступление Второй мировой войны и установление Протектората Богемии и Моравии явилось для Флоровского не менее сильным потрясением, чем депортация. Ученый и его жена были вынуждены доказывать свою лояльность к новой власти, арийское происхождение, неучастие в чехословацких легионах и масонских ложах и т.д. [11. Křab. I. A]. В ноябре 1939 г. был закрыт Карлов университет и Флоровский остался без работы, имея в качестве дохода лишь пособие Министерства образования и народного просвещения [16. С. 146].

К осени 1940 г. Флоровские приняли решение перебраться в США, куда уже переехали многие представители русского научного зарубежья. В сентябре они подали необходимые документы в Толстовский фонд [11. Křab. I. B. Desky č 1. № 5], но их усилия оказались тщетными, все время войны им пришлось прожить в оккупированной Праге.

В отношениях с немецкими властями Флоровский был сдержан и осторожен. Он не стремился упрочить свое положение путем демонстрации преданности новому режиму, не участвовал в пропагандистских акциях, но в то же время смог избежать преследований, в отличие от многих других русских и чешских профессоров.

Война сделала Флоровского осмотрительным, опасливым и крайне аккуратным в высказываниях. Из его писем и других бумаг исчезают не только оценки происходящего, но и всякое упоминание о геополитических событиях. В его архиве (в Архиве РАН в Москве и в Славянской библиотеке в Праге) нет ни одного его упоминания о текущей войне даже в самых нейтральных выражениях.

Во время войны современный внутренний политический режим в СССР в рассуждениях Флоровского уходит на второй план. В письмах своему самому искреннему собеседнику католическому священнику Сергию Грум-Гржимайло он рассуждал о сущности произошедших в России в начале XX в. перемен, о «положительных организационных способностях русских людей, шедших часто впереди государственной власти и помогавших ей в ее строительстве государства» [6. Оп. 2. Д. 84. Л. 12]. В это время он писал своему корреспонденту, что падение царского режима как определенной формы государственного управления не может предрешать судьбу нации-организма и России в целом: «*finis* царизма не есть еще *finis Russiae*, а, может быть, как раз освобождение народных сил для свободного творения новых форм в будущем!» [6. Оп. 2. Д. 84. Л. 12–12об.].

С ходом происходящих с СССР изменений и эволюции его гражданского общества бывшие подданные Российской империи, живущие в Союзе и за границей, все более дистанцировались друг от друга в воззрениях, традициях и ценностях. Многие эмигранты по мере приобщения к культуре стран проживания чувствовали все меньшую связь с родиной. Флоровский, напротив, во время войны эту связь почувствовал особенно отчетливо. На признание Грум-Гржимайло в ослаблении привязанности к России он отвечал: «Нахожу некоторые разъяснения причин Вашего душевного отрыва от России в ее историческом образе, указания на обстоятельства и мысли, приведшие Вас к “духовной эмиграции из России”, к уходу от нее духом и мыслию. Должен сказать, что как историк [...] я многие вещи эмоционально воспринимаю существенно иначе и оцениваю иным образом, поскольку объективно рассматриваю

явления во всей их исторической сложности, общности и полноте и в более широком разбеге времени» [6. Оп. 2. Д. 84. Л. 13–13об.].

События Второй мировой войны заставили А. В. Флоровского пересмотреть отношение к Советскому Союзу как государству и центру национальной науки. Он горячо приветствовал победу СССР в войне, которую называл «Великой освободительной войной». В заметке «О политической истории СССР 1917–1946 гг.», написанной, вероятно, в конце 1940-х годов, он отзывался о советском государстве возвышенно: «СССР – это сегодняшний и завтрашний день жизни Восточной Европы. Тут все еще в движении и созидании. Это – не законченный этап развития исторического феномена, но живая действительность. Еще отсутствует достойная историческая перспектива для полного охвата всего явления в целом, но не остыли и не остывают живые чувства восприятия этой действительности. Но тем нужнее и важнее всматриваться в характерные черты этой действительности, тем важнее и нужнее правильно оценивать и понимать ее особенности и пути ее развития и выявления. Это наше настоящее и наше будущее» [6. Оп. 1. Д. 79. Л. 12–13]⁴.

В декабре 1946 г. Флоровский, более двадцати лет являвшийся лицом без гражданства, получил советский паспорт. Гражданство СССР не сделало его жизнь комфортной и приятной, скорее наоборот, вселило страх, сделало его чужим тому миру русского зарубежья, в котором он смог найти себя после высылки, который определял его статус начиная с 1922 г. Флоровский стал проявлять желание избежать огласки сотрудничества с эмигрантами. Его душевное состояние во второй половине 1940-х годов хорошо иллюстрирует история сотрудничества с изданием «Энциклопедия Россика», начавшегося в 1943 г. и активно развивавшегося в течение нескольких лет. В 1947 г. он сообщил главному редактору издания Л. С. Багрову, что хочет продолжить работу, но считает сотрудничество в эмигрантском издании для себя как для гражданина СССР неприемлемым, и предложил ввести в состав авторов советских ученых или граждан СССР из числа эмигрантов. Багров стремился сохранить имеющийся авторский коллектив издания и парировал: «Какие имена я могу назвать для Вас как для гражданина СССР приемлемыми: все авторы – эмигранты, начиная с Вашего брата», апеллировал к прежнему опыту их успешного сотрудничества: «Практика предыдущего времени не вызывала у нас никаких недоразумений, и я не думаю, чтобы новый паспорт изменил Ваш характер и натуру». Видя сомнения Флоровского, в качестве гарантии безопасности Багров предложил ему совсем не указывать имен авторов словарных статей. Флоровский оставался в нерешительности. Тогда Багров, уставший от его колебаний под воздействием «политического климата», выдвинул строгий ультиматум: либо полное подтверждение готовности к сотрудничеству, удостоверенное присылкой текстов, либо полный разрыв деловых отношений. В глубине души он понимал страхи Флоровского и сочувствовал ему, его новое гражданское положение он образно определил как «пляски на вулкане» [6. Оп. 2. Д. 6. Л. 1–22. Д. 126. Л. 1–72].

Слова Багрова о влиянии политического климата больно задели Флоровского, он категорически отрицал такое влияние на его решения, отвечал с раздражением: «Надеюсь, что и наперед не изменюсь. Климат ни при чем. Со стороны он, видно, хуже, чем вблизи» [6. Оп. 2. Д. 6. Л. 6об.]. Но сложившееся положение все сильнее его тяготило. В 1952 г. он подал документы на получение гражданства

⁴ Не опубликована.

Чехословакии, но получил отказ [6. Оп. 1. Д. 228. Л. 28]. Ему не оставалось ничего иного, как постараться наладить отношения с советским государством.

Как русские, так и чешские профессора после прихода к власти коммунистов испытывали сильное давление со стороны установившегося режима, при котором партийность играла одну из ключевых ролей в их карьере, отношениях с административной научными центрами и учебными заведениями. Флоровский старался соответствовать требованиям времени и помогал другим эмигрантам, находящимся в похожем положении. Давая характеристику филологу И. О. Панасу, он так обозначил критерии его политической безупречности: «С политической точки зрения он отвечает современным требованиям – три года преподавал в русской советской гимназии в Праге до ее закрытия, дает уроки русского языка чинам советского посольства в Праге, возбудил ходатайство о советском подданстве и т.д., при немцах подвергся преследованию по обвинению в большевизме» [6. Оп. 2. Д. 37. Л. 1об.].

Часть причин к налаживанию мостов с советским обществом кроется в научных потребностях Флоровского. Ко времени окончания войны прекратили существование все эмигрантские научные организации, в которых он участвовал, таким образом, одно из приоритетных направлений его научного творчества (русско-чешские отношения) могло в полной мере реализоваться только в своей «чешской» части. Рассмотрение вопроса с позиции истории России в организованном научном коллективе стало невозможным. Его позднейшая тема о русско-австрийских отношениях при Петре I в Чехословакии не находила поддержки и заинтересованных слушателей. Вхождение ученого в советскую научную среду было единственной возможностью включиться в организованное национальное научное сообщество. Контакты с советскими коллегами были необходимы Флоровскому, который при длительном пребывании и активном сотрудничестве с чешской академической средой не потерял свою русскую идентичность.

В 1940-е годы и позднее в переписке Флоровского присутствует отпечаток осознания постепенного исчезновения русского академического мира, под которым он и его корреспонденты понимали самих себя, – группу профессоров, прокинувших Россию в сознательном возрасте и олицетворявших собой дореволюционное российское общество. В письмах ученого к лингвисту С. Г. Вилинскому и инженеру Э. Н. Таубе выражена обреченность, чувство утраты особого духа русской академической среды, горечь от отсутствия преемственности с новым эмигрантским поколением, имевшим другой жизненный опыт и условия формирования и представлявшим собой людей другого склада. Флоровский и люди его ближнего круга (юрист П. А. Михайлов, лингвист А. В. Исаченко, историк В. Ф. Минорский) были охвачены общим предчувствием завершения исторической миссии русской научной эмиграции, особенно ее гуманитарного крыла [6. Оп. 2. Д. 16, 37, 60, 62, 93, 174, 241, 315, 317, 433].

Ситуация, в которой Флоровский оказался как ученый-исследователь, очерчена им в письмах к Багрову: «Мои теперешние работы о Петре Великом и его времени нельзя издать в Чехии: нет интереса и возможности ограничены. Ни по-чешски, ни по-русски. К тому же надо переходить на международную ногу и потому, что я затрагиваю проблематику общеевропейского исторического интереса, а к таковой в Праге, увы, интереса нет, разве только при прямой связи темы с Чехией, с провинциальными темами чешской местной истории» [6. Оп. 2. Д. 6. Л. 22–22об.].

Флоровский считал желательным инкорпорировать историческую науку русского зарубежья в советскую академическую среду. Ярким примером его трудов в этом направлении являются попытки возродить деятельность одного из знаменитых русских зарубежных научных обществ – Археологического института им. Н. П. Кондакова. В начале февраля 1947 г. к нему обратился чешский коллега Й. Мысливец, успевший годом ранее связаться с Академией наук СССР, с предложением о сотрудничестве [6. Оп. 2. Д. 110. Л. 1–2об.]. Институт сохранил прекрасную библиотеку, архив и богатейшее собрание икон. Вместе с тем его положение было удручающим: ученые, составлявшие прежде его ядро, находились вне Чехословакии, научный уровень собраний резко снизился, выпуск печатного органа («Анналов») прекратился, кроме того, институт вступил в конфликты с чешскими научными учреждениями. Свое видение места, которое должен занимать институт, Флоровский изложил в письме его формальному председателю К. Шварценбергу: «Институт год назад обратился в Академию наук СССР с предложением ближайшего сотрудничества, как и было вполне естественно для русского ученого учреждения за границей после уничтожения прежних формальных и реальных преград между русскими организациями по обеим сторонам советско-русской границы. Этим обращением институт выразил свою готовность и охоту поставить свою будущую деятельность в соответствие учено-организационным видам высшего органа русской науки – Академии наук СССР и работать впредь в направлении и в формах, какие будут установлены предстоящим соглашением» [6. Оп. 2. Д. 110. Л. 1об.–2]. Переговоры об организационной подчиненности Института имени Н. П. Кондакова Академии наук СССР длились до 17 августа 1951 г., когда СССР передал институт Чехословацкой академии наук и искусств [17. С. 37–41].

Изменение политической линии советского правительства в отношении ученых русского зарубежья открыло Флоровскому путь к решению библиографической проблемы через прямое обращение в библиотеки СССР. Научная библиотека при Иркутском университете – единственная из известных нам советских библиотек, с которой Флоровскому удалось наладить стабильное прямое официальное сотрудничество. Имел место книгообмен ученого с библиотеками имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и имени В. И. Ленина, но он осуществлялся на почве общих научных интересов Флоровского с отдельными сотрудниками этих библиотек и носил эпизодический характер.

С 1947 г. Флоровский сотрудничал с редакциями советских изданий: журнала «Вопросы истории», «Украинского исторического журнала», редакциями нескольких сборников памяти советских историков и др.

Знаковым этапом научной репатриации Флоровского явилось его сотрудничество с Институтом истории АН СССР в деле подготовки издания «Писем и бумаг императора Петра Великого». 24 февраля 1958 г. Институт истории Академии наук СССР обратился к Флоровскому с просьбой оказать помощь в подготовке одиннадцатого тома сборника. Помощь эта должна была заключаться в выявлении документов Петра Великого в Австрийском государственном архиве и архивах Чехословакии, подготовке замечаний к последним изданным томам по форме и содержанию, информировании о зарубежных книжных новинках по истории петровского времени, выдвижении предложений по вопросам публикации нового тома. Дальнейшая переписка с Флоровским была поручена сотруднику группы Е. П. Подъяпольской, знакомство которой с ученым и его научным творчеством началось в 1916 г. в Московском университете, где она, будучи студенткой Высших женских курсов,

присутствовала на защите его магистерской диссертации. Ученые состояли в переписке до последних дней жизни Флоровского, после кончины последнего переписка продолжилась с его вдовой и коснулась вопроса разбора его личного архива, а завершилась передачей большей части документов в АН СССР. До середины 1960-х годов переписка носила официальный характер, содержала рабочие предложения, уточнения и замечания. Позже имела характер дружественного общения, взаимного консультирования по вопросам общих научных интересов [6. Оп. 2. Д. 77].

Инкорпорация в советское академическое пространство требовала от Флоровского свидетельств лояльности к политическому режиму СССР. Статья «Реформы. Реакция. Революция», написанная в 1950-е годы, является своеобразным «исповеданием» истинности большевизма и его исторической концепции [6. Оп. 1. Д. 100]⁵. В ней он осудил самодержавие за сопротивление политическим преобразованиям, неограниченный абсолютизм, притеснение малых народностей, допущение господствующего положения православия, поддержку крепостничества, высказывал согласную с теорией классовой борьбы точку зрения на восстания Пугачева, декабристов и т.д. как на этапы революционного движения, отказался от утверждения о пагубном влиянии радикальных революционных элементов. Им был сделан комплимент идее о дружбе народов – ученый осудил официальную национально-политическую идеологию, выраженную в триаде «Православие. Самодержавие. Народность», при которой «особые народные элементы были отодвинуты в сторону со всею решительностью, в связи с чем высокое, по существу, начало русской народности превращалось в начало охранительное, противопоставляемое неполноправным иным народностям» [6. Оп. 1. Д. 100. Л. 6].

Его симпатии к либерализму в этом произведении угадываются лишь в том, что объяснению точки зрения центрального и правого крыла либерально настроенной интеллигенции уделено наибольшее внимание. События 1905 г. он назвал уже не высшей точкой революции, а апогеем отступления власти. Как и в предшествующих работах, он уклонился от описания событий февраля и октября – ноября 1917 г., возможно, чтобы остаться честным перед самим собой, а возможно потому, что так и не определился в отношении к произошедшему. В итоге в пятидесятистраничной статье, в которой слово «революция» вынесено в заголовок, о февральском и октябрьском переворотах сказано лишь, что мировая война открыла новые перспективы для революционной деятельности, дала благоприятную почву для развития «борьбы, приведшей к ликвидации империи и к установлению на ее просторах рабоче-крестьянской власти под ведением партии большевиков» [6. Оп. 1. Д. 100. Л. 50].

Флоровский постарался не давать точных названий политических течений и групп, обозначая их общими принципиальными чертами и используя такие неконкретные выражения, как «известная социальная база», «усвоение известными кругами русской революционной среды воззрений Маркса». При этом он многократно использует специфические термины: «народные массы», «революционные силы», «рабочий класс», как бы стремясь говорить на одном языке с советскими коллегами, старательно подбирая слова и боясь допустить ошибку.

Жизненный путь супругов Флоровских исключал для них возможность смотреть на СССР глазами большинства советских граждан. Обладая всеми правами гражданства, при совместной работе и частом общении с учеными

⁵ Не опубликована.

из Москвы и Ленинграда, СССР оставался для них чем-то чужим и пугающим. В одной из бесед с молодой советской исследовательницей Л. П. Лаптевой, пришедшей к Флоровскому за консультацией, Валентина Афанасьевна вдруг спросила: «А правда, что у вас людей хватают прямо на улицах?» Флоровский поспешил прервать этот разговор. При этом одним из их главных желаний оставалось путешествие на родину, Флоровский писал: «Тянет ведь, а в старости особенно сильно» [6. Оп. 2. Д. 77. Л. 15об.].

Поездку в СССР Флоровские совершили в конце июля – начале сентября 1967 г. по приглашению Белорусской академии наук для участия в праздновании 450-летия белорусского книгопечатания в Полоцке. В рамках поездки они посетили также Минск, Ленинград, Москву и Одессу. Везде ученого принимали как почетного гостя. Выступление в Институте истории АН СССР он посвятил итогам своей деятельности за границей, «которую он рассматривал как постоянное служение истории своей дорогой и любимой родиной, – служение, не прекращавшееся и за ее пределами» [6. Оп. 1. Д. 223. Л. 20об.–21]. Через несколько месяцев после поездки – 27 марта 1968 г. – А. В. Флоровский скончался в Праге и был похоронен на Ольшанском кладбище.

Флоровский смог наладить искренние, теплые отношения и с советскими, и с чешскими учеными. Его чешская коллега Б. Застерова написала в некрологе: «Образ А. В. Флоровского как ученого и человека будет не полным, если не напомнить о чертах его характера, которые в наших воспоминаниях останутся неотъемлемой частью его личности. Хрупкий старик, но необыкновенно осведомленный, с чувством юмора и со строгим художественным вкусом, настоящий мужчина и настоящая “ходячая энциклопедия” по истории России и библиографии, источниковедению и литературе. С восхитительной виртуозностью он мог развернуть множество фактов и знаний, которые аккумулировались в его необыкновенной памяти во время научной работы. Все эти богатства он всегда был готов предложить к услугам своих коллег и учеников. Авторитет и симпатия, которые его личность вызывала у всех, всегда только возрастали. Профессор Флоровский оставил науке замечательные и ценные работы, и все, кто его знал, хранят воспоминания о нем как о хорошем человеке и редкой личности» [18. S. 139–140].

Жизнь подвергла А. В. Флоровского множеству испытаний, он пережил самые страшные потрясения XX в., сопряженные со сменой идеологической парадигмы и действительным риском для жизни. Он неизменно выдерживал их с честью, не шел на поводу у политических идеологов и общественного мнения, всегда принимал собственные решения в рамках возможностей, которые предоставляла ему судьба. Он следовал избранному в юности поприщу, искренне веря, что история открывает моральный прогресс человечества, а чувство счастья испытывал, «погружаясь в старинные пергаменты, отыскивая пути к далекому прошлому, находя нити к настоящему и перспективы к далекому будущему» [8. Д. 199. Л. 24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова Е. П. «Жрец» Клио (к научной биографии А. В. Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. Т. 11. № 1.
2. Аксенова Е. П. Институт им. Н. П. Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А. В. Флоровского) // Славяноведение. 1993. № 4.
3. Досталь М. Ю. Историк-эмигрант А. В. Флоровский в Чехословакии: страницы научного творчества // Новый исторический вестник. 2011. № 28.
4. Лаптева Л. П. Русский историк-эмигрант А. В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // Вестник МГУ. Сер. 8. 1994. № 1.

5. Савина Г. А. «Пусть барахтаются...»: (К истории «одесской высылки» за рубежом) // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2002. Вып. 3.
6. Архив РАН. Ф. 1609.
7. Бирман А. М. П. М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М., 2006.
8. Флоровский А. В. Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910.
9. Флоровский А. В. Депутаты Войска Запорожского в Законодательной комиссии 1767 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1912. Т. 30.
10. Флоровский А. В. Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг. Одесса, 1915.
11. Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T–Flor.
12. Священный Собор Православной российской Церкви. 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия. М., 2002.
13. Галяс В. Т. Русский историк-славист А. В. Флоровский // Дерибасовская–Ришельевская: Одесский альманах. 2003. № 15.
14. Флоровский А. В. Воля панская и воля мужицкая. Страница из истории аграрных волнений в Новороссии 1861–1863. Одесса, 1921.
15. Florovsky A. V. Historical Studies in Soviet Russia // The Slavonic and East European Review. [London], 1935. Vol. XIII. № 38.
16. Ковалев М. В. А. В. Флоровский и его немецкие корреспонденты // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов, 2015.
17. Паушто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
18. Zástěrová B. A. V. Florovskij 1885–1968 // Byzantinoslavica. Prague, 1969. Т. 30.

© 2017 г. М. ЗАВАЦКАЯ

ВИЗИТЫ РОМАНА ЯКОБСОНА В СЛОВАКИЮ В 1957 И 1968 ГОДУ

В статье рассказывается о двух поездках филолога Р. Якобсона в Словакию в 1957 и 1968 гг. Показано изменение отношения к нему словацких коллег в зависимости от политической ситуации в стране.

The article tells about two visits of philologist Roman Jacobson to Slovakia in 1957 and 1968. It is shown, how Czech colleagues' attitude to him was changing depending on political situation in the country.

Ключевые слова: Р. Якобсон, научные связи, Словакия.

Keywords: Roman Jacobson, scholarly ties, Slovakia.

По информации журнала «Slovenská reč», в начале февраля 1957 г. в Братиславе состоялась лекция профессора Гарвардского университета Романа Якобсона, которую посетили «значительное количество лингвистов, литературоведов и историков». Американский лингвист ответил на множество письменных и устных вопросов, касавшихся организации славистики в США и используемых там исследовательских методов [1. S. 266]. Несмотря на то, что в мероприятии участвовала большая часть академической общественности, эта заметка осталась практически единственным свидетельством прошедшего события. Ее автор Матильда Хайекова вскоре была уволена с работы в Институте языкознания Словацкой академии наук в ходе очередной чистки¹ [2. Fond (F.). OS, THS ÚSV. K. 66. inventárna jednotka (i.j.) 957.]. Подобное многолетнее молчание последовало и за визитом Романа Якобсона в Братиславу в августе 1968 г.

На самом деле с точки зрения его научной карьеры речь шла о не очень-то важных моментах, они интересны только лишь в более широком контексте отражения в рамках небольшого пространства реалий международных отношений того периода, чехословацкой академической и культурной жизни того времени в целом, а также трансформацией воспоминаний о его послевоенных визитах в Словакию.

Первые «словацкие» контакты Якобсон установил еще в 1920-е годы в рамках культурной работы, связанной с советским представительством в Праге, в котором он в то время работал, а также с его университетской деятельностью [3. S. 272–275].

Завацкая Марина – PhD., научный сотрудник Института истории Словацкой академии наук.

Работа подготовлена в рамках проекта APVV–0628–11 *Štátne hranice a identity v moderných slovenských dejinách v stredoeurópskom kontexte* («Государственные границы и идентичность в современной словацкой истории в центральноевропейском контексте»).

¹ Матильда Хайекова (1922–2002) была уволена 30 июня 1958 г. См. об этом [2. Кг. 990, i.j. 3114. Отделы – годовые отчеты].

Среди членов Пражского лингвистического кружка был, например, Людовит Новак, который после обучения в Карловом университете и Сорбонне стал в конце 1930-х годов одним из наиболее выдающихся молодых ученых-лингвистов университета в Братиславе. Это поколение словацких лингвистов воспринимало Якобсона как выдающуюся научную величину [4. S. 170].

К тому же времени относится начало дружеских отношений Якобсона с Лацо Новомеским, поэтом и коммунистическим политиком, связанным с левым журналом «Дав»² [5. S. 52]. Они оба оказались активными участниками пражской дискуссии о сюрреализме наряду с Яном Мукаржовским, Карлом Тейге, Адольфом Хоффмейстером, а также Витезславом Незвалом³. Непосредственно в Братиславу Якобсона неоднократно приводили приятельские отношения с другими «давистами» (Владимиром Клементисом, Иваном Хорватом, Даниелом Окали, Эугеном Лёблом и др.), а также с чешскими профессорами, работавшими в университете Коменского. Отрывочные, но весьма позитивные, воспоминания о его приездах сохранились в мемуарах публициста и театрального драматурга, позднее людацкого пропагандиста Тидо Й. Гашпара [6. S. 103] и писательницы-юмористки Зузки Згуришкой [7. S. 151–152]. Братиславское общественное окружение Якобсона проявило себя и после войны. Когда из-за политико-бюрократических сложностей задерживалось его возвращение в университет Масарика в Брно, Лацо Новомеский, в то время возглавлявший словацкий комиссариат просвещения, в письме Якобсону предлагал ему взамен Брно принять пока должность в братиславском университете [8].

После освобождения страны от фашистской оккупации временно удалось оживить деятельность Пражского лингвистического кружка, а в конце 1945 г. новое поколение словацких структуралистов, в то время уже действовавших в братиславском университете, основало родственный ему Братиславский лингвистический кружок [9. S. 88–89]. Помимо организации собственных мероприятий они по мере возможности приглашали для выступлений отечественных и зарубежных ученых. После прихода к власти коммунистов в 1948 г. часть языковедов с большим или меньшим желанием, в соответствии с «советским образцом», подчинилась сталинским принципам руководства наукой, другая часть была исключена из университета.

В нестабильной ситуации [10. S. 197–201] проверенной защитой стало укрепление собственных позиций за счет гонений на «чуждых» носителей нежелательных влияний на отечественную науку. Словесная атака на Якобсона, Трубецкого и других представителей межвоенной элиты русской эмиграции, предпринятая в печати в 1951 г., не только открывала дорогу для новых кадров [11. S. 674–676], но и предоставляла возможность старшему поколению реабилитироваться за прошлое⁴.

В то время в мельничные жернова сталинских процессов попали знакомые Якобсона по межвоенному периоду. Владимира Клементиса, после Второй мировой войны ставшего министром иностранных дел, казнили в 1952 г., Лацо Новомеский был заключен в тюрьму в 1951–1955 гг., преследованиям за «буржуазный национализм» подверглись и другие «дависты». Парадоксально, но многие

² «Дав» («Масса») — журнал, в котором сотрудничали молодые писатели из словацкой студенческой среды, начал издаваться в Праге в 1922 г. и вскоре завоевал прочные позиции в кругах левой словацкой интеллигенции. — *Прим. пер.*

³ См. вводную статью М. Томчика к [4], дискуссия не датирована.

⁴ Сокращенные статьи тогдашних «дискуссий» о структурализме из журнала «Tvorbа» (Франтишек Травничек, Яромир Белич, Владимир Скаличка, Петр Сгалл), см. [3. S. 210–233].

из них все еще находились за решеткой, когда Якобсону удалось в первый раз после Второй мировой войны официально посетить Чехословакию.

На изменение отношения властей к Якобсону во второй половине 1950-х годов повлияли скорее внешнеполитические, чем внутриполитические события. Возобновление прямых контактов с чехословацкими учеными произошло за границей. Подтверждая положение социалистического, но независимого от Советского Союза и дружественно расположенного к Западу государства, Югославия пригласила «американского» профессора в 1956 г. на Международное совещание славистов в Белграде, где он был избран в Международный комитет славистов, в Сербскую академию наук и читал лекции в Загребе и Любляне. На конференции он встретился с историком литературы Андреем Мразом и Богуславом Гавранекем [12. Sg. 305-740-2. S. 110]. Чехословацкие лингвисты и сами задумались о возможности проведения подобной конференции у себя в стране, в реализации плана им помогла новая внешнеполитическая линия советского правительства.

В 1956 г. Якобсон получил приглашение принять участие в первом заседании Международного комитета славистов в Москве, а человека, уважаемого советским руководством, уже нельзя было игнорировать в государстве-сателлите. Нашелся и достаточно сильный, дипломатически обоснованный, аргумент для его приглашения в Чехословакию: его пригласили участвовать не только в «обыкновенной» общегосударственной конференции славистов, посвященной историко-сопоставительному изучению морфологического строя, синтаксиса и лексики, но также и принять участие в заседании Международного комитета славистов в Праге по подготовке IV Международного съезда славистов в Москве в 1958 г. Таким образом, через 20 лет Якобсон со своей супругой Сватавой Пирковой снова смог приехать в Чехословакию 27 января 1957 г. [12. Sg. 305-740. S. 2].

Закрытое организационное заседание Международного комитета славистов контролировали представители чехословацкой тайной полиции. В документах они охарактеризовали встречу 20 заграничных и десяти отечественных лингвистов как «четыре дня длившееся гуляние» [12. Sg. 305-740-2. S. 19]. Сохранились также подробные записи слежки с указанием маршрутов передвижения, сообщениями об официальных и дружеских встречах в академических институтах и кафе (включая пражские разговоры с Зузкой Згуришкой и Лацо Новомеским), а также записи прослушки телефонных разговоров в период проведения сессий в Праге и Оломоуце [12. Sg. 305-740-2].

После пражской конференции состоялась лекция Якобсона в Братиславе, о которой, наоборот, сохранилось очень мало информации. По сообщению следившего за ним полицейского, ученый зашел в пятницу в 15:55 в Праге в здание Чехословацкой академии наук, а когда он оттуда вышел, наблюдатель не заметил из-за тумана. В отель, где его ждали, Якобсон не пришел. Последнее сообщение от сотрудника пражской тайной полиции, работавшего за стойкой регистрации отеля «Париж», подтверждает, что «Якобсон отбыл ночным поездом в Братиславу» [12. Sg. 305-740-2. S. 31]. Но 4 февраля в 9:25 утра пражская полиция снова взяла его под свой контроль на Главном вокзале [12. Sg. 305-740-2. S. 19]. Возможно, что материалы слежки в Братиславе еще найдутся, но пока представляется, что лекция Якобсона там не попала в поле внимания братиславской тайной полиции.

На первый взгляд такая возможность кажется невероятной. Но неполноту слежки можно объяснять тем, что, согласно мнению непосредственно присутствовавших на лекции Якобсона в Братиславе профессора Любомира

Дюровича⁵ и доцента Герхарда Балажа⁶, система обмена гостями из Праги и Братиславы между лингвистическими кружками была годами отработана. Достаточно было только однократно лично подтвердить приезд. Более того, пражская тайная полиция не смогла в числе многих участников быстро идентифицировать братиславских старых знакомых Якобсона. Возможно, что отвлечь внимание полиции могло и место, в котором проводилась братиславская лекция – в здании института, который уже по названию вызывал полное доверие: в Чехословацко-Советском институте Словацкой академии наук, расположенном в удаленном секторе Словацкого национального музея. А также в отличие от пражского заседания лекция была публичной (хотя заранее о ней не извещали), поэтому и не вызвала лишних подозрений.

Первую краткую статью под названием «Западные слависты среди нас» опубликовал «Večerník»⁷. Его автором был студент-филолог Иво Станислав, сын лингвиста Яна Станислава. Якобсон был представлен там как «американский профессор», а о его отношении к России и Чехословакии ничего не сообщалось.

Спустя месяц подробное описание лекции было поручено написать агенту тайной полиции из литературоведческой среды, словацкому театроведу и переводчику Морицу Миттельманну-Дединскому⁸. По его собственному утверждению о лекции он узнал случайно от коллег. В донесении он сообщал о своих впечатлениях, о некоторых участниках, о предполагаемых организаторах, а также о последовавшей после лекции встрече тесного круга знакомых Якобсона в ресторане отеля «Девин»⁹. Дединский утверждал, что лично с профессором до того времени знаком не был, но тот отнесся к нему с доверием, зная, что в первой половине 1950-х годов он сидел в тюрьме. Неизвестно, сознавали ли Якобсон, что тюремное прошлое отнюдь не исключает возможности доноительства. После того как М. М. Дединский вышел из заключения, в процессе постепенной профессиональной реабилитации он был так одержим идеей стать «первым переводчиком “Фауста” Гёте на современный словацкий язык», что полностью идентифицировал себя со своим героем. Наряду с изложением фактов он сообщал тайной полиции свои собственные впечатления, которые постоянно дополнял пояснениями. Возможно, повлияла и профессия театроведа, так как некоторые разговоры он передавал непосредственно в форме диалогов. Свой «анализ» в донесении от 6 марта 1957 г. он начал экскурсом в межвоенную карьеру Якобсона, в котором, стараясь подчеркнуть его значимость, называл его «другом Маяковского и Есенина», но при том Дединский не забыл упомянуть, что Якобсон более 20 лет назад написал в «Lidové Noviny» «остро критический антисоветский очерк, в котором фактически встал на позиции сюрреалистической группы Карла Тейге, близкие троцкизму». Информирова об участии Якобсона в американской университетской жизни после войны, он подчеркнул: «Любопытно, что его ассистентом был Клемент Шимончич, близкий друг

⁵ Дюрович Любомир (1925) – лингвист.

⁶ Балаж Герхард (1930–2016) – языковед, русист.

⁷ С Якобсоном приехал голландский лингвист и редактор издательства «Mouton» К.Х. Шонефельд (С. Н. Schoneveld, 1921–2003) [13. S. 3].

⁸ Мориц Миттельманн-Дединский (Móric Mittelman-Dedinský, 1914–1989) – славист и германист, в период между мировыми войнами – левый публицист, которого «по расовым признакам» преследовали во время войны, в 1949–1953 гг. находился в заключении по обвинению в «троцкизме» и других «преступлениях». В качестве агента Государственной тайной полиции (Štb) носил кличку «Блиска».

⁹ Сообщение от 6.03. 1957 [12. Sg. 305-740-2. S. 110-111].

д-ра Бакоша, сюрреалиста», который после войны на короткое время «приезжал в ЧСР в качестве старшего американского офицера и встречался с Фабры и Бакошом»¹⁰. Такие сведения свидетельствовали о явной «переработке» Дединским информации для того, чтобы пошатнуть и без того непрочную позицию Бакоша в Чехословацко-Советском институте [2. F. Riadiace orgány, kr. 1111, i.j. 3239, pracoviská SAV, organizačné materiály, Čs.-sovietsky inštitút].

Согласно этому донесению, Якобсон не избегал резких суждений и «шутит по поводу того, что структурализм называли формализмом и определяли как идеализм», обращал внимание на перекосы сталинизма, когда во всем видели «чертей рогатых», в то смутное время называли «все в капиталистических государствах свинством, хотя там и много хорошего». Об американской науке он высказывался «весьма похвально» и говорил, что «вместе с советской наукой она является самой передовой в мире».

Во время неформальной встречи в кафе отеля «Девин» Якобсон дал понять Дединскому, что знает о том, что тот «сидел из-за Клементиса», с которым дружил, и пригласил его на утреннюю встречу перед отъездом в Прагу. На эту встречу Дединский не пришел, так как проспал, но доложил, что на ней очевидно присутствовали языковеды и литераторы Микулаш Бакош, Андрей Мраз, Эуген Паулины, Йозеф Ружичка и др. Он также представил и информацию «из вторых рук» о лекции Якобсона в Оломоуце, которую организовал профессор А. Исаченко, еще один русский эмигрант, прежде работавший в Братиславе. Его дочь рассказала Дединскому, что «Роман [Якобсон] был очень остроумен, настроен крайне антисталински», похвально отзывался о современной советской славистике и якобы говорил, что «хотел бы на несколько лет поехать поработать в Москву, но не навсегда». От Арношта Унгара и Новомеского Дединский узнал о том, что Якобсон демонстративно посетил Лацо Новомеского и обнял его при встрече [12. Sg. 305-740-2. S. 111].

О других присутствовавших на братиславской лекции информация очень скудная. Якобсону удалось вовремя лично информировать лингвиста Людовита Новака, который в то время жил отшельником в городке Стара Любовня на севере Словакии¹¹. Он единственный, чье имя в доносе Дединского непосредственно связано и с «дальнейшими посиделками за вином, как в старые времена». Неизвестно, касались ли эти посиделки только их двоих или в них участвовали и другие лица. По информации профессора Дюровича, которую подтверждают свидетельства пражской полицейской слежки [12. Sg. 305-740-2. S. 209], Якобсон отдавал предпочтение беседам вдвоем, которые назначал с интервалами в 30 минут, по истечении этого времени либо его собеседники уходили, либо он сам пересаживался к другим столикам в кафе. «Якобсон встречался с людьми в основном с глазу на глаз, так как сам всегда говорил, что осмысленный разговор возможен лишь между двоими, в противных случаях это лишь болтовня»¹². Тем самым он отчасти защищал своих партнеров в разговоре от риска возможных непреднамеренных или умышленных доносов.

¹⁰ Микулаш Бакош (Mikuláš Bakoš, 1914–1972) – литературный теоретик и переводчик. Клемент Шимончич (Klement Šimončič, 1912–2010) – лингвист, преподаватель словацкого языка в Страсбурге, затем – в эмиграции в США, американский солдат-доброволец на Западном фронте, редактор радио «Свободная Европа». Рудольф Фабры (Rudolf Fabry, 1915–1982) – поэт-сюрреалист.

¹¹ Сообщение «Блиски» от 24.09. 1957 г. [12. Sg. 305-740-2. S. 209].

¹² Личная корреспонденция с профессором Любомиром Дюровичом (Lubomír Durovičom) 6.05.2016.

В документах цензуры сохранилась копия письма русиста и достаточно известного словацкого специалиста по религии Яна Коморовского¹³, в то время занимавшегося русской литературой, с извинениями за его отсутствие на лекции, про которую ничего не знал, так как она состоялась во время зимних каникул, которые он проводил у родителей. Из других братиславских свидетелей свое участие подтвердили лишь Эма Панова и Штефан Швагровский¹⁴. Проведение мероприятия в период перерыва между семестрами явилось, вероятно, причиной, почему свидетельства о ней не сохранились в воспоминаниях младшего поколения, у тогдашних студентов.

В 1957 г. Якобсон осенью снова вернулся в Чехословакию, но на этот раз он уже не ездил в Словакию. Этот визит сопровождался политическими проблемами. От людей, которым он тем временем послал научную литературу, тайная полиция требовала дистанцироваться от него, а посланные книги называть пропагандистскими¹⁵. Жена Якобсона не получила запрашиваемой визы. Организаторы конгресса, посвященного Я. А. Коменскому, на который его пригласили, на всякий случай даже не упоминали его имя в официальной программе, чтобы, по-видимому, не привлечь излишнего внимания и избежать возможного аннулирования его доклада¹⁶. Председатель Чехословацкой академии наук (ЧСАН) Зденек Неедлы приглашение Якобсона позже назвал своевольным актом, о котором не был информирован, и не согласился бы с ним, напоминая, что этот человек «всегда пропагандировал в искусстве и науке реакционные теории и всякие -измы, которые в то время не существовали». Он грозился организаторам «показать», что все еще является председателем ЧСАН¹⁷. М. М. Дединскому, по его собственному признанию из донесения с конгресса, была заранее поставлена задача активно вступать в разговоры с интересующими лицами. Он сообщал, что Якобсон лично узнавал про судьбу своих все еще находившихся в заключении словацких знакомых — Даниэля Окали и Ивана Хорвата¹⁸, и говорил, что «Чехословакия — единственная страна, которая ничего не сделала для реабилитации пострадавших», а полное бездействие в деле реабилитации Владимира Клементиса назвал «настоящим свинством».

Ответы на поставленные Якобсону вопросы свидетельствовали, что он уклонялся вдаваться в детали, но некоторые утверждения формулировал твердо. По поводу взглядов профессора Диешки¹⁹ он уточнил, что тот «больше уже никакой не людак (словацкий националист. — М.З.)», а стал «придерживаться экзистенциализма», и что «бывшие левые тоже группируются вокруг него». О Клементе Шимончиче он заявил, что тот «ленивый, как вошь», так как после

¹³ Ян Коморовский (Ján Komorovský, 1924–2012). Письмо Якобсону от 15 июня 1957 г. [12. Sg. 305-739-2. S. 147–148].

¹⁴ Эма Панова (Ema Panovová, 1925), Штефан Швагровски (Štefan Švagrovský, 1931). Телефонный разговор 5 июня 2016 г.

¹⁵ Заявления, в которых адресаты под давлением тайной полиции отказывались от получения книг, отправленных им Якобсоном, чередуются в архивном фонде с «анализами» их вредного содержания и задержанной цензурой частной корреспонденцией [12. Sg. 305-739-4].

¹⁶ Международная конференция по исследованию жизни и деятельности Я. А. Коменского 23–29.09.1957 г. Программа. [12. Sg. 305-140-2. S. 148. S. 210, донесение агента «Блиски» от 24.09.1957].

¹⁷ Информация автора статьи в газете «Rudé Právo» В. Штепанка от 2.05. 1958 [12. Sg. 305-739-4. S. 136].

¹⁸ Даниэл Окали (Daniel Okáli, 1903–1987) — юрист, политик, литературный критик, один из основателей «Dav»; Иван Хорват (Ivan Horváth, 1904–1960) — писатель, дипломат, политик-коммунист. Оба в то время отбывали десятилетнее заключение по обвинению в «буржуазном национализме».

¹⁹ Йозеф Диешка (Jozef Dieška, 1913–1985) — профессор философии и социологии, с 1948 г. работал в США.

свадьбы на дочери богатого словацкого фермера в Америке совершенно напрасно отказался от развития научной карьеры. «Лишь ради статуса» он остался преподавателем словацкого языка в Колумбийском университете и членом культурной комиссии соотечественников. «Он получил столько, что сможет скромно жить, и вместе с приобретенной славой ему этого достаточно». На вопрос, как его встретили бывшие коллеги в Чехословакии, Якобсон очень резко выразился в адрес Яна Мукаржовского: «Я думаю, что народ Чехословакии един по поводу того, что Мукаржовский – свинья. Но сейчас он около меня вертелся. Более чем в последний раз, когда относился довольно холодно». Комментируя уровень заседаний конгресса, он, наоборот, весьма позитивно публично отозвался о выступлении словацкого специалиста по Коменскому д-ра Чапловича²⁰. Этот ученый был ему знаком, так как во время войны тоже участвовал в заграничном движении Сопротивления.

Осенью 1957 г. Якобсон был в курсе действий тайной полиции. «Он жаловался, что к нему относятся ужасно: “Следят за мной. Мне это известно, так как у каждого, кто со мной встречался, после того, как мы расстались, проверяли удостоверение личности. Люди мне это рассказали”». В последний день своего пребывания в Праге он готовился «резко протестовать» против такой практики²¹.

В 1958 г. поднялась новая волна травли Якобсона в чехословацкой печати, причем она согласовывалась с общегосударственной кампанией за чистоту идеологии. «*Rudé právo*», печатный орган ЦК КПЧ, в статье «Когда речь идет уже не о научных связях» [14. S. 2] называло его агентом американской разведки, «пожизненным космополитом», который во время войны сотрудничал со службами «буржуазной» чехословацкой эмиграции, а теперь хотел «под прикрытием научных контактов заинтересовать молодых научных сотрудников в прямых контактах с американским посольством». Вспомнили и навешанные ему ярлыки времен межвоенного периода – «антисоветский сплетник и литературный белогвардеец», который якобы развивал идею «фашизации советского режима». Неоднократные протесты Романа Якобсона против этих нападок оставались без ответа [3. S. 234–258].

В академических кругах Словакии в рамках чистки были выгнаны с работы, или «уволены в результате реорганизации» десятки ученых, в том числе д-р Хайекова, которым вменяли в вину классовое происхождение, «идеалистическое» мировоззрение или заграничные контакты. Возобновились также гонения на местных словацких «троцкистов»²² [15. S. 15–16; 16]. Ладислав Новомеский, которому грозило условное заключение, счел необходимым отправить 29 апреля 1958 г. объяснительное письмо министру внутренних дел Рудольфу Бараку, в котором сообщал, что во время встречи с Якобсоном в прошлом году он ограничился обсуждением новинок моравской археологии и словацкой литературы, что Якобсон послал ему необходимый и недоступный в стране антибиотик и «ничего другого не посылал». По его словам, факты, «которые приводит “*Rudé právo*”, к этому делу никак не относились, и он хотел только «развеять возможные слухи и избежать дальнейших недоразумений» [17. S. 33].

О встречах с американским ученым в Чехословакии стало снова лучше помалкивать. Но сам Якобсон продолжал участвовать в конференциях в Москве, Будапеште

²⁰ Ян Чаплович (Ján Čaplovič, 1904–1961) – евангелический священник, историк, библиограф и журналист, во время войны работал на эмигрантское правительство в Париже, а затем в Лондоне.

²¹ Сообщение агента «Блиски» от 24.09. 1957 г. [12. Sg. 305-740-2. S. 212].

²² В августе 1957 г. были арестованы члены «группировки М. Тушера и компании», обвиняемые кроме всего прочего в «распространении троцкистской литературы».

и других научных центрах Восточного блока, где публиковал и свои работы. Советские коллеги, с которыми он встречался, запомнили его саркастические слова о том, что «русские в те времена разговаривали с ним в залах заседаний, венгры — в коридорах, а ученые из Чехословакии — в уборной» [18].

Следующий удобный момент для возобновления контактов с Якобсоном и его реабилитации в чехословацкой научной среде после травли 1958 г. наступил в середине 1960-х годов. В политической жизни началась явная оттепель, к тому же подвернулся и удобный повод — близящийся 70-летний юбилей Якобсона 11 ноября 1966 г. [19. S. 24]. Но директором Института чешской и мировой литературы ЧСАН в Праге все еще оставался профессор Ладислав Штолл, которого лишили правительственных и партийных постов в результате десталинизации. Более того, в новой книге «Об образе и структуре в искусстве слова» [20] он подтвердил негативную оценку Якобсона. Поэтому друзья ученого-лингвиста решили заменить недостижимую политическую реабилитацию «выражением признания» ему как великому ученому. В официальной версии адреса о заслугах Якобсона в науке акцент был сделан на его академической деятельности в период между мировыми войнами без упоминания о старых или новых политических спорах.

Историк литературы Штефан Друг реконструировал попытки научной реабилитации Якобсона на основе сохранившейся переписки Ярослава Сейферта с Ладиславом Новомеским, Якобсоном и другими писателями [17. S. 32–37; 21. S. 118; 22. S. 406–414]. Из корреспонденции следует, что инициатива исходила от самого Якобсона, который ясно дал понять, что не ждет никаких извинений от тех, кто его оговаривал, но был бы рад «достойному выражению признания от передовых научных или литературных кругов», например, в форме дружеского жеста от Союза словацких писателей, от братиславского университета или Академии, которые «помогут ему преодолеть тяжелое чувство отчуждения»²³. В письме к своей бывшей жене Софии Хаасовой, в девичестве Фельдман, жившей в Брно, в сентябре 1966 г. он писал: «Я продолжаю непреклонно настаивать, что пока не последуют со стороны какого-либо из чехословацких университетов или академий достойного признания за все, что я для них сделал, сводящего автоматически на нет все подлые выпады, я не перемену своего решения отказаться от участия в очередном съезде славистов, побудившего меня воздержаться даже от поездки в Оксфорд на заседание Комитета славистов по подготовке этого съезда. Теперь очередь за названными институциями» [23. S. 179].

Новомеский тем временем подтвердил, что в академических кругах была составлена «делегация», которая должна была объяснить в ЦК КПЧ «отношение нашей науки к Якобсону» и требовать для него «справедливой сатисфакции». Он также опасался, что возможный отказ в визе Якобсону или какое-либо другое враждебное проявление могли бы привести к тому, что в знак солидарности и другие западные специалисты могли бы отказаться участвовать в VI Международном съезде славистов в 1968 г.

Предложение задействовать в этом деле центральную писательскую организацию Сейферт отверг как бесполезную, так как «Союз полностью разложился и теперь беспомощен», и предложил «в большей степени опереться в этом деле на словаков, так как лишь они более способны на подобные действия. Они также более сплоченные, а наши всё только спорят и не смогут двинуться

²³ Письмо Якобсона Новомескому от 31 мая 1966 г. [17. S. 33].

вперед»²⁴. Он обрадовался слухам о стремлении университета в Брно наградить Якобсона по случаю его дня рождения званием *doctor honoris causa*.

Но ни одну из этих инициатив, однако, не удалось довести до конца. В связи с приближавшимся юбилеем Якобсона осенью 1966 г. те, кто ему симпатизировал, предварительно стали систематически печатать позитивные заметки о Якобсоне. Когда в интервью Ярослав Сейферт назвал его «гениальным», Новомеский с радостью признал, что цензура это пропустила. Специальную юбилейную статью подготовил профессор Феликс Водичка, вступив в дискуссию с Л. Штоллом [24. S. 5; 25. S. 5; 26. S. 5; 27. S. 5].

Словацкий журнал «Kultúrny život» опубликовал две юбилейные статьи: «За что мы благодарны Якобсону» Эугена Паулины [28. S. 8] и «Якобсон и современная наука» Шимона Ондруша [29. S. 9]. Не отставал и словацкий литературно-критический журнал «Romboid», который напечатал краткую биографию Якобсона литературоведа Норы Краусовой и перевод статьи «Ретроспектива» из тома «Избранных работ». В начале 1967 г. вышел также тематический номер журнала «Slovenská literatúra» [30]. Но из-за цензуры все еще опасались посылать эти журналы Якобсону почтой.

Члены ЦК КПЧ заняли выжидательную позицию до появления сообщений об октябрьской встрече славистов в Оксфорде, которая также проходила в преддверии юбилея Якобсона. Они рассматривали ее как лакмусовую бумажку – «пройдет ли она в атмосфере напряженной или спокойной». Обиду по поводу такого поведения Якобсон публично не высказывал. Статьи с позитивными оценками в периодических изданиях культурной элиты он считал на тот момент достаточным выражением доброй воли и принял приглашение на ближайший съезд славистов, который должен был состояться в Праге.

Итак, официальная символическая реабилитация Якобсона была отложена еще на два года, до лета 1968 г., когда он также совместил свое пребывание на конференции с поездками по стране к старым друзьям. В отличие от 1957 г. теперь его поездка в Чехословакию началась с Братиславы, куда он приехал из Вены, и таким же путем затем возвратился домой. Прежде всего, он участвовал в VI Международном съезде славистов в Праге, который проходил 7–13 августа, где ему в последний день съезда присвоили почетную степень доктора Карлова университета, и 15 августа состоялась торжественная церемония в Брно [31].

Руководство Словацкой академии наук (САН) участвовало в символической реабилитации присуждением ему Золотой медали САН, [2. F. Riadiace orgány. Kr. 2422, i. j. 4986. Vyznamenania, ceny. Medaily SAV – návrh na udelenie v r. 1968]. В удостоверении к награде, одобренной еще в июне 1968 г., Роман Якобсон был characterized как «профессор Гарвардского университета», который «работал в Чехословакии научным сотрудником и университетским преподавателем», а в 1939 г. был вынужден «перед фашистской оккупацией покинуть республику».

Специально отмечалось, что в «исследованиях и педагогической деятельности он особое внимание уделяет словацкому языку и словацкой литературе». Например, в 1931 г. его работа «Фонология письменного словацкого языка» положила «начало структурному и функциональному анализу гласных в составе словацкого языка». В первой редакции предложения Научного совета о его награждении в марте 1968 г., когда еще предполагалось возможное противодействие сверху, указывалось, «что он является в настоящее время первой величиной мировой лингвистики» и что «награждение этого выдающегося представителя мирового

²⁴ Письмо Сейферта Новомескому от 28 июля 1966 г. [17. S. 34].

языкознания медалью САН будет также являться наградой и для словацкой науки» [2. F. Riadiace orgány. Кг. 2422. i.j. 4986].

В Братиславу Якобсон приехал из Брно 19 августа 1968 г. В качестве гостя Института языковедения Людовита Штура он провел дискуссию на тему «Классификация наук и место лингвистики», а его вечерняя программа закончилась традиционными посиделками. На следующий день перед обедом состоялась дискуссия в Институте словацкой литературы САН. Торжественный обед прошел в замке Союза словацких писателей в Будмерицах, в окружении его коллег и друзей, включая П. Г. Богатырёва. Они оба увековечили это событие записью в ежедневнике одиннадцатилетней дочки одного из гостей, будущего профессора русской литературы Маши Кусой [32]. Около восьми вечера он вернулся из Будмериц в Братиславу.

Вполне вероятно, что заметки в мемуарах Ж. Лангеровой, вдовы коммунист-интеллектуала, во время войны находившегося в США и арестованного после войны Оскара Лангера, касаются Якобсона. Она вспоминала, что 20 августа ужинала «в дорогом ресторане в братиславской крепости», где присутствовал неназванный «пожилой американский профессор, который отправлялся читать лекции в Россию», парочка иностранных «журналистов-кремленологов» и ее старые друзья супруги Эуген²⁵ и Фритзи Лёбловы [33. S. 324–325; 34].

Последнее официальное мероприятие во время этой поездки в Чехословакию – торжественный прием в Президиуме САН и вручение медали – планировалось на первую половину дня 21 августа 1968 г. В ночь с 20 на 21 августа в Братиславу вошли советские танки. Так как Якобсон остановился в гостинице «Карлтон» в центре города на берегу Дуная, то утром они были под его окнами. Вручение медали превратилось в неприятное дело для обеих сторон, так как задерживало его отъезд. Все новости о вручении медалей САН перекрыли в печати сообщения о вторжении войск Варшавского договора и последующих политических изменениях. В российских источниках содержится неправильная информация, что Якобсон находился 21 августа в Праге²⁶.

Согласно отчету о визите, который составил профессор Ружичка как официальный представитель принимающей стороны, визит Якобсона закончился общим обедом, после чего около 16:30 он уехал на машине в Вену. Ружичка констатировал, что «пребывание профессора Якобсона и программа тоже были сокращены «в результате оккупации ЧССР иностранными войсками» и одновременно подтвердил, что «гость уехал в полном здравии без какого-либо ущерба» [2. F. RO SAV. Кг. 2698, i.j. Jakobson, správa Jozefa Ružičku z 3. septembra 1968].

В очередной раз круг друзей и знакомых Якобсона сократился и разделился в зависимости от их отношения к новому политическому руководству. Некоторым из них пришлось эмигрировать, другим преждевременно уйти на пенсию либо заниматься неквалифицированным трудом, но были и карьерные взлеты. Самого Лацо Новомеского проходившие внутривластные чистки привели в ЦК КПС и в руководство Матицы словацкой.

В 1969 г. еще появились в печати несколько «свободных» публикаций, например монография Миклаша Бакоша «Авангард 38», в которой давался коллективный портрет поколения, вступившего в активную творческую жизнь

²⁵ Лёбл Эуген (Eugen Löbl, 1907–1987).

²⁶ Например, в 2012 г. эту ошибку повторил Никита Елисеев в эссе «Двое и революция», где написал, что «в августе 1968 года Якобсон снова бежал из Праги на следующий день после того, как в город вошли советские танки» [35].

в 1930-е годы, на которое Якобсон оказал такое большое культурное и научное влияние²⁷. Но уже не было возможности опубликовать сочинения Якобсона, подготовленные для словацкого издания²⁸. Серия воспоминаний и научных рефлексий на работы Якобсона появилась только в 1990-е годы в связи со 100-летним юбилеем в 1996 г., до которого он не дожил [37].

Перевод со словацкого Е. П. Серапионовой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Hayeková M. Slavisti R. Jakobson a H. C. Schoneveld v Bratislave // Slovenská reč. 1957. Č. 4.*
2. Ústredný archív SAV (ÚA SAV).
3. Roman Jakobson. Formalistická škola a dnešní literární věda ruská / Ed. T. Glanc. Brno, 1935. Praha, 2005.
4. *Bakoš M. Avantgarda 38: štúdie, články, dokumenty. Bratislava, 1969.*
5. *Holotiková Z. Laco Novomeský. Bratislava, 1980.*
6. *Gašpar Tido J. Pamäti II. Bratislava, 2004.*
7. *Zguriška Z. Strminou liet. Bratislava, 1972.*
8. *Umenie politiky, politika umenia. Z listov Laca Novomeského I. / Ed. Drug Š. Bratislava, 1988.*
9. *Petráň J. Filosofé dělají revoluci. Praha, 2015; Ďurovič L. Začiatky štrukturalizmu na Slovensku a Bratislavský lingvistický krúžok // Jazykovedný časopis. 2000. Č. 2. // http://www.juls.savba.sk/ediela/jc/2000/2/jc2000_2.pdf*
10. *Petráň J. Filozofové dělají revoluci. Praha, 2015.*
11. *Sgall P. Stalinovy práce o jazykovědě a pražský lingvistický štrukturalismus // Tvorba. 1951. Č. 28.*
12. *Archiv bezpečnostních služeb České republiky (ABS ČR).*
13. *Štanislav I. Západní slavisti medzi nami // Večerník. 1957. 6 II.*
14. *Štěpánek V. Kde už nejde o vědecké styky // Rudé právo. 1958. 26 IV.*
15. *Marušák J. Slovak Policy 1956–60. Praha, 2000. // <http://www.akademickyrepozitar.sk/sk/repozitar/slovenska-politika-1956-1960.pdf>*
16. *Slovenský národný archív (SNA). Fond ÚV KSS: P. David, dr. 2248, passim (разное).*
17. *Drug Š. Prípád Jakobson // Romboid. 1990. Č. 6.*
18. *Иванов В. В. О Романа Якобсоне. (Главы из воспоминаний) // <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/7/ivanov.html>*
19. *Roman Jakobson. Z korespondence / Ed. A. Morávková. Praha, 1997.*
20. *Štoll L. O tvar a strukturu v slovesném umění. Praha, 1966.*
21. *Drug Š. Ešte raz k prípadu Jakobson // Romboid. 1990. Č. 10.*
22. *Drug Š. Dodatok k Jakobsonovmu prípadu // Slovenská literatúra. 1991. Č. 5–6.*
23. *Kuldánová P. Roman Jakobson a Československo // Litteraria humanitas IV. Roman Jakobson. Brno, 1966 // https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/132377/LitterariaHumanitas_004-1996-1_19.pdf?sequence=1*
24. *Vodička F. Ne jen jubilejně. (70 let Romana Jakobsona) // Literární noviny. 1966. Č. 41.*
25. *Štoll L. Političnosť skutočná a domnělá // Literární noviny. 1966. Č. 45.*
26. *Vodička F. Kritéria historického hodnotení // Literární noviny. 1966. Č. 48.*
27. *Štoll L. Objektívni historická kritéria // Literární noviny. 1966. Č. 51.*
28. *Pauliny E. Za čo vďačíme Jakobsonovi // Kultúrny život. 1966. Č. 42.*
29. *Ondruš Š. Jakobson a moderná veda // Kultúrny život. 1966. Č. 42.*
30. *Slovenská literatúra. 1967. Č. 1: Novomeský L. S avantgardou a v avantgarde (poznámky pri sedemdesiatinách R. J.). S. 3–10; Štraus F. Poznámky k metódam výskumu slovenského verša. S. 11–43; Kochol V. Štúrovský desaťslabičník a srbský desaterac. S. 44–54; Šabík V. K sedemdesiatinám profesora Romana Jakobsona. S. 55–66; Jakobson R. Gramatická štruktúra veršov Janka Kráľa. S. 67–78; Čepan O. Slovenská literárne veda v rokoch 1945–1966. S. 79–97; V.Z. (возможно Váľková Z.). K otázkam štrukturalnej poetiky. S. 98–103; Prídavková-Mináriková M. Sovietska diskusia o textológii a vydávaní klasikov. S. 103–109.*
31. <http://www.ceskatelevize.cz/zpravodajstvi-brno/extra/192007-exkluzivni-video-nevitany-vitany-svetovy-lingvista-roman-jakobson-v-brne/>

²⁷ У Бакоша уже был опыт написания «рискованных» книг. В 1942 г., как тогда объяснял Й. Е. Бор, «ввиду политико-государственных причин» его книга «Теория литературы» была изъята из обращения [4. С. 249].

²⁸ Книга вышла лишь в 1991 г. [36]. Эта публикация содержит вводящую статью Микулаша Бакоша и переводы текстов Якобсона, подготовленные к нереализованному изданию, планировавшемуся на 1970 г.

32. Súkromný archív prof. Márie Kusej, Ústav svetovej literatúry SAV. Автографы с датами в дневнике.
33. *Langerová Ž.* Vtedy v Bratislave. Môj život s Oskarom L. Bratislava, 2015.
34. *Langer J.* Convictions: Memories of a Life shared with a Good Communist. London, 1979.
35. <http://seance.ru/blog/esse/two-revolution/>
36. *Jakobson R.* Lingvistická poetika. (Výber z diela). Bratislava, 1991.
37. *Bosák J.* Pri storočnici Romana Jakobsona // Jazykovedný časopis. 1996. Č. 2. S. 81–86; *Sabol J.* Dialóg o hľadani podstaty jazyka // Jazykovedný časopis. 1996. Č. 2. S. 87–92; *Horecký J.* Jakobsonovská terminológia dištinkatívnych príznakov // Jazykovedný časopis. 1996. Č. 2. S. 93–99; *Dolník J.* O jednej jakobsonovskej inšpirácii // Jazykovedný časopis. 1996. Č. 2. S. 100–107; *Krajčovič R.* Roman Jakobson a začiatky fonologického výskumu v slovenskej dialektológii // Jazykovedný časopis. 1996. Č. 2. S. 108–112; *Blanár V.* Roman Jakobson o význame vlastného mena // Jazykovedný časopis. 1996. Č. 2. S. 113–117 // http://www.juls.savba.sk/ediela/jc/1996/2/JC_1996_2_LQ.pdf

© 2017 г. В.С. ЕФИМОВА

ГРЕЧЕСКИЙ СУПЕРЛАТИВ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматриваются разнообразные способы перевода греческих суперлативных форм и форм с суперлативным значением средствами старославянского языка, не имевшего специальных синтетических форм суперлатива.

The article sets out a variety of ways to translate the Greek superlative forms and forms with superlative meaning of words, using language tools of Old Church Slavonic which had no special synthetic superlative forms.

Ключевые слова: старославянский язык, суперлатив.

Keywords: Old Church Slavonic, superlative.

Старославянский перевод греческого суперлатива, встречающегося в греческих оригиналах древнейших переводных славянских текстов, замечательно многообразен. Это многообразие обусловлено целым рядом взаимоперекрещивающихся факторов. Прежде всего, как известно, в старославянском языке не было специальных (синтетических) адъективных и адвербиальных суперлативных форм. Греческий язык такие формы имел, однако в эпоху создания текстов Св. Писания и раннехристианской литературы в нем уже начался процесс смешения компаративных и суперлативных форм, особенно в обыденной речи. Таким образом, в греческих оригиналах старославянских текстов суперлативное значение (как собственно суперлативное, так и элативное) могли иметь не только суперлативные формы прилагательных и наречий, но и компаративные, на что указывают греческие грамматики [1. Р. 127–128]. Кроме того, суперлативное значение могли иметь и позитивные формы прилагательных и наречий, иногда «подкрепленные» наречиями типа *λίαν*. В последнем случае следует отметить достаточную регулярность, с которой суперлативное значение сообщали греческим адъективам определенные префиксы или первые компоненты сложений.

Как решали проблему передачи греческого суперлатива славянскими языковыми средствами славянские книжники? В палеославистической литературе содержится не очень много сведений по этому вопросу. «Классик» палеославистики А. Вайан писал следующее: «“Абсолютная” превосходная степень [...] выражается или наречием со значением “очень, весьма” [...] или посредством увеличительной приставки *πρῶ-* [...]». Греческая превосходная степень, относительная и абсолютная, переводится обычно простым прилагательным (т. е.

Ефимова Валерия Сергеевна – д-р филол. наук, заведующий отделом славянского языкознания Института славяноведения РАН.

прилагательным в положительной степени. – В. Е.) [...]. Приставка - может усиливать сравнительную степень, придавая ей значение превосходной [...] соединяется - только с наречиями. Форма [...] представляет исключение» [2. С. 164]. Такие же указания или даже еще более скупые можно найти в грамматиках [3. С. 202; 4. С. 106–107]. В статье 2000 г. мы показали, что греческий суперлатив, в том числе и суперлатив с элативным значением, мог передаваться в старославянском языке также и формами компаратива [5. С. 42–46]. Очередную «лепту» в исследование суперлатива внесла недавно опубликованной статьей болгарская исследовательница Т. Славова. Она обратила внимание на употребление в Шестодневе Иоанна Экзарха¹ прилагательных с префиксом -, на основании чего пришла к выводу, что в регионе Северо-Восточной Болгарии процесс оформления префикса - в качестве средства для выражения превосходной степени прилагательных начался уже в X в. Судя по приведенным автором примерам из Шестоднева, в большинстве случаев, имеющих греческий оригинал (в четырех из пяти), – это переводы суперлативной формы πλεῖστος [6].

В настоящей работе мы попробуем пролить некоторый свет на проблему перевода греческого суперлатива и, в целях упорядочивания нагромождения разнообразных способов передачи суперлативных значений прилагательными и наречиями в языке-источнике и передачи их в языке-реципиенте (причем в отсутствие в нем специальных суперлативных форм), вопрос старославянского перевода греческого суперлатива разделим на два взаимосвязанных: а) перевод греческих суперлативных форм и б) перевод греческих прилагательных и наречий в формах позитива (т. е. в формах положительной степени) и компаратива, имеющих суперлативные значения.

Греческие оригиналы старославянских текстов весьма различны по наличию в них адъективных и адвербиальных суперлативных форм – как с точки зрения их частотности, так и «репертуара». Известно, что прежде всего, еще до приезда свв. Кирилла и Мефодия в славянские земли, были переведены на старославянский язык греческие тексты Евангелия (видимо, в объеме краткого апракоса) и Псалтыри². На этом раннем этапе становления старославянского языка задача перевода греческих суперлативных форм была не слишком актуальной, так как для языка Евангелия и Псалтыри – несмотря на поэтический жанр последней – употребление данных форм не характерно, и их репертуар ограничен, т. е. встречается всего несколько слов в формах суперлатива и слов, представляющих собой суперлативные формы. Так, в греческом евангельском тексте неоднократно встречается, причем и в адъективном, и в субстантивном употреблении, форма ἐλάχιστος – супплетивная суперлативная форма для прилагательных μικρός ‘маленький; незначительный’ и ὀλίγος ‘небольшой; малочисленный’. В славянском переводе используется прил. как в позитивной форме, так и в форме компаратива . Ср. в стихе Мф 5:19 перевод ἐλάχιστος в адъективном употреблении позитивной формой и в субстантивном употреблении формой компаратива: “Ὅς ἐὰν οὖν λύσῃ μίαν τῶν ἐντολῶν τούτων τῶν ἐλαχίστων, καὶ διδάξῃ οὕτως τοὺς ἀνθρώπους, ἐλάχιστος κληθήσεται ἐν τῇ βασιλείᾳ

¹ Как известно, Шестоднев Иоанна Экзарха сохранился только в более поздних списках, однако среди них есть и древнесербский, и древнерусские, что позволяет достаточно надежно судить о языке старославянского протографа начала X в.

² Традиционно считается, что вместе с Евангелием был переведен и Апостол [7. С. 95–96], однако, возможно, Апостол был переведен все же несколько позже, уже в Моравии [8. С. 180; 9. С. 271–282].

τῶν οὐρανῶν [...]»³ – ꙗже бо разорнтъ едннѣ заповѣдь . ꙗ снхъ малѣихъ . ꙗ наоучнтъ тако ꙗкзи . мьннѣ наречетъ сѧ въ цр҃сн нб҃сцѣмь . Зо҃гр. (Синодальный перевод: «Кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном [...]»⁴.) Довольно часто встречается также в греческом евангельском тексте прил. ἔσχατος ‘крайний; предельный и т. п.’, традиционно считающееся «изолированной» суперлативной формой, хотя по существу являющееся самостоятельным словом, адъективным образованием от наречия-предлога ἐξ [14. Р. 578]. Как и ἐλάχιστος, оно встречается и в адъективном, и в субстантивном употреблении, и также возможен славянский перевод и позитивной формой прилагательного, и формой компаратива. Ср., например, в Мф 12:45 перевод субстантивного употребления τὰ ἔσχατα позитивной формой прилагательного: καὶ γίνεται τὰ ἔσχατα τοῦ ἀνθρώπου ἐκείνου χεῖρονα τῶν πρώτων. – ꙗ бждѣтъ последнѣе ꙗка того . горьша прѣвѣхъ . Зо҃гр («и бывает для человека того последнее хуже первого»). Или, например, перевод ἔσχατος, употребленного в стихе Мк 9:35 в функции собственно суперлатива, формой компаратива мьннн (стандарт сравнения, характеризующийся местоимением πᾶς, в переводе характеризуется местоимением всь): Εἴ τις θέλει πρῶτος εἶναι, ἔσται πάντων ἔσχατος, καὶ πάντων διάκονος. – аште кзто коштетъ старѣ вѣтн . да бждетъ всѣхъ мьннѣ . ꙗ всѣхъ слоуга . Зо҃гр. Несколько раз встречается в евангельском тексте форма πλεῖστος – суперлативная форма прил. πολὺς ‘многочисленный’. В старославянском переводе используется форма компаратива мзножан к прил. мзногъ, при этом сохраняется экспликация дискретности характеризуемого множества, присущая греческому оригиналу. Ср. в Мф 11:20: Τότε ἤρξατο ὀνειδίζειν τὰς πόλεις ἐν αἷς ἐγένοντο αἱ πλεῖσται δυνάμεις αὐτοῦ – тзгда начатъ поноснтн градомъ . въ нхъже вѣша множаша силы [...] Зо҃гр (ср.: «Тогда начал Он укорять города, в которых наиболее явлено было сил Его»); в Мф 21:8: Ὁ δὲ πλεῖστος ὄχλος ἔστρωσαν ἑαυτῶν τὰ ἱμάτια ἐν τῇ ὁδῷ· – мзножѣше же народн . постзлаша рнззи своѧ на пѣтн . Мар (в Зо҃гр утрачено; ср.: «Множество же народа постилали свои одежды по дороге»). Как форма уважительного обращения к заявленному евангелистом Лукой адресату его Евангелия Феофилу (Лк 1:3) употребляется форма κράτιστος (в вокативе κράτιστε). Эта форма представляет собой супплетивную суперлативную форму к прил. ἀγαθός ‘хороший; добрый’, имеющему в своем значении также сему ‘доблести, могущества’ (ср. τὸ κράτος ‘сила; власть’). В старославянском переводе наблюдаем вариативность по спискам прилагательных в форме позитива славънън : дръжавънън, а именно рукописи «старославянского канона»⁵ показывают перевод славънън: καθεξῆς σοι γράψαι, κράτιστε Θεόφιλε – по радюу . псатн тебѣ . славънън т’еофнле . Зо҃гр, Мар, Ас; в Остромировом евангелии находим в этом стихе перевод дръжавънън.

В греческом тексте Псалтыри, как уже было сказано выше, суперлативные формы редки, но очень высока фреквентность формы ὑψιστος – суперлативной формы прил. ὑψηλός. Форма ὑψιστος используется как постоянный эпитет, определяющий Господа Бога, причем и в адъективном употреблении, и субстантивно

³ Греческий текст приводится по изданиям [10; 11; 12; 13].

⁴ Далее русский перевод в скобках и кавычках – Синодальный.

⁵ В последнее время вместо традиционного термина «старославянский канон» предлагается использовать термин «(старославянский) корпус» [15. С. 1–3]. По нашему мнению, любой термин – «классические (старославянские) рукописи», рукописи «старославянского канона», «старославянский корпус» довольно условен, так как в любом случае имеются в виду известные древнеболгарские рукописи X–XI вв.

(Пс 7:16; Пс 9:3; Пс 12:6; Пс 17:4; Пс 20:8; Пс 45:5 и мн. др.). В славянском переводе – прил. *взышьнн*, адъективное образование от наречия в форме компаратива *взыше*. Ср., например, в Пс 46:3 в адъективном употреблении: *ὅτι κύριος ὑψίστος φοβερός* – *Ѡко Ѡз взышьней страшенъ*. Син («ибо Господь Всевышний страшен»); в Пс 49:14 в субстантивном употреблении: *καὶ ἀλόδος τῷ ὑψίστῳ τὰς εὐχὰς σου* – *Ѡ въздаждъ взышьнюмоу обѣты твоѧ*. Син. Дважды встречается в тексте Псалтыри форма *κατώτατος* ‘самый нижний’ (Пс 85:13 и Пс 87:7) – адъективная форма суперлатива к наречию *κάτω*. В обоих случаях в славянском переводе употребляется прил. *прѣнсподьнн* с префиксом *прѣ-*. Ср., например, в Пс 87:7: *ἔθεντό με ἐν λάκκῳ κατώτατῳ* – *положиша мѧ въ ровѣ прѣисподьнимь*. Син. Как будет показано ниже, с помощью этого префикса и в других случаях передавалось суперлативное значение⁶. Форма *ἑγγύστα* – суперлативная форма наречия *ἐγγύς*, субстантивированная посредством добавления артикля, – используется в тексте Псалтыри для собирательной номинации ближних. В славянском переводе – прил. *блнжьнн*, адъективное образование от наречия в форме компаратива *блнже*. Ср., например, в Пс 37:12: *καὶ οἱ ἐγγύστα μου ἀπὸ μακρόθεν ἔστησαν* – *Ѡ блнжьнн мои далече сташѧ*. Син. Встречается в греческом тексте Псалтыри и форма *κράτιστος* (как отмечалось выше, супплетивная суперлативная форма к прил. *ἀγαθός*). В Пс 15:6 она употребляется и субстантивно (в первом случае), и адъективно (во втором случае). Старославянский перевод в обоих случаях – прилагательное в форме позитива *дръжавьнъ(зи)*: *σχοινία ἐπέπεσαν μοι ἐν τοῖς κρατίστοις καὶ γὰρ ἡ κληρονομία μου κρατίστη μοί ἐστιν* – *Ѡжа допадѧ ми въ дръжавьнъихъ*. *Ѡбо достоѣнье ми дръжавьно естъ мзиѣ*. Син («Межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня»).

В греческом тексте Апостола первые славянские переводчики столкнулись уже с более широким репертуаром суперлативных форм⁷. В старославянском переводе наблюдаем прилагательные в позитивной и компаративной формах, а также наречия, являющиеся результатом адвербиализации как компаративных форм прилагательных, так и предложно-падежных форм. Позитивные формы прилагательных используются для перевода суперлативных форм с элативным значением. Ср., например, в 2Пет 1:4 перевод *μέγιστος* (суперлатива к прил. *μέγας*) как *велнкъзи*: *δι’ ὧν τὰ τίμια ἡμῶν καὶ μέγιστα ἐπαγγέλματα δεδώρηται* – *Ѡмъже намъ чьстьнаѧ н велнкаѧ обѣтованнѧ подана бзша Христ, Мат, Шиш (bis)*; в Иуд 1:20 перевод *ἀγιώτατος* как *святъзи*: *ὑμεῖς δέ, ἀγαπητοί, τῇ ἀγιωτάτῃ ὑμῶν πίστει ἐποικοδομοῦντες ἑαυτοῦς [...]* – *взи же , възлюбленнн , въ стоую вѣроу сзздаете сѧ*. Христ, Мат, Шиш («А вы, возлюбленные, назидая себя на святейшей вере вашей [...]). Вместе с тем если не первые переводчики, то редакторы апостольского текста испытывали иногда, видимо, некоторые сомнения по поводу передачи этих форм, на что указывает вариативность по спискам и порча текста. Ср., например, в Деян 26:5: *[...] ὅτι κατὰ τὴν ἀκριβεστάτην αἵρεσιν τῆς ἡμετέρας θρησκείας ἔζησα Φαρισαῖος*. – *ѧко нстѣн ѧресн нашеѧ вѣрн . жнхъ*

⁶ Этимологический словарь старославянского языка называет даже форму *prěispodьn’ь* формой суперлатива («superl.») к прил. *ispodьn’ь* [16. Р. 671], хотя, конечно, с формальной точки зрения форма *prěispodьn’ь* является формой позитива. По нашему мнению, такие образования целесообразно называть «лексическими суперлативами» (см. ниже).

⁷ Как известно, старославянский текст Апостола сохранился, главным образом, в более поздних списках, поэтому примеры перевода приводим по нескольким старшим спискам разных изводов, которые в некоторых случаях демонстрируют стабильность, а в некоторых – вариативность. Фонетические и орфографические разночтения не учитываем.

фарисенскы . Мат – яко по нстннѣ о ереси нашаѣ вѣрзи жнхъ ѿфарисенскы . Христ («[...] что я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению»). Форма κράτιστος используется в качестве уважительного обращения к прокураторам Феликсу и Фестусу. Интересно, что вариативность славнннн : дръжавнннн в передаче этой формы, отмеченная нами в списках Евангелия, наблюдается и в списках Апостола. Ср. в Деян 24:3: πάντη τε καὶ πανταχοῦ ἀποδεχόμεθα, κράτιστε Φῆλιξ, μετὰ πάσης εὐχαριστίας. – всьде же н всюдоу , прннемлемъ , дръжавнннн ѿфнлнксе [...] Христ – ѿзздѣ же н всюдѣ прннемлемъ славны фнлнксе . Мат; в Деян 26:25: Ὁ δέ, Οὐ μαίνομαι, φησὶν, κράτιστε Φῆστε – ѿнз же рече . не зздз сѣ дѣю , дръжавнннн ѿфнсте Христ – онь же рѣ не зль се дѣю славнн фнсте . Мат. Форма ἐλάχιστος, как и в переводе Евангелия, передается в Апостоле позитивной и компаративной формами прилагательного малнн. Ср. в 1Кор 15:9 перевод ἐλάχιστος с собственно суперлативным значением формой компаратива: Ἐγὼ γάρ εἰμι ὁ ἐλάχιστος τῶν ἀποστόλων – ѿзз бо юсмь мьннн аплз Христ, Мат, Шиш – мнен Охр, Струм («Ибо я наименьший из Апостолов»); перевод ἐλάχιστος в 1Кор 6:2 в субстантивном употреблении формой положительной степени: [...] ἀνάξιοί ἐστε κριτηρίων ἐλαχίστων; – недостонн юсте суднщемъ малнннн Христ, Мат – маломъ Шиш («...то неужели вы недостойны судить маловажные дела?»). Суперлативные формы наречий передаются как адвербиализованными компаративными формами прилагательных, так и адвербиализованными предложно-падежными формами. Ср. в Деян 17:15: ἵνα ὡς τάχιστα ἔλθωσιν πρὸς αὐτόν [...] – да вз скорѣ прндета кз нємоу [...] Христ, Мат («чтобы они скорее пришли к нему [...]»); в 2Кор 12:15: Ἐγὼ δὲ ἥδιστα δαπανήσω [...] – азь же въ сласть нжднвоу Шиш, Христ (в Мат, видимо, порча текста: въ сластн; «Я охотно буду издерживать свое [...]»); в 2Кор 12:9: Ἡδιστα οὖν μᾶλλον καυχῆσομαι ἐν ταῖς ἀσθενείαις μου [...] – Сластьнѣю оубо паче похваляю сѣ вз немощн своен [...] Христ, Охр, Мат, Шиш (в Струм, видимо, порча текста: славнѣн; «И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами [...]»).

С увеличением объемов переводов с греческого, вовлечением в их круг не только текстов Св. Писания, но и гомилетической, агиографической и другой необходимой для жизни христианина литературы, расширялся и репертуар подлежащих переводу суперлативных форм. Наличие этих форм в текстах зависело, очевидно, не только от содержания текста и литературного жанра. Сравним, для примера, количество суперлативных форм в языке нескольких гомилий и житий, являющихся оригиналами сохранившихся в Супрасльской рукописи (рукописи «старославянского канона») переводов.

В приписываемой Иоанну Златоусту гомилии «Толкование на Евангелие от Матфея о десяти девицах» содержится лишь дважды употребленная форма μάλιστα (суперлативная форма наречия степени μάλα ‘очень, весьма’) и единожды употребленная форма πραότατος (суперлативная форма прил. πρᾶος ‘нежный; кроткий’); в приписываемом Иоанну Златоусту Слове на Евангелие от Матфея о повелении содержится лишь дважды употребленная форма μάλιστα; в приписываемом Иоанну Златоусту Слове в Великую пятницу суперлативные формы не встречаются вовсе. Форма μάλιστα стабильно переводится наречием в форме компаратива паче, например: ἐνθα μάλιστα φιλοφροσύνης ἡμῶν χρεία – нжде паче чловѣколюбье намъ трѣбѣ . Супр 372,28. Форма πραότατος со значением собственно суперлатива переводится формой компаратива кротчян (от прил. κροτχкз): ὁ γὰρ Μωϋσῆς, φησὶν, ἄνθρωπος πραότατος παρὰ πάντας τοὺς ἀνθρώπους τοὺς ἐπὶ τῆς γῆς – чловѣкз бо мвуснн рече . кротчян паче всѣхз чловѣкз . нже на

первым компонентом композита παν-: φύλακα αἰσθητὸν ἀπέστειλεν λέοντα παμμεγεθέστατον τε [...] – стража видома поустьн льва велнка зѣло . Супр 292,22. Форма ξηρότατος в одном случае из двух употреблений «подкреплена» наречием степени λίαν уже греческом тексте Жития: ἡ δὲ τοῦ κρηνοῦ πέτρα τοσοῦτον ξηρότατη λίαν ὑπάρχει [...] – брѣжынын же камы . толма соухъ зѣло ѣстъ [...] Супр 300,4. Формы компаратива используются для передачи греческих суперлативных форм в тексте Жития всего дважды. Для передачи формы προθυμότατος с элативным значением – компаратив поустыньн к прил. поустыньъ ‘бодрый’: καὶ ἐστὶν λίαν πρεσβύτης καὶ φαιδρὸς τῷ προσώπῳ καὶ τῇ ψυχῇ προθυμότατος [...] – н ѣстъ зѣло старъ . н свѣтълъ лнцемъ н доушеѣ поустыньн . Супр 302,21. Адвербиальная суперлативная форма μάλιστα передается, как обычно и в других переводах, формой компаратива паче: κεχηρημένος μάλιστα τῇ ἀλουσίᾳ [...] – дръжа сѧ паче по немьвеннеѣ . Супр 280,20.

В сопоставимом по объему текста греческом оригинале Жития Конона Исаврийского (текст Жития Конона даже немного больше: в Супрасльской рукописи его перевод занимает 29 листов, тогда как Житие Иоанна Молчаливого 25 листов) суперлативные формы встречаются значительно реже: мы насчитываем всего семь употреблений. Так же, как и в Житии Иоанна Молчаливого, почти все они имеют элативное значение и передаются в старославянском переводе позитивными формами прилагательных: φρικωδέστατος – страшънъ (Супр 26,15), ὑψιστος – възшьннн (Супр 28,5 в субстантивном употреблении: ἐν τοῖς ὑψίστοις – въз възшьнннхъ ‘на Небесах’), πονηρότατος – лжквъ (Супр 40,11), ἀγιώτατος – свѣтънн (Супр 42,26), μέγιστος – велнкынн (Супр 48,16–17), δεινότατος – лютъ (Супр 52,21). Суперлативная форма наречия степени μάλιστα остается без перевода: выражение μάλιστα δύσβατος ‘чрезвычайно труднопроходимый’ переводится свободно двумя прилагательными вѣдънъ и горънъ: τὴν γὰρ τοσαύτην ὁδὸν μάλιστα δύσβατον οὔσαυ πῶς ἔχει εὐτονῆσαι; – како бо нматъ сѣтръпѣтн толнкъ пѣтъ . вѣд’ноу сѣштоу н горъноу . Супр 31,10.

Как видим, и в гомилетической, и в агиографической литературе использование суперлативных форм зависело не только от содержания текста и литературного жанра, но и от индивидуальных особенностей языка византийских писателей. Старославянский же перевод суперлативных форм, при возможной вариативности, демонстрирует все же известную стабильность, т. е. определенные формы определенных слов как бы «прикреплены» к определенным греческим суперлативным формам: ὑψιστος – възшьннн, φρικωδέστατος – страшънъ(ынн), μάλιστα – паче и т. п.

Как уже говорилось в начале статьи, в греческих текстах Св. Писания и других текстах эпохи раннехристианской литературы суперлативное значение (как собственно суперлативное, так и элативное) могли иметь не только суперлативные формы прилагательных и наречий, но и компаративные. Некоторое количество таких форм встречается в тексте Евангелия и Псалтыри. Например, в стихе Лк 15:25 находим форму πρεσβύτερος (компаратив к прил. πρέσβυς) с суперлативным элативным значением ‘старший’. Старославянский перевод – формой компаратива старѣн: Ἦν δὲ ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ πρεσβύτερος ἐν ἀγρῷ· – вѣ же снѣз его старѣ на селѣ . Зогр. Широко распространено субстантивное употребление формы πρεσβύτερος со значениями ‘старец’, ‘старейшина’. Обычный перевод в таких случаях – сущ. старьць. Ср. в Пс 104:22: καὶ τοὺς πρεσβυτέρους αὐτοῦ σοφίσαι – III старьця его оумодритъ . Син («и старейшин его учил мудрости»). Отметим, что передача греч. πρεσβύτερος существительным старьць – наряду с грецизмом презвнтеръ – сохраняется и в более поздних переводах. В стихе Мф

23:23 субстантивно употребленной формой βαρύτερος (компаратив к прил. βαρύς – чаще ‘тяжелый’, но также и ‘серьезный, важный’) с суперлативным элативным значением номинировано «самое важное» в Законе: καὶ ἀφήκατε τὰ βαρύτερα τοῦ νόμου, τὴν κρίσιν καὶ τὸν ἔλεον καὶ τὴν πίστιν («...и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру...»). В старославянском переводе используется субстантивно употребленная форма компаратива тажнн: ѿ оставнсте тажьшаа закона сѣдз н мность н вѣрѣ Мар (в Зоґр текст пропущен). Субстантивно употребляется в Псалтыри с суперлативным элативным значением форма στερεώτερος (компаратив к прил. στερεός ‘твердый; крепкий’), которая переводится также формой компаратива крѣплнн: κύριε τίς ὁμοίός σοι ῥυόμενος πτωχὸν ἐκ χειρὸς στερεωτέρου αὐτοῦ – г҃н г҃н кто подобенъ тебѣ . Избавляѣхъ ннѣа нзъ рѣкы крѣплннхъ его Пс 34:10 Пог (в Син порча текста: ѿз-д-рѣкы прѣпши . . хъ). В притче о горчичном зерне формы компаратива μικρότερος и μείζων имеют значения собственно суперлатива (о чем свидетельствует наличие характеризующего стандарт сравнения местоимения πᾶς). В старославянском переводе и они передается формами компаратива. Ср. в Евангелии от Марка (Мк 4:31–32): Ὡς κόκκον σινάλεως [...] μικρότερος πάντων τῶν σπερμάτων ἐστὶν τῶν ἐπὶ τῆς γῆς· καὶ ὅταν σπαρῆ, ἀναβαίνει, καὶ γίνεται πάντων τῶν λαχάνων μείζων – ѣко гороушьнѣ зрѣнѣ . [...] мьне всѣхъ естѣ сѣменъ . земьнѣихъ . ѿ егда всѣно бѣдетѣ въздрстетѣ . ѿ бѣдетѣ боле всѣхъ земли . Зоґр.

Случаи передачи старославянскими формами компаратива греческих форм компаратива с суперлативным значением (как с собственно суперлативным, так и с элативным) встречаются также и в более поздних переводах. Элативное значение форм выявляется, как правило, из контекста. Приведем некоторые примеры. В Слове о предательстве Иуды Иоанн Златоуст толкует известный евангельский сюжет о помазавшей Христа женщине, называя ее βελτίων καὶ σωφρονεστέρα ‘добрейшая и мудрейшая’, т. е. характеризуя ее формами компаратива в функции суперлатива (βελτίων – супплетивная форма компаратива к прил. ἀγαθός ‘добрый’). В старославянском переводе также используются формы компаратива: προσῆλθε πόρνη, ἀλάβαστρον μύρου ἔχουσα, καὶ κατέχεε τὸ ἔλαιον ἐκεῖνο ἐπὶ τὴν κεφαλὴν τοῦ Κυρίου [...] ἐγένετο βελτίων καὶ σωφρονεστέρα. – Шрнде бл҃дннца стьклѣннцѣ мура дрѣжаштн . възлннѣа масло то дрѣвѣноѣ на главѣ господьнѣ [...] вѣстѣ добрѣншн н мѣдрѣншн . Супр 408,15–16. В Житии Конона Исаврийского суперлативное элативное значение греческой формы компаратива ἐνδοξότερος также выявляется из контекста. В старославянском переводе – форма компаратива славынѣн: Οὕτως αὐτοῦ τὴν πολιτείαν ὁ θεὸς ἐτίμησεν, ὡς καὶ μετὰ θάνατον [...] ἐνδοξότερου ἐποίησεν. – Тако юмоу жнтнѣ богъ почыте . ѡкоже н по сѣмрѣтн юго славынѣнша сѣтворн . Супр 43,10. Формы компаратива с суперлативным элативным значением могли переводиться и формой позитива. Так, например, формой позитива нарочнтѣн переводится в Житии Павла и Юлиании греч. ἐπίσημότερος (форма компаратива к прил. ἐπίσημος ‘выдающийся, знаменитый’): Ὁμοίως δὲ καὶ Διόνυσος ὁ ἐπίσημότερος ὑμῶν θεός – такоже же н днонусь . нарочнтѣн вашъ богъ . Супр 8,7–8. Встречаются в греческих оригиналах старославянских переводов формы компаратива с суперлативным элативным значением также и в субстантивном употреблении. В старославянских переводах такие субстантивно употребленные формы компаратива могли передаваться субстантивно употребленными прилагательными и существительными. Так, например, в греческом тексте Жития Конона Исаврийского разбойники номинируются субстантивно употребленными формами компаратива θρασύτερος и

μαχιώτερος, которые в старославянском переводе передаются субстантивно употребленным прилагательным дръзъ и существительным которнчъ: ἐφοβεῖτο γὰρ τοὺς τόπους ἐκείνους μαθὼν, ὅτι θρασύτεροι καὶ μαχιώτεροι τυγχάνουσιν ἐν αὐτοῖς. – боюше бо са тѣхъ мѣстъ слышавъ яко дръзъ и котоρνчъ сѣтъ въ нхъ . Супр 46,16.

Старославянскими формами компаратива передавались и греческие формы компаратива со значением собственно суперлатива («относительной» превосходной степени). Как и в случаях передачи греческих суперлативных форм со значением собственно суперлатива, стандарт сравнения характеризовался в греческом местоимением πᾶς ‘весь, целый’ и ‘всякий, каждый’ (Gen. или Acc.), иногда местоимением ὅλος ‘целый, весь’, в старославянском – местоимениями вьсь и вьсѣкъ. Например, в Слове на Евангелие от Матфея о повелении: Τίτι γὰρ ἐθάρρουν; Τῇ δεινότητι τῶν λόγων; Ἀλλὰ πάντων ἦσαν ἀμαθέστεροι. – чм бо пзвѣѣште . хзиторстнѣ ли словеснѣ . нъ вьсѣкъ бѣахъ грѣбьшъ . Супр 442,10; в Слове об апостоле Фоме и против ариан: πλατύτερος ἐφάνη της κτίσεως ὅλης – шнрнъ явн са вьсеа тварн . Супр 508,27.

Суперлативное элативное значение могли иметь также греческие адъективы и адвербы в формах позитива, но имеющие в структуре своих значений сему высокой степени проявления признака. Такие слова целесообразно, по нашему мнению, называть «лексическими суперлативами» (ср. в [17. С. 137–138]). Довольно регулярно в роли лексических суперлативов выступали адъективы с определенными префиксами и первыми компонентами сложений.

Среди лексических суперлативов в греческих оригиналах старославянских переводов наиболее распространены адъективы-компози́ты и адвербы-компози́ты с первым компонентом παν-. Старославянский перевод, как правило, – прилагательными и наречиями с префиксом прѣ-. Например, πανάγαθος – прѣблагъин (ср.: αὐτός, Δέσποτα πανάγαθε, τὰ σπέρματα ταῦτα [...] εὐλόγησον [...] – тзи . вѣко прѣблагъи . сѣмена си [...] бѣговн . Евх 13а 16; παντιμος – прѣчьстьнъин (ср.: Ὅτι ηὐλόγηται καὶ δεδόξασται τὸ παντιμου καὶ μεγαλοπρεπὲς ὄνομά σου – ѿко бѣгвн са ѿ прославн прѣчестное и вельѣпое ѿма твое . Евх 23а 2). Наличие в текстах лексических суперлативов с первым компонентом παν- в немалой степени зависело, видимо, от индивидуальных особенностей языка византийских писателей. Так, в Слове Епифания Кипрского на погребение Христова встречается сразу несколько таких лексических суперлативов: πανέσπερος – прѣмрачьнъ (καὶ σκότος панέσπερου Ἰουδαίους πεποίηκεν. – и тзмѣ прѣмрачьнѣ нудеωμъ сзтворн . Супр 448,27), πανάγιος – прѣсватъин (ἐκέλευσεν ὁ Πιλάτος δοθῆναι αὐτῷ τὸ панάγιου σῶμα τοῦ Ἰησοῦ – повелѣ пнлатъ вздатн ѿмоу прѣсватою тѣло ѿсоусово . Супр 455,28), πανώδυνος – прѣскрзбьнъин, πανέσπερος – прѣтьмьнъин (λύτρωσιν ἐξαιτοῦντες τῆς панωδύνου ἐκείνης καὶ κατηφοῦς ἐχθροκράτου ζοφεράς καὶ панеспέρου παννυξίας. – нзбавьеннѣ просаште . прѣскрзбьнааго того оумнленааго обладаннѣ вражнѣ . и мрьченнѣ прѣтьмнааго мрака . Супр 461,17 и 19), наречие πανσόφως – прѣмѣдро (καὶ εἰσελθὼν панσόφως πάντως ἐχρήσατο – и вшъдъ прѣмѣдро отънѣдъ наѣатъ . Супр 454,4).

Первый компонент παν- может «усиливать» форму суперлатива. Например, в Житии Якова Черноризца «враг рода человеческого» характеризуется эпитетом παγκάκιστος. В композите παγκάκιστος второй компонент κάκιστος представляет собой форму суперлатива к прил. κακός ‘дурной; злой’, которая сама по себе уже имеет суперлативное значение, однако выражение этого значения подкреплено еще и первым компонентом композита παν-. В старославянском переводе –

прилагательное в позитивной форме с префиксом прѣ-: Ὁ γὰρ παγκάκιστος καὶ δυσσεβῆς ἐχθρὸς τῶν τοῦ θεοῦ δούλων [...] τὸν τῆς πορνείας αὐτῷ ἐπαφίησι δαίμονα. – Прѣлѣкавзин бо н нечнстзин врагъ бѣнемъ рабомъ [...] бѣднзинмъ немоу нападе вѣсомъ . Супр 521,3.

Реже в греческих оригиналах старославянских переводов встречаются лексические суперлативы с первым компонентом πολυ-. Старославянский перевод, как правило, – прилагательными с первым компонентом мзного-, имеющим значение высокой степени признака, соотносительное с одним из значений наречия мзного⁸. Например: πολυσέβαστος – мзногоуѣстьнз(зин) (ср.: τὸ πολυσέβαστόν σου ἐκπληττόμεθα ὄνομα. – многочестноумоу нменн твоемоу днвнмъ сѧ . Евх 1a 4–5), πολυδύναμος – мзногоснльнз(зин) (ср.: Καὶ ἔστη σταυρὸς πολυδύναμος δύναμις [...] – і ста крѣстъ многоснльнаѧ снла [...] – Супр 428,5), πολυέλεος – мзногомнлостнвз(зин) (ср.: Ὁ πανοκτίρων Θεὸς καὶ πολυέλεος [...] – Прѣщедрзи бже і многомнлостнвз [...] Евх 92b 2–3). Вместе с тем имеется перевод πολυέλεος и как прѣмнлостнвз (т. е. с префиксом прѣ-), и он даже более ранний – в тексте Псалтыри: ὅτι σύ κύριε χρηστὸς καὶ ἐπιεικὴς καὶ πολυέλεος πᾶσι τοῖς ἐπικαλουμένοις σε – ѣко тзи їи благъ і кротокъ . II прѣмилостивъ вѣсѣмъ призиваѣштнмъ тѧ . Пс 85:5 Син. В более же поздних переводах закрепившееся в узусе прил. прѣмнлостнвз(зин) используется также и для перевода греческого лексического суперлатива с первым компонентом παν-. Ср. в Житии папы Григория превод πανελεήμων: τοσοῦτον πλῆθος οἰκτιρῶν ἐνεδείξατο ἐν ἐμοὶ ὁ пανελεήμων κύριος [...] – толнко множество штедротъ показа о мнѣ прѣмнлостнвзин їи . Супр 123,8.

Слова с префиксом прѣ- переводят и греческие лексические суперлативы с префиксом ὑπερ-. Например, прил. ὑπέρογκος – прѣгрзѧз (ср.: Ὑπέρογκα γὰρ ματαιότητος φθεγγόμενοι, δελεάζουσιν ἐν ἐπιθυμίαις σαρκός [...] – Прѣгрзѧда бо соуетьствью глѣюще льстѧть сѧ вѣ сквѣрнзи пѧзтьскзѧ похотн... 2Пет 2:18), прил. ὑπερβάλλον – прѣвелнкъ (ср.: μεθ' ὑπερβαλλούσης εὐφροσύνης αὐτῷ προσδραμοῦσαι [...] – сѣ прѣвелнкомъ веселннмъ к немоу прнтекшн... Супр 446,8); наречие ὑπερβαλλόντως – прѣволю: Ὑπὲρ ἐγώ. Ἐν κόποις περισσοτέρως, ἐν πληγαῖς ὑπερβαλλόντως – паѣ азъ . ѣз трѣудѣхъ лнше ; вѣ ранахъ прѣволю [...] 2Кор 11:23 Христ, Охр, Шиш («Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах...»); наречие ὑπερηφάνως – прѣзорьно: Μὴ ἀφρόνως καὶ ὑπερηφάνως φθέγγου – Не жродьно н прѣзорьно отзвѣштаван Супр 1,13. Наречие ὑπεράνω, как и его постоянный перевод прѣвзише, чаще используется в функции предлога, например: ὅτι ἐπλήρθη ἡ μεγαλοπρέπειά σου ὑπεράνω τῶν οὐρανῶν – ѣко вѣзѧтъ сѧ вѣлѣпота твоѣ прѣвзише нѣз . Пс 8:1 Син.

Можно предполагать, что на начальном этапе становления старославянского языка использование префикса прѣ- не было напрямую связано с калькированием греческих лексических суперлативов с первым компонентом παν- или префиксом ὑπεр-, но префикс прѣ- употреблялся также и для выражения латентной, «контекстуальной», суперлативности, формально не эксплицированной в греческом оригинале. Так, прил. прѣчнстз(зин) переводит целый ряд греческих простых прилагательных (не композитов) в форме позитива. Из наиболее ранних переводов – перевод ἀγνός в тексте Псалтыри: ὁ φόβος κυρίου ἀγνός διαμένων εἰς αἰῶνα αἰῶνος – Страхъ їнз прѣчнстъ прѣвзѧетъ вѣ вѣкоу . Пс 18,10 Син. В тексте Апостола – перевод ἄσπιλος: ἀλλὰ τιμίῳ αἵματι ὡς ἀμνοῦ ἀμώμου καὶ ἀσπίλου

⁸ Напомним, что наречие мзного, употребляющееся в старославянских текстах главным образом как количественно-определяющее, иногда имело значение степени 'очень' [18. С. 117–119].

χριστοῦ – нз драгоа крзвна јако агнзца непорочна . н прѣчнста ѿа . 1Пет 1:19. И в более поздних переводах прил. прѣчнстѣ также используется для передачи простых прилагательных в форме позитива. Ср., например, перевод καθαρός в Житии Павла и Юлиании: Γεννᾶται οὖν [...] διὰ τῆς ἀχράντου καὶ καθαῶς παρθένου [...] – н раждаєтѣ са [...] отѣ непорочьнзѣа н прѣчнстѣа дѣвѣ . Супр 10,29. Так же и прил. прѣподобьнз(зи) в тексте Псалтыри переводит простое прилагательное (не композит) в форме позитива ὁσιος. В тексте Синайской псалтыри (включая новооткрытую часть) насчитывается 28 соответствий ὁσιος – прѣподобьнз(зи). Ср., например, в субстантивном употреблении: οὐδὲ δώσεις τὸν ὁσιόν σου ἰδεῖν διαφθοράν – ни даси прѣподобьноумоу своему видѣти истѣлѣньнѣ . Пс 15:10 Син. В Житии же Якова Черноризца уже «укоренившееся» в узусе прил. прѣподобьнз используется для перевода формы суперлатива ὀσιώτατος: μεταστειλᾶμενος ὁ τοῦ θεοῦ δοῦλος Ἰάκωβος τὸν ὀσιώτατον ἐπίσκοπον [...] – прнззвавѣ ѿжнн рабѣ наквѣз прѣподобьнааго еѿпа [...] Супр 531,26. Таким способом первые славянские переводчики с помощью префикса прѣ- создали ряд эпитетов с элативным значением, и это дало в свое время А. Вайану повод отметить, что «некоторые прилагательные в соединении с этой увеличительной приставкой имеют специальное религиозное употребление» [2. С. 164].

Несколько позднее книжниками Преславской и Охридской школ для образования лексических суперлативов начинает использоваться модель сложения с первым компонентом трѣ-, калькирующим первый компонент трис- греческих композитов. Ср. τρισμέγιστος – трѣвелнчѣствьнзѣн: Φοβήθητι τὴν μεγαλειότητα τῶν θεῶν [...] τὸν τρисμέγιστον Ἄρεα, τὸν Ποσειδόνα. – оубон са велнчѣства богѣ [...] трѣвелнчѣствзнааго . араа . пнсндона . Супр 115,8–9; τρισμακάριος – трѣблаженз: Τῷ οὖν καιρῷ τῆς ἐκδημίας τοῦ τρισμακαρίου Ἰσαακίου... – вѣ врѣма же нзнощеннѣ трѣблаженааго нсакнѣ [...] Супр 208,29. Как известно, большая часть произведений книжников Преславской и Охридской школ сохранилась лишь в более поздних рукописях (но восходящих к старославянским протографам). В пределах круга рукописей «старославянского канона» пример употребления лексического суперлатива трѣблажензѣн в Супр 208,29 – единственный, однако, судя по более поздним спискам, эпитет трѣблажензѣн употреблялся и Иоанном Экзархом (Шест 35а 18; Шест-Бар 37б 9), и многократно в разных произведениях Климентом Охридским. Композит же трѣсвѣтълѣз, калька с τριλαμπής [19], стал для Климента Охридского одним из самых любимых его эпитетов, приметой языка его произведений. Характерный пример такого употребления – в Трипеснице на предпразднество Рождества Христова, в 5-й песне: Трѣсвѣтлою зарею просвѣщає мнра . нешвѣемлѣ сы вѣко небесы . (по списку Хлуд № 166 ГИМ XIV в.).

Особых комментариев требует использование в качестве специального (формального) средства выражения суперлативности в старославянском языке префикса нан-. Как отмечал еще А. Вайан, префикс нан-, будучи присоединенным к формам компаратива, может «усиливать сравнительную степень» (см. в начале статьи). В пределах рукописей «старославянского канона» слов с этим префиксом встречается всего четыре: три наречия – нанваще, нанпаче, нанскорѣе и прилагательное нантрѣвѣлнн. Прил. нантрѣвѣлнн содержится в переводе Слова патриарха Фотия на Вербное воскресение, причем в греческом тексте суперлативность здесь никак не выражена и, видимо, не подразумевается: καὶ τὰς αἰσθήσεις, ὧν ἡ χρῆσις ὁδὸς ἐπὶ μάθησιν [...] – н човѣзства . ѿже сѣтѣ нантрѣвѣшн пѣтн оученнѣ [...] Супр 339,30. А. Вайан считал употребление этого прилагательного с префиксом нан- исключением, но, возможно, что такие формы уже в X в. были

распространены в народной речи северо-восточного региона Болгарии (во всяком случае, так считает Т. Славова [6. С. 63]). Наречие *нанкорѣе* также в пределах рукописей «старославянского канона» встречается лишь однажды – в переводе Слова Иоанна Златоуста о предательстве Иуды в Клоцовом сборнике: *τούτοις μάλιστα ἐπιπηδᾷ καὶ ἐπιβαίνει συνεχῶς ὁ διάβολος* – *вз тзи наискорѣе възходитъ дѣволъ*. Клоц 8а 37. Как видим, наречие *нанкорѣе* используется для перевода словосочетания *μάλιστα [...]* *συνεχῶς*, где *μάλιστα* – суперлативная форма наречия степени *μάλα* ‘очень, весьма’. Слово о предательстве Иуды сохранилось и в Супрасльской рукописи, где находим перевод этого места ближе к греческому оригиналу, т. е. перевод пословный, а форма *μάλιστα* передается, как в большинстве случаев в старославянских текстах (см. выше), наречием *паче*: *вз тзи паче възскачетъ н възлазнтъ ѣсто дѣволъ*. Супр 421,6. Всего дважды в пределах рукописей «старославянского канона» встречается наречие *нанваще*, оба раза в Супрасльской рукописи: один раз как количественно-определяющее при переводе снабженной артиклем формы компаратива *πλείους* (pl.) со значением ‘большинство’ (ср.: *ἐξ ὧν οἱ πλείους τῶν περὶ Ἑλλάσποντον καὶ τὴν Ἀσίαν πόλεων ἦσαν*. – *отъ ннхъ же нанваште отъ елнспонтъскзынхъ . н отъ асннскзынхъ градовъ вѣахъ*. Супр 201,20), и один раз как наречие образа действия со значением ‘главным образом’ при переводе формы суперлатива *πλεῖστα* (ср.: *πλεῖστά τε πρὸ ὕπνου καὶ ἠϋχετο [...]* – *нанваште же прѣдъ сзынмъ молнтвзи творѣше*. Супр 274,26). И только наречие *нанпаче* относительно частотно в старославянских текстах – при том, что, как было показано выше, суперлативное значение обычно выражалось формой компаратива *паче* (т. е. без префикса *нан-*).

И, наконец, значение суперлатива и в греческих, и в старославянских текстах могло выражаться описательно, словосочетаниями прилагательных в форме позитива с наречиями, обозначающими высокую степень проявления признака. Такой «описательный» суперлатив употребляется в текстах, начиная с раннего этапа становления старославянского языка. Ср. в евангельском тексте: *ὑπήντησαν αὐτῷ δύο δαιμονιζόμενοι ἐκ τῶν μνημείων ἐξερχόμενοι, χαλεποὶ λίαν* – *сзрѣтосте н дзва вѣсзна . отъ гребнштъ ихъ . исходашта люта зѣло*. Мт 8:28 Зогр. Отметим, что иногда суперлативное значение формально может быть выражено только в старославянском переводе, в то время как в греческом оригинале суперлативность присутствует латентно, «контекстуально». Например: *καὶ ἦν ἡ πτώσις αὐτῆς μεγάλη*. – *и вѣ раздроушенне еѣ велне зѣло*. Мт 7:27 Зогр. Кроме того, как уже отмечалось, в старославянском переводе словосочетанием прилагательного в форме позитива с наречием степени могли передаваться также и греческие суперлативные формы (ср., например, перевод *ὑψηλότατος* – *высокъ зѣло* в Супр 300,1, приведенный выше).

Таким образом, мы видим, что первые славянские переводчики использовали для передачи греческого суперлатива самые разнообразные языковые средства. Особые трудности возникали, очевидно, при передаче форм суперлатива с элативным значением («абсолютного» суперлатива): если при переводе собственно суперлатива старославянскими формами компаратива значение суперлатива выявлялось благодаря характеризующим стандарт сравнения местоимениям *всь* и *вськъ*, то при переводе форм суперлатива с элативным значением позитивными формами старославянских прилагательных значение суперлативности, не будучи «подкрепленным» словообразовательными средствами или наречиями степени, чаще всего терялось. Действительно, *велнкъ(ын)* использовалось как для перевода *μέγας*, так и *μέγιστος*, *славънъ(ын)* – как *ἐνδοξος*, так и *ἐνδοξότατος*,

страшънъ(зън) – как φοβερός, так и φοβερώτατος и т. д. Возможно, поэтому славянские переводчики пытались использовать для передачи суперлатива с элативным значением старославянские формы компаратива или дериваты от этих форм. Более «благополучно» переводились греческие лексические суперлативы.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

Ас – Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Герм – Германов сборник, среднеболгарская рукопись 1358/1359 г.
Евх – Синайский евхологий, древнеболгарская X–XI вв.
Зогр – Зографское евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.
Клоц – Клоцов сборник, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Мар – Мариинское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Мат – Матичин апостол, древнесербская рукопись XIII в. Мат –
Охр – Охридский апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.
Пог – Погодинская псалтырь, среднеболгарская рукопись XII в.
Син – Синайская псалтырь, старославянская рукопись X–XI вв.
Струм – Струмицкий апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.
Супр – Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Христ – Христинопольский апостол, древнерусская рукопись XII в.
Шест – Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, древнесербская рукопись 1263 г.
Шест-Бар – Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, русская рукопись XV в.
Шиш – Шишатовачкий апостол, древнесербская рукопись 1324 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Blass F., Debrunner A. A Greek grammar of the New Testament and other early Christian literature. Cambridge, 1961.
2. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
3. Граматика на старобългарския език: Фонетика. Морфология. Синтаксис. София, 1991.
4. Харалампиев И. Историческа граматика на българския език. В.Търново, 2001.
5. Ефимова В.С. О выражении значения суперлатива формами компаратива в старославянском языке // Folia slavistica: Рале Михайловне Цейтлин. М., 2000.
6. Славова Т. Суперлативи с форманта нан- в Шестоднева на Йоан Екзарх // Studia Philologica Universitatis Velikotarnovensis. 2016. Vol. 35.
7. Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1985. Т. I.
8. Вечерка Р. Письменность Великой Моравии // Великая Моравия: Ее историческое и культурное значение. М., 1985.
9. Ефимова В.С. К характеристике книжной лексики в первом литературном языке славян (роль перевода Апостола) // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М., 2002.
10. Robinson M.A., Pierpont W.G. The New Testament in the original Greek: Byzantine Textform. Southborough (Mass.), 2005.
11. Septuaginta / Ed. by A. Rahlfs. London, 1952. Ed. 5. Vol. I–II.
12. Frček J. Euchologium Sinaiticum / Patrologia orientalis. 1933. Т. XXIV; 1939. Т. XXV.
13. Заимов Й., Каналдо М. Супрасълски или Ретков сборник. София, 1982. Т. 1; 1983. Т. 2.
14. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. Bd. I.
15. Кривко Р.Н. Очерки языка древних церковнославянских рукописей. М., 2015.
16. Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Praha, 2002. Seš. 11.
17. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб., 1996.
18. Ефимова В.С. О значении наречий вельмн, мзного и ѕъло в языке старославянских рукописей // Этимология 1986–1987. М., 1989.
19. Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1990. Seš. 43.

© 2017 г. П.В. ПЕТРУХИН

К ПРОЧТЕНИЮ НОВГОРОДСКОЙ
БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЫ № 490

В статье предлагается новая интерпретация новгородской берестяной грамоты № 490.

The article offers a new interpretation of the Novgorod birchbark letter no. 490.

Ключевые слова: берестяные грамоты, древнерусская денежная система, древненовгородский диалект.

Keywords: birchbark letters, Old Russian monetary system, Old Novgorod dialect.

Берестяная грамота № 490 была найдена в Новгороде в 1971 г. и впервые издана А.В. Арциховским и В.Л. Яниным в VII томе Новгородских грамот на бересте [1. С. 84–85]. Стратиграфически она датируется серединой XIV в., внестратиграфические данные указывают на 20–50-е годы XIV в. [2. С. 547]. Начало грамоты утрачено, ниже текст приводится по изданию А.А. Зализняка [2. С. 547]:

... продажи три дни
[в г]ороди а ко [би] ходило оу дворе и ко складникоу
товоемоу а ты ко мни нь авишиса коуни шити ношю

Основная часть сохранившегося текста вполне ясна: «(я) к тебе ходил во двор и к компаньону твоему, а ты ко мне не приходишь». А.А. Зализняк высказал убедительное предположение, что во фрагменте *коби* пропущена буква *т* (возможно, она была над строкой), т.е. имеется в виду *к тоби* [3. С. 211] (предложенное Арциховским и Яниным чтение *акоби* как «ако би» [1. С. 84] не выдерживает критики). Слово *складникъ* надежно интерпретируется как «компаньон», его вариант *сукладникъ* встретился в грамотах № 354, 133.

В предшествующем тексте (включая его утраченную часть), по-видимому, сообщалось о том, что после (или с целью) продажи некоего товара автор письма пробыл в Новгороде три дня [2. С. 547].

Вопросы вызывает конец грамоты. А.В. Арциховский и В.Л. Янин называли его загадочным, «хотя все слова понятны», и предложили перевод: «а ты ко мне не придешь (ли) деньги (или куньи меха) шить ночью» [1. С. 84].

Петрухин Павел Владимирович – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

При ближайшем рассмотрении, впрочем, оказывается, что и отдельные слова здесь не вполне понятны. Так, под «кунами» могут подразумеваться либо меха, либо деньги. Неясна и форма *ношю*. Издатели пишут: «Логично было бы понимать здесь под “кунами” меха, которые действительно шили, изготавливая из них шубы, шапки, сапоги и просто приводя их в порядок. Однако непонятно, зачем это нужно было делать ночью. Может быть, “ношю” – не ночью, а “ношу”? Тогда можно догадываться, что требовалось шить меха для транспортировки куда-то в ношу, тюк или сорочек» [1. С. 84]. А.А. Зализняк поддержал последнее предположение: «Слово *ношю* в конце грамоты не может значить “ночью”; это явно в. ед. “ношу”» [3. С. 211].

Предположение издателей о том, что под «кунами» в грамоте могли подразумеваться деньги, основано на свидетельстве арабского путешественника ал-Гарнати, в середине XII в. посетившего Русь и оставившего, среди прочего, следующее описание:

«Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти, и которые нельзя ни на что никогда использовать, и которые совсем ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки и шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету [славян] серебряный дирхем, связывают [шкурки] в связку и называют ее джукн¹ [...] Когда они [шкурки] испортятся в их домах, то их [иногда даже] рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают» [4. С. 35–36].

Отсюда Арциховский и Янин предположили, что выражение «шить куны» из грамоты № 490 отражает практику сшивания беличьих (или иных) шкурок в связки, используемые в качестве денег.

В недавно вышедшем XII томе Новгородских грамот на бересте А.А. Гиппиус предложил интерпретировать *ношю* как глагол *носити* в форме 1-го л. ед.ч. презенса: «Такая трактовка дает хороший смысл, позволяя понять фразу как включающую два предложения: *а ты ко мни нь явишися, коуни шити ношю* ‘А ты ко мне все не приходишь, я ношу шкурки сшивать’ (подразумевается: “вместо того чтобы делать это дома вместе с тобой”)). Данная трактовка также отсылает к ал-Гарнати: автор грамоты «носит шкурки (на рынок), где их сшивают специальные ремесленники» [5. С. 244]. По словам Гиппиуса, «[Э]та интерпретация [...] обладает рядом преимуществ. Она: 1) избавляет от необходимости предполагать специальное терминологическое значение слова *ноша*; 2) ликвидирует шероховатость в виде неожиданной в данном контексте формы единственного числа существительного; 3) устраняет обстоятельство цели при *не явишися*, делая симметричным противопоставление: “я приходил к тебе во двор” – “ты ко мне не приходишь”» [5. С. 244].

Серьезное преимущество данной трактовки, на мой взгляд, состоит также в том, что она значительно упрощает синтаксическую структуру рассматриваемого фрагмента, освобождая от необходимости видеть здесь необычную «конструкцию с приложением (вместо конструкции с более эксплицитно

¹ По-видимому, «куна», ср. [4. С. 74].

выраженной связью: *ношо кунѣ*)» [2. С. 547–548]. В качестве аналогии А.А. Зализняк приводит фрагмент из грамоты № 445: *всаао горончаро · Ъ · сорока · кунцию* ‘Взял гончар (или: Гончар) два сорока куниц’ [2. С. 542]. Однако последняя фраза имеет типичную для неких текстов структуру: «вначале главная часть сообщения, затем уточнения» [2. С. 190]: вначале сказано о количестве шкурок, затем о том, какие они. Для таких конструкций действительно характерны синтаксически несвязанные последовательности слов и синтагм, в том числе приложения [2. С. 542]. Напротив, фрагмент *коуни шити ношо* (в рамках рассматриваемой трактовки) содержит не уточнение вышесказанного, а скорее тавтологию, поскольку «шить куны» и означало бы, по-видимому, изготавливать «ношу».

Однако и трактовка Гиппиуса не лишена проблем как лингвистического, так и прагматического свойства: 1) Фраза *коуни шити ношо* ‘куны шить ношу’ содержит целевой инфинитив при глаголе движения. Следовательно, на месте *шити* ожидался бы супин (*шитѣ* или *шитѣ*) и, соответственно, родительный падеж зависимого существительного (*коунѣ*). Даже если в говоре писца супин уже утратился или употреблялся нерегулярно (что, конечно, возможно в середине XIV в.), объект действия все равно с большой вероятностью имел бы форму родительного падежа, о чем свидетельствуют многочисленные примеры, в том числе в гораздо более поздних текстах; 2) Трактовка ситуации грамоты расходится с рассказом ал-Гарнати. По версии Гиппиуса, автор упрекает адресата в том, что из-за его нежелания прийти к автору домой «шить куны» тому приходится ходить на рынок. Однако ал-Гарнати пишет, что связки шкурок становились деньгами лишь после того, как их скрепляли печатью², за печать взималась определенная плата (очевидно, налог в пользу князя), и выполняли все это некие специальные люди. Следовательно, изготовление меховых (кожаных) денег не могло происходить в домашних условиях; 3) Текст в целом лишен связности: неясно, зачем автор упоминает о «продаже», о трех днях в городе, зачем он ходил к адресату и к складнику.

В связи с этим кажется целесообразным, приняв идею А.А. Гиппиуса, предложить еще одну небольшую поправку к чтению грамоты. Все перечисленные выше проблемы отпадают, если предположить, что форма *шити* – не глагол, а краткое прилагательное, относящееся к существительному *коуни* и имеющее, как и последнее, форму вин.п. мн.ч. С точки зрения синтаксиса и морфологии эта трактовка не встречает проблем: в грамоте абсолютно последовательно проведен эффект *ь* → *и*, в силу чего вместо *коунѣ шитѣ* (с обычным новгородским окончанием вин.п. мн.ч. *а*-склонения *-ѣ*) находим *коуни шити*.

Словосочетание *коуни шити* буквально переводится как «шитые куны» и может, в соответствии с предположениями Арциховского и Янина [1. С. 84], интерпретироваться двояко: либо, по ал-Гарнати, речь идет о связках меховых денег, либо – об одежде из куньего меха или материале для одежды. Относительно второго варианта ср. грамоту № 500 первой половины XIV в. (т.е. приблизительно того же времени, что и грамота № 490), где упоминается *мѣхѣ коунѣ*, что «скорее всего означает ‘мешок куньих шкурок’» [2. С. 543].

В зависимости от того, какой из двух вариантов мы выбираем, ситуация грамоты может выглядеть следующим образом:

² Эти печати принято отождествлять с «дрогичинскими пломбами», обнаруживаемыми в больших количествах по всей Руси, ср. [6. С. 323].

1) (*коуни шити* = деньги) Автор грамоты продал некий товар, который принадлежал либо адресату и его компаньону (тогда как сам автор выступал как приказчик), либо всем троим. В любом случае, автор должен был отдать вырученную сумму или ее часть адресату. Однако, хотя после продажи прошло три дня, деньги переданы не были. Автор грамоты (возможно, накануне получивший письмо с требованием отдать деньги) объясняет: все три дня я в Новгороде, ходил к тебе и к твоему складнику (но ни одного из вас не застал), а сам ты ко мне не приходишь. В конце письма (может быть, чтобы еще раз заверить адресата в готовности отдать деньги в любой момент) он добавляет: я ношу при себе деньги.

2) (*коуни шити* = одежда, мех) Автор грамоты провел три дня в Новгороде не *после*, а с *целью* продажи товара. Он заранее договорился с адресатом и его компаньоном о сделке и теперь ищет встречи с ними.

Остается надеяться, что будущие находки берестяных грамот подскажут, какая из этих трактовок верна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978. Т. VII.
2. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
3. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. Т. VIII.
4. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) // Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971.
5. *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. Т. XII.
6. *Янин В.Л.* Деньги и денежные системы // Очерки русской культуры XIII–XIV веков. М., 1970. Ч. 1. Материальная культура.

© 2017 г. А.А. РЫБАЛКА

О ПСЕВДОФОЛЬКЛОРНОМ ХАРАКТЕРЕ ЛЕГЕНДЫ О РЮРИКЕ, СИВАРЕ И ТРУВАРЕ

Автор статьи рассматривает бытование в отечественной историографии и реальные основы рассказа о том, что известный французский писатель и путешественник Ксавье Мармье во время поездки по Северной Германии, занимаясь сбором этнографических сведений, обнаружил бытующую «среди народа Мекленбурга» легенду о трех братьях – Рюрике, Сиваре и Труваре, отправившихся, в поисках лучшей доли, править на Русь, в чем традиционно видится параллель с рассказом «Повести временных лет».

The author considers – as a topic in the national historiography, and as a real background of a story – how the famous French writer and traveler Xavier Marmier, during his trip to the North of Germany, while collecting ethnographic data, confronted with a legend, spread «among the people of Mecklenburg», telling about three brothers – Rurik, Sivaram and Truvar, who went, in search of a better life, to rule on Russia. There are some reasons to treat it as a parallel with the story Primary Chronicle.

Ключевые слова: Мармье, Кузьмин, С. Лесной, Ю. Миролюбов, три брата, Мекленбург, Volksagen.

Keywords: Marmier, Kuzmin, S. Lesnoy, Yr. Miroljubov, three brothers, Mecklenburg, Volksagen.

Реактуализация какой-либо исторической теории или гипотезы почтенного возраста, как правило, сопровождается ревизией ее основных доводов и положений. В результате в распоряжении инициатора реактуализации оказываются аргументы разнородного происхождения. Прежде всего, это собственные актуальные соображения инициатора, явная или предполагаемая основательность которых и внушает ему смелость вновь обратиться внимание специалистов и/или широкой публики на некогда выдвинутые другими теоретические конструкции. От этих других заимствуется иной ряд аргументов, переживших своих авторов и взятых на вооружение инициатором. Между тем эти заимствованные аргументы или доводы статусно делятся как минимум на два класса – динамические, заново пересмотренные инициатором, убедившимся при этом в их основательности и актуальности, неизменной либо вновь обретенной благодаря его собственным соображениям, а также инерционные, те, которые инициатор повторяет за своими предшественниками без верификации, самостоятельно не рассматривая их по существу.

В последнем случае основанием для повторения таких доводов является ссылка на реальную или умозрительную авторитетность лица/источника, к коему довод

приписан. Представляется, что речь идет о классическом варианте «ссылки на авторитет», которая, по словам Бенедикта Спинозы, «не есть довод». Позволю себе заметить, что доля инерционных доводов среди прочих может существенно поставить под сомнение саму основательность реактуализации теории, независимо от субъективных построений инициатора.

Тем не менее, инерционные доводы неизменно сохраняют свою популярность. Отдал им дань и А.Г. Кузьмин, попытавшийся в 60–70-х годах прошлого века реанимировать классический «антинорманизм» извода Степана Гедеонова (см. «Славяноведение» № 2 за 2016 г.). Озаботившись поиском новых аргументов в пользу отстаиваемой им гипотетической конструкции, он, среди прочего, обратил внимание на относительно новую информацию из отечественного источника, которая, тем не менее, в силу обстоятельств была им использована как типичный инерционный довод, т.е. без проверки и даже без особого отстаивания авторитетности этого мнения, на что, как показано будет ниже, были свои причины. Речь идет о весьма охотно повторяемой и по сей день идее, будто известный некогда французский писатель и путешественник Ксавье Мармье (1808–1892) в молодости во время поездки по Северной Германии, занимаясь сбором этнографических сведений, обнаружил бытующую «среди народа Мекленбурга» легенду о трех братьях – Рюрике, Сиваре и Труваре, отправившихся, в поисках лучшей доли, править на Русь, в чем, понятно, виделась очевидная параллель с рассказом «Повести временных лет» (ПВЛ), а поскольку герои ПВЛ названы были «варягами», тут же удачно обнаруживалось объяснение, где собственно сии варяги и проживали.

Сам Кузьмин, впрочем, не особо пускался в подробности, ссылаясь на сведения популярного в те времена писателя Владимира Чивилихина (1928–1984), в изложении которого исток Сказа о Мармье выглядел несколько туманным. В.И. Чивилихин писал про «легенду», что «узнал [...] о ней недавно из одной книги, вышедшей в Канаде в 1964 г. Автор ее, рассказывая о начале Руси, приводит сведения, изложенные в предыдущем абзаце, досадует, что не располагает книгой, в которой напечатана эта любопытная легенда, но публикует ее выходные данные – *Marmier X. Les lettres sur le Nord* [1. С. 475–479]. В принципе, по приводимым данным, в авторе безошибочно распознается С.Я. Парамонов (С. Лесной) и его книжка «Откуда ты, Русь?», что некоторым образом объясняло скромность последующих адептов Сказа в ссылках на источник информации о Мармье, но действительность оказалась еще фееричней – собирателя славянских легенд Мармье явил миру сам автор «дошек Изенбека» – Юрий Миролюбов (о чем Чивилихин скромно умолчал).

Парамонов всегда отдавал должное своему единоверцу, и в «Откуда ты, Русь?» он пишет: «В 1956 году пишущий эти строки обратил внимание в газетной статье, а затем, в 1957 году, в 6-м выпуске “Истории руссов” на неопубликованную находку Ю.П. Миролюбова. Оказывается, имеется книга француза Мармье (X. Marmier) “Письма о Севере”, изданная им в 1840 году в Париже, а затем в 1841-м в Брюсселе. Этот французский исследователь, не имеющий, к слову сказать, никакого отношения к спору антинорманистов с норманистами, во время посещения им Мекленбурга, т.е. как раз той области, откуда был призван Рюрик, записал среди песен, легенд, обычаев местного населения также и легенду о призвании на Русь трех сыновей князя славян – ободричей – Годлава» [2. С. 28]. Таким образом, еще в 1840 г. среди онемеченного населения Мекленбурга легенда о призвании бытовала. Призвание варягов запомнили не только на востоке. Помнили и на западе, откуда вышли. Ранее, в «Истории руссов», более подробно останавливаясь

на статье Миролюбова, Парамонов указывает: «Недавно Ю.П. Миролюбов прислал нам любезно для ознакомления статью свою: “Венды-оботриты”. В основном статья эта представляет собой реферат книги: Marmier X. 1841 [...] Некоторые места книги Мармье, именно касающиеся Мекленбурга, т.е. древней области оботритов, Ю.П. Миролюбов переводит целиком, содержание других передает своими словами и все снабжает примечаниями» [3. С. 603].

Эта характеристика статьи Миролюбова, в принципе, верна, а сама статья, как оказалось, написана автором в 1954 г., но издана была только в 1990, что и объясняет, отчасти, некоторую туманность относительно роли Миролюбова в этой истории. Сама по себе, статья написана в обычном миролюбовском стиле и ни в чем не уступает другим работам этого автора.

Применительно к теме, следует обратить внимание на два тезиса Миролюбова и Парамонова, легших в основу Сказа о Мармье: книга «совершенно упущена историками», а Мармье «собирал легенды и предания местных славянских жителей».

Не вдаваясь в оценку литературной значимости Мармье, который был, однако, в свое время весьма известным и популярным в Европе (включая Россию) писателем, отмечу, что неизвестность очерка о Мекленбурге несколько преувеличена — в изданиях разных работ Мармье (см., например, [5. С. 29–31]), он переиздавался с 1840 по 1860 г. не менее девяти раз. Причем в первый раз издан он был вовсе не в «Письмах о Севере», а в январе–феврале 1840 г. в томах «Revue de Paris» («Парижского обозрения») [6. Р. 198–209; 7. Р. 77–90]. Именно первая часть очерка содержала наблюдения Мармье над нравами крестьян (*Mœurs des paysans*) и народными традициями (*Traditions populaires*) Мекленбурга. Причем уже в феврале 1840 г. эти отрывки очерка Мармье появились на русском языке в петербургской «Северной пчеле» (№ 42 и № 43) Булгарина и Греча.

Но пресловутая «легенда» находится во второй, «исторической» части очерка, а вовсе не там, где автор рассуждает о народных традициях. Впрочем ни в первой, ни во второй части очерка Мармье не признается, что занимался сбором «легенд и преданий местных жителей», а контекст, в котором находится «легенда» (о чем ниже), строго говоря, не дает оснований для таких предположений, неизменно свидетельствуя в пользу литературных источников сведений автора.

Тем не менее, Миролюбов настаивает, что «запись “Мекленбургской традиции”», как выражается г. Мармье, имела место за 110 лет до наших дней и была сделана г. Мармье, французом, человеком, не заинтересованным в наших идеях etc» [4. С. 117].

На самом деле, Мармье был в Мекленбурге в 1836, в начале своего путешествия по северной Европе, а не в 1840 г., как принято указывать в Сказе о Мармье, но это уточнение не имеет значения, поскольку «легенда» появилась еще раньше и без участия Мармье. Как уже было указано, очерк Мармье о Мекленбурге изначально был разделен самим автором на две части. В отличие от первой части, где действительно содержатся личные (но не только) наблюдения Мармье, вторая часть, в ряде изданий имеющая тематические подзаголовки «*Historie et constitution*» («История и устройство») или «*Histoire et mythologie*» («История и мифология») (Миролюбов назвал ее «Прошлое Мекленбурга»), имеет сугубо книжное происхождение.

Убедиться в этом позволяет анализ работ авторов, на которых ссылается Мармье [5. С. 33]. Ссылки (данные, кстати, весьма небрежно, что позволило Миролюбову сделать из двух немцев одного «англичанина» Дена Гемпеля [4. С. 119]) таковы: 1) *Die züge der Däenen nach Wendtn*, par M. Petersen; Copenhagen, 1839. 2) *Franck, Ancien et Nouveau Mecklembourg*. — Klüver, Dehn Hempel. — Studemund,

Description, histoire, statistique et traditions du Mecklenbourg¹. 1) Походы Датчан на Вендов М. Петерсона; Копенгаген, 1839. 2) Франк, Древний и новый Мекленбург. — Клювер, Ден Хемпель. — Штудемунд, Описание, история, статистика и традиции Мекленбурга.

Хотя ссылки даются только в начале описания мифологии вендов, в действительности почти весь текст второй части практически представляет собой компиляцию из текстов названных авторов, главным образом из Петерсена [7. С. 55–132] и немного из Штудемунда [10]². Тексты даются либо без изменений, либо с небольшими правками и сокращениями. Выдержки из Петерсена начинаются уже с четвертого абзаца второй части [5. С. 23] и следуют далее почти непрерывно. Из Петерсена [8. С. 64–66] заимствован и фрагмент о **сербской** народной поэзии [5. С. 26–27] (совершенно дезориентировавший Миролюбова, вообразившего, что песни о Марко Кралевиче бытовали в Северном Полабье, и уверявшего, что в Доберанском монастыре хранилась народная эпическая поэма «Королевич Марко Хоробрый», позже она исчезла [4. С. 1])³, после которого, как раз, следуют две заимствованные у Штудемунда Sagen — о короле Антюре («Mecklenburgische Sagen. Erstes Heft». Parchim, 1820. № 1) [10. С. 1, 5, 28–29], которого в начале XVI в. объявил родоначальником Мекленбургского герцогского дома Николай Маршалк, и о Рюрике с братьями [5. С. 29–31].

Легенда приводится у Штудемунда [10. С. 8–9] под заголовком «Die Sage von Rurik, Siwar und Truwar» («Сказание о Рюрике, Сиваре и Труваре») и имеет следующий вид (выделены фрагменты, которые Мармье не использовал; его собственный текст, впрочем, несколько пространнее за счет добавления не несущих содержательной информации риторических украшений):

«Через 800 лет по Рождеству Христову в Мекленбурге управлял Ободритами, **которые являются одним из племен (родов) Варинов**, король по имени Годлав (Готтлиб), отец трех замечательных сыновей. Первый звался Рюриком (Мирный), второй Сиваром (Победоносным), третий Труваром (Верным). Три брата, не имея подходящего случая испытать свою храбрость в мирном королевстве отца, решили отправиться по обычаю героев того времени к славе по суше

¹ Если ссылки на Петерсена и Франка узнаваемы (см. [8–9]), то вторая половина текста представляет собой настоящую криптограмму, в действительности речь идет о четырех авторах и четырех разных книгах, а именно:

Hans Heinrich Kluver: **Beschreibung** des Hertzogthums Mecklenburg und dazu gehoriger Lander und Oerter, 2. Aufl., Hamburg 1737 bis 1740 (Ханс Хайнрих Клювер: **Описание** герцогства Мекленбург и сопредельных земель и местностей. 2-е изд. Гамбург, от 1737 до 1740).

Wilhelm H.M. Dehn: **Geschichte** von Mecklenburg, von der altesten bis auf die neueste zeit. Rostock, J.M. Oeberg u. comp., 1836 (Вильгельм Н.М. Дэн: **История** Мекленбурга, от старых до новых времен. Росток, 1836).

Gustav Hempel: **Geographisch-statistisch-historisches** Handbuch des Meklenburger Landes. Two volumes. 1837 bis 1843 (Густав Хемпель: **Географический-статистический-исторический** справочник о землях Мекленбурга. Два тома. Между 1837 и 1843).

Fridrich Studemund. **Mecklenburgische Sagen**. Erstes Heft. Parchim, 1820 (Фридрих Штудемунд. Мекленбургские **сказания**. Первая часть. Пархим, 1820).

Видимо, отдавая письма в печать, Мармье не потрудился расшифровать конспективную запись в своих черновиках. Любопытно, что двадцать лет спустя, в 1862, Цезаре Контю (Cesare Contu) в IX томе «Histoire universelle» («Универсальной истории», с. 139), заимствуя у Мармье легенду об Антюре, приводит тут же и рассматриваемую ссылку, очевидно, не имея ни малейшего представления о ее реальном содержании.

² Надо сказать, что Штудемунд не пытается выдавать публикуемые им рассказы за «народные легенды», называет их Sagen, а не Volksagen, и к большинству из них дает точные ссылки на источник.

³ Сам Петерсен заимствовал обсуждаемые им песни из книги Джона Боуринга «Serbian Popular Poetry» (1827), а тот, в свою очередь, вдохновлялся одним из первых изданий Караджича: Vuk Stefanovic Karadzic. «Narodne srpske pjesme: Razlicne zenske pjesme». 1824. Т. 1.

и морю, чтобы защищать невинных и с доблестью оружия оказывать помощь угнетенным. Всюду, куда бы они ни приходили, им предшествовала слава об их смелых поступках и рыцарских добродетелях, щедрости, храбрости и честности, освещавшая все их речи и деяния. После героического путешествия они прибыли в район Ладожского озера и Белоозера и также Изборска в нынешней Российской империи, в то время, когда народ этой страны страдал от несправедливого правления. Братья свергли власть угнетателей своими победоносными мечами и, под их защитой, благословенный мир вернулся в пострадавшие земли. После славной победы юноши хотели продолжить свой путь и вернуться домой под руку старого отца, чтоб он благословил их до своей смерти и выбрал из них себе преемника. Однако благодарный народ выбрал их своими правителями и Рюрик получил Новгородское княжество, Сивар — Псковское, а Трувар — Белозерское, и поскольку двое последних правителей умерли без наследников, то Рюрик получил единодержавную власть. От него происходят правители, которые царствовали до 1598 года. **Плесков в России до сих пор, в настоящее время, имеет герб Варинов — голову быка, а русские всегда называли Балтийское море «Варинкойеморе», т.е. море Варинов»⁴.**

Источником своей информации Штудемунд указывает сочинение Давида Франка [9. С. 35–37], на основе текста которого он составил свое «сказание». Оно представляет собой очень краткое извлечение из текста Франка с присовокуплением мотивов собственно летописного рассказа (на последнее обратил внимание и Миролюбов). «Belvozeko und nach Isbork» указывают, скорее всего, на использование дополнительно какого-то учебника вроде Handbuch'a Ремера [11. Р. 427]. Из знакомства с работой Франка происходят и рассуждения о вариных и варинском гербе, к чему Франк имел особый интерес, однако Мармье эта информация не заинтересовала, он счел ее посторонней и не использовал.

Франк, между тем, рассуждая о значении рода Биллунгов, от которого он производит Мекленбургский дом, ссылается вовсе ни на «легенды», а на сочинение Фридриха Томаса (1717) и прямо пишет: «Так, вероятно также, что правившие до 1598 года в Москве цари тоже происходят из семейства Биллунгов, первая мысль о такой гипотезе пришла нашему Хемницу, который это предположил [...] Сведения Хемница происходили не из княжеских архивов, как упоминает Фридрих Томас, а из Theatro Genealogico Иеронима Хеннингса, который заимствовал их у барона Герберштейна, посла Кайзера Максимилиана I в Москве; где

⁴ «Im Jahre 800 n. Chr. G. herrschte in Mecklenburg über die Obotriten **oder über einen Stamm derselben, die Wariner**, ein König, welcher Godlav (Gottlieb) hieß und drei herrliche Söhne hatte, welche Rurik (der Geruhige), Sivar (der Siegreiche) und Truwar (der Treue) genannt wurden. Diese drei tapfern Jünglinge zogen, dieweil daheim im Vaterlande Friede herrschte, nach der Heldensitte jener Zeiten dem Ruhme nach über Land und Meer, die Unschuld in Schutz zu nehmen und mit rüstigem Arme dem Bedrängten zu Hülfe zu eilen. Allenthalben, wo sie erschienen, war ihnen der Ruf von ihren kühnen Thaten und ritterlichen Tugenden schon voraufgegangen, denn Großmuth, Tapferkeit und Biedersinn leuchteten aus allen ihren Werken und Worten hervor. Auf ihrer Heldenfahrt kamen sie auch in die Gegend vom **Ladoga-See und Belvozeko und nach Isbork** im jetzigen Russischen Kaiserreiche, und zwar zu einer Zeit, wo unter den Bewohnern dieser Länder die größten Unruhen herrschten. Bald zitterten auch hier die Unterdrücker vor ihren sieggewohnten Schwertern und die Wohlthaten des Friedens kehrten unter ihrem Schutze in die verheerten Gegenden zurück. Da wollten die ruhmgekrönten Jünglinge weiter ziehen und heimkehren in die Arme des ergrauen Vaters, daß er sie segne vor seinem Ende und aus ihnen seinen Nachfolger ernenne. Allein das dankbare Volk erwählte sie zu Herrschern über sich, und erhielt Rurik das Fürstenthum Groß-Nowghorod, Sivar das Fürstenthum Pleskow, Truwar aber Bile-Iezoro, und als die beiden letztern Regenten ohne Leibeserben verstarben, so bekam Rurik die Alleinherrschaft. Von ihm stammen bis Anno 1598 die nachfolgenden Russischen Czaaren ab. **Pleskow in Rußland soll noch jetzt das Wariner Wappen, den Stierkopf, führen und bei den Russen von jher die Ostsee Warinkojemore, das heißt das Wariner Meer, genannt worden sein**».

в его время это мнимое сообщение было найдено, и уже в 1577 году опубликовано» [9. С. 35]⁵. Таким образом, излагая далее, почему эту версию можно было бы предпочесть, Франк исходит лишь из ее вероятности (*wahrscheinlich*) и явно называет ее *гипотезой* (*Muthmassung*) Фридриха Хемница, а само сообщение связывает с Герберштейном и называет *мнимым* (*gedachte*).

Следовательно, история опять возвращается в русло книжной традиции, об истоках которой написал некогда еще Готлиб Зигфрид Байер (в архаичном переводе Кондратовича): «Сигизмунд Герберштейн [...] когда увидел, что руссы варягов за морем Балтийским полагают и что часть одного моря, которое между Ингриею и Финландиею располагается. Варяжским морем называют, то от прежнего мнения, которое он сам, может быть, первый в Россию занес [...] потом в другое уклонился. Недалеко от Голштиндии сыскал он Вагрию и вагров, по свидетельству Адама Бременского, славянский народ. Имел он сходство имени, дело весьма обычное, если бы оное крепкими доводами утверждено было. Однако ж Бернард Латом, Фридерик Хемницей и последователи их это в основу всего как подлинное положили. И так как они сыскали, что Рурик жил около 840 года после рождества Христова, то потому и принцев, процветавших у вагров и абартритов, сыскивали. И поскольку у Витислава короля два сына были, один Тразик, которого дети ведомы были, второй Годелайб, которого дети неизвестны, то оному Рюрика, Тривора и Синава причислили» [12. С. 293].

Франк, не знакомый со статьей Байера, делает аналогичный вывод относительно источника передаваемых им сведений, хотя и предлагает иное промежуточное информационное звено. Байер, впрочем, был точнее. Действительно, Хемниц, упоминая Рюрика [13. II. С. 1627–1628], ссылается на Герберштейна, Петрея и Латома, а сам Латом [13. IV. С. 83], рассуждая о том же предмете, обращается к книге все того же Герберштейна, мнение которого о происхождении Рюриковичей уже несколько столетий будоражит фантазию множества поклонников «народных легенд».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чивилихин В.А.* Память: Роман-эссе. М., 1982.
2. Откуда ты, Русь? [Текст]: историческая литература / Сергей Лесной. Ростов-на-Дону, 1995. Пер. изд.: «The origins of the Ancient “Russians”» / Sergey Lesnoy. Winnipeg, 1964.
3. *Лесной С.* История руссов в неизвращенном виде. Париж, 1957. Вып. 6.
4. *Миролобов Ю.П.* Материалы к истории Крайне-западных славян. Аахен, 1990.
5. *Marmier X.* Lettres sur le Nord. Danemark, Suède, Norvège, Laponie et Spitzberg. Paris, 1840.
6. *Revue de Paris. Le Mecklembourg.* T. XIII. Janvier 1840.
7. *Revue de Paris. Le Mecklembourg.* T. XIV. Fevrier 1840. II. Historie et constitution.
8. *N.M. Petersen.* Die züge der Däenen nach Wenden, eine historische Darstellung. (= Mémoires de la Société Royale des Antiquaires du Nord 1836–1839) Copenhague, 1839.
9. *Franck D.* Des Alt- und Neues Mecklenburg Anderes Buch von Mecklenburgs Bekehrung und Verwüstung: darin die Drangsale der Sachsen, Rückfälle der Obotriten und Stiftungen der Bißthümer angeführet werden. Güstrow und Leipzig, 1753.
10. *F. Studemund.* Mecklenburgische Sagen. Erstes Heft. Parchim, 1820.
11. *Julius August Remer.* Handbuch der allgemeinen Geschichte, 1801. T. 2.
12. *Татищев В.Н.* Собрание сочинений: В 8 т. М., 1962.
13. *Monumenta inedita rerum Germanicarum praecipue Cimbriacarum et Megapolensium: quibus varia antiquitatum, historiarum, legum iuriumque Germaniae, speciatim Holsatiae et Megapoleos vicinarumque regionum argumenta illustrantur, suppletur [...] / e codicibus ... studuit ... et cum praefatione instruxit Ernestus Joachimus de Westphalen ... I–IV, Lipsiae; Martin, 1739–1745.*

⁵ «So ist auch **wahrscheinlich**: das die Czaren in Moscow, so bis 1598 regieret, ebenfalls aus dem Geschlecht der Bilungen herzuleiten die ersten Gedanken auf solche **Muthmassung** zu kommen, hat unser Chemnitz gegeben, als welcher von gedachtem. ... Es hat Chemnitz war nicht diese Nachricht aus dem Fürstlichen Archiv, wie Frieder. Thomas gemeinet, sondern aus Hieron. Hennings Theatro Genealogico, welcher sie aus Baron von Herberstein genommen, dieser war des Kayzers Maximilian. I. Gesandter nach Moscow; woselbst er jetzt **gedachte** Nachricht aufgefunden, und bereits Ao. 1557. bekanntgemacht».

Цв. СТЕПАНОВ. В очакване на Края: европейски измерения ок. 950–ок. 1200 г. София, 2016. 382 с.

Цв. СТЕПАНОВ. В ожидании конца света: европейские измерения ок. 950–ок. 1200 г.

Книга доцента философского факультета Софийского Университета им. св. Климента Охридского Цв. Й. Степанова «В ожидании конца света: европейские измерения, ок. 950–ок. 1200 г.» представляет собой плод многолетних научных изысканий исследователя и посвящена такой немаловажной проблеме современной медиевистики, как развитие представлений о грядущем конце света и Земле Обетованной в Западной Европе, Византии и славянском мире во второй половине X – начале XIII в. Во вводной части работы автор отмечает, что данная монография представляет собой лишь первый том исследования, вторую часть которого он планирует посвятить культуре святого архангела Михаила, также тесно связанному с ожиданием конца света (с. 19).

Базируясь на широком круге источников самого разного происхождения, автор использует историко-антропологический подход и герменевтический анализ, позволяющий воссоздать особенности мироощущения средневекового человека с помощью интерпретации топосов и символов. Исследование Цв. Степанова охватывает не только представления о конце света в христианском контексте, но и его связь с исламским и иудейским миром, что, согласно автору, обусловлено общим «корнем» трех вероисповеданий – Ветхим заветом и отношением к «парагматичной» личности – первому «вселенскому» царю Александру Македонскому, пытавшемуся воздвигнуть «единое пространство цивилизации» (с. 21).

Хронологические рамки исследования условны и ограничены 950 г., когда в Западной Европе появляются первые письменные тексты апокалиптического характера, и 1200-и годами, что, согласно Степанову, обусловлено грядущим падением Константинополя в 1204 г. и представлением о том, что конец света совершится, когда столица ромеев будет захвачена «силами зла», тем самым возвещая о приходе Антихриста накануне Страшного суда (с. 18).

Освещая тему конца света в Западной Европе, Византии и славянском мире, автор апеллирует такими понятиями, как «апокалипсис (апокалиптика)» и «эсхатология», используемыми им как взаимозаменяемые (с. 20).

Первая глава – «Европейские измерения ожидания *Конца времен*: Тексты. Контексты. Реальные места и символические *топосы*» посвящена восприятию проблемы конца света среди еврейского населения, а также в Западной Европе, в Византии и на Руси.

Анализируя ожидания конца света и Мессии в еврейской среде в X–XII вв., Степанов отмечает, что в среде сефардов, раввинистов и даже караимов они формируются к середине X в. (по его мнению, не исключено, что на них оказал влияние христианский миллениаризм), причем многие еврейские книжники связывают их с Хазарским каганатом и особой миссией хазарского народа в качестве «праведных прозелитов» (с. 26–33). В то же время, отмечает исследователь, «специфическая идентичность

Хазарии [...] с одной стороны, иудейской, с другой – степной и тяготеющей к наследству тюркских каганов создавала определенные проблемы, особенно перед караимскими толкователями» (с. 32). Согласно Степанову, восприятие Хазарии как возможного места пришествия Мессии было связано с близостью Хазарии к Кавказу, так как эти горы еще с древнейших времен ассоциировались с легендарной «стеной», воздвигнутой Александром Македонским от «нечистых народов Гог и Магог» (с. 36).

Характеристика представлений о конце света в Западной Европе в X–XI вв. дается автором через призму сочинений трех современных эпохе авторов: Адсона де Монтьер-Ан-Дера, Титланда и Рауля Глабера, в свою очередь находившихся под влиянием широко известного «Апокалипсиса» Псевдо-Мефодия Патарского (с. 37–39). У всех этих авторов, согласно исследователю, в той или иной степени присутствует мотив, связанный с «последним императором», сходный с эсхатологическими пророчествами, созданными и распространяемыми в византийской и болгарской среде. Автор подробно анализирует религиозно-политические аспекты христианизации Западной Европы около 1000 г., акцентируя внимание на политике императора Оттона III (983–1002) и его «символических действиях», направленных на развитие идеи об «обновлении империи» (*Renovatio imperii*) и о нем самом в качестве «последнего (римского) императора», своего рода новом Карле Великом, в преддверии конца света, предполагаемого в 1033 г. (с. 54–67). Исследователь также отмечает тесную взаимосвязь эсхатологических ожиданий с расцветом культа святого архангела Михаила.

Возрождение миллениаризма/хилиазма в XII в. рассматривается Степановым в свете произведений калабрийского монаха-цистерцианца Иоахима Флорского о преображении «земного царства» в Божье в рамках профанного времени и пространства (с. 80–85) и получившего широкое распространение в Западной Европе под влиянием крестовых походов предания о находящемся далеко на Востоке «царстве/королевстве пресвитера Иоанна», олицетворявшем собой земной рай. На основе новейшей западноевропейской и российской историографии автор исследует появление и развитие этого феномена, не оставляя без внимания такой чрезвычайно интересный его аспект, как четыре письма различного содержания от имени

«пресвитера», отправленные в середине XII в. византийскому императору Мануилу I Комнину, императору Фридриху Барбароссе, французскому королю и Папе Римскому, соответствующие ожиданиям каждого из адресатов (с. 85–91). Сведения о сакральной топографии XII – начала XIII в. дополняют материалы западноевропейской картографии, позволяющие судить о различных традициях разделения мира на Север и Юг, Азию, Европу и Африку, а также локализации «нечистых народов Гог и Магог» (с. 85–89).

Особое место в работе занимает исследование эсхатологических представлений в Византии с середины X до XII в., что обусловлено иными временными рамками византийского календаря, специфической имперской идеологией и повышенным вниманием византийских книжников к вторжениям «варварских» племен и народов как предвестников грядущего Апокалипсиса (с. 94–107). В то же время автор отмечает ряд общих черт в отношении к проблематике конца света у византийцев и в Западной Европе, проявляющихся, прежде всего, в культуре и связанных с повышенным вниманием и тех и других к культуре святого архангела Михаила (с. 108–111).

Наконец, существенным вкладом в исследование стоит считать проведенный на материалах Киевской Руси анализ формирования представлений и дальнейшей самоидентификации страны и ее населения как новой «избранной земли» и «избранного народа», на основе которых в дальнейшем будут строиться и их эсхатологические ожидания. Интересным представляется выдвинутое автором положение о том, что в ранних русских летописях русы предстают одновременно в роли тех самых легендарных «народов Гог и Магог», поход которых на Константинополь ознаменовал собой одновременно конец царствования императора, с символическим в свете исследуемой проблематики именем Михаил, и своеобразное начало истории самих русов как «нового богоизбранного новозаветного народа» (с. 116–117). Отдельное внимание уделяется формированию образа центра «богоизбранного» государства, Киева, как аллюзии на Константинополь и Иерусалим, в том числе благодаря широкому распространению культа Богородицы (с. 119–122). Однако, исследуя представления о конце света на древнерусском материале, Степанов приходит к выводу, что, в отличие от византийских и западноевропейских традиций, в древнерусской книжности отсутствуют образы собственных «последних царей», что, по мнению историка, связано

с отсутствием у Киевской Руси статуса легитимного царства вплоть до падения Константинополя в мае 1453 г. (с. 125).

Предметом исследования во второй главе — «Топография сил зла перед концом света: европейские представления» становится вопрос о реальном прототипе «нечистых народов Гог и Магог» и их локализации, а также было ли представление о нашествии неких враждебных сил накануне конца света типичным лишь для христиан или бытовало и в мусульманской среде. По мнению автора, тема нашествия «сил зла» неразрывно связана с концепцией некоего «центра», «пула земли», населенного «избранным народом» и окруженного язычниками и людьми иной веры (с. 129–131). Степанов подчеркивает, что значительное влияние на формирование представлений о «силах зла», обитающих где-то на окраине (на севере или западе в различных культурах), оказала сформированная еще Александром Македонским парадигма пространства цивилизации, защищенного границами/вратами или железной стеной от «другого» мира (с. 130). В качестве своей основной задачи в этой главе автор определяет поиск неких общих матриц в восприятии «сил зла» людьми различных культур: евреями, христианами и мусульманами (с. 138–142). Таким образом, общей для всех обозначенных культур оказывается уже рассмотренная выше парадигма Александровой «стены», или «врат» (с. 142–148).

В свете противопоставления «сил зла» на окраине «избранному небесам» центру автор подробно прослеживает развитие идеи о Константинополе как «Новом Иерусалиме», отмечая, что такого рода идентификация закрепляется за Константинополем уже в X в., а его расцвет приходится на правление Мануила I Комнина (1143–1180). Отдельная часть главы посвящена изучению расположения и «направленности» «сил зла» согласно представлениям византийцев, населения Западной Европы, Киевской Руси, исламского мира (прежде всего, на примере Волжской Болгарии) и еврейской диаспоры, с привлечением материалов новейших американских и европейских исследований (с. 154–196). В результате, Степанов приходит к выводу о том, что начиная с середины X в., в зависимости от исторического контекста, роль «нечистых народов Гога и Магога» приписывалась самым различным племенам и народам: мадьярам, тюркам, печенегам, норманнам, половцам и т.д. Несмотря на присутствие одних и тех же матриц, автор отмечает сильную размытость деталей

(в терминологии исследователя — «знаков»), в которых нашли свое отражение существующие в разных культурах и обществах стереотипы и клише (с. 198–199). Создание и поддержание представления об «избранности» того или иного народа в качестве противопоставления «силам зла» исследователь считает в наибольшей степени плодом усилий локальных элит, бравших различные архетипичные литературные сюжеты из так называемой устной памяти. По замечанию Степанова, это давало возможность соответствующему «избранному» народу быть вовлеченным в мировую историю, понимаемую как история спасения (с. 199).

Наибольший интерес в свете болгарской и зарубежной медиевистики представляет третья глава — «Болгарские измерения ожидания конца света: Тексты. Контексты. Реальные места и символические топосы». Анализируя эсхатологические ожидания болгар X–XII вв. и сопоставляя их с остальными имперскими народами, Степанов опирается на данные болгарской историко-апокалиптической литературы (переводной и оригинальной) этого периода и даже некоторые материалы изобразительного искусства (с. 215–219).

Согласно исследователю, представление болгар о самих себе как о «богоизбранном народе» зарождается еще в первой половине X в. в связи с тем, что они первыми среди славяноязычных народов, исповедовавших восточное христианство, становятся «царством», и это обстоятельство, как отмечает автор, естественным образом вызывает появление историко-апокалиптических творений, включавших Болгарское царство в череду следующих друг за другом «избранных царств» (с. 201–206). Появление ранних и поздних сочинений этого жанра Степанов ограничивает традиционными рамками второй половины XI — началом XII в., связывая их с эпохой византийского владычества в болгарских землях и предлагая считать их плодом деятельности низшего духовенства, священников, дьяконов и грамматиков из Средецкой и Вельбуждской епархии Охридской архиепископии (с. 209), ищущих примирения между болгарам и «ромеями» и представляющих их отношения как равноправные в рамках единой Империи православного Востока (с. 214).

Исследователь подробно анализирует распространившиеся на болгарской почве в X–XII вв. такие историко-апокалиптические сочинения, как «Откровение Псевдо-Методия Патарского» «Видение

Даниилово», «Житие св. Андрея Юродивого», «Житие св. Василия Нового», «Повесть о Крестном древе», «Видение и Толкование Даниилово», «Сказание Исайево», «Болгарская апокрифическая летопись» и др. Деляя обзор этих сочинений, автор показывает, что развитие болгарской апокалиптической книжности было синхронно общеевропейским тенденциям в исследованный им период (с. 201–214).

Интересным представляется осуществленное Степановым в рамках третьей главы исследование топонимов «Средец», «Овче поле», «Граово поле», «Едрило поле», «Мезина земля», которые фигурируют в апокрифических сочинениях в качестве мест, где болгары сражаются с «нечистыми народами Гог и Магог». Согласно Степанову, все эти наименования с разной степенью вероятности можно соотнести с понятиями «ядро» и «центр», что связано с идентификацией болгарам самим себя как «избранного народа», а своего царства – как находящегося в «центре» Святой земли, куда, по пророчествам, и должны нахлынуть «силы зла» (с. 229–237).

Опираясь на концепцию этнолога и фольклориста Т. Моллова, автор предлагает несколько оригинальных гипотез, затрагивающих дискуссионные моменты в одном из самых популярных в русле болгарской историографии сочинении – «Сказании о пророке Исайе, как он был вознесен на седьмое небо», более известном как «Болгарская апокрифическая летопись». Прежде всего это касается фигурирующего в произведении «царя Слава», представленного как первый болгарский правитель, традиционно отождествляемый исследователями со славянским началом, эпонимом славянского племени. Опираясь на уже выдвинутый им тезис о самоидентификации болгар как «избранного народа», Степанов считает более логичным интерпретировать имя первого болгарского царя в контексте «славы», «знаменитости» и библейского контекста «царя славы» (с. 237–244).

Следующего за «царем Славом» Испора автор традиционно отождествляет с ханом Аспарухом, однако отвергает общепринятую «Моисееву парадигму», связанную с изложенной в Болгарской апокрифической летописи историей обретения младенца Испора в корзине (букв. «крабе»), и предлагает вернуться к прочтению слова как «краве», т.е. корове, благодаря чему история о происхождении Испора обретает совсем иной контекст и смысл. Степанов предлагает видеть в этом пассаже

отсылку к мистической связи образа коровы или быка с небом и, соответственно, высшему, внеземному происхождению царской власти, что, по мнению автора, является «переходящим сюжетом», который мог быть позаимствован болгарскими книжниками у евреев (с. 248–250).

Не менее интересными представляются и выводы автора в отношении титула «каган», который довольно часто используется книжниками второй половины и конца XI в., но в то же время не фигурирует в более ранних болгарских письменных источниках. Степанов предлагает объяснить это тем, что до 1018 г. болгарские авторы использовали титул «царь», однако после завоевания страны применение этого титула стало невозможным, поэтому использование устаревшего именованья «каган» должно было подчеркнуть идею «царства» и напомнить о некогда существовавшей равнозначности между титулами «император», «царь», «каган» и «шахин-шах». Кроме того, исследователь проводит прямую связь между употребляемым книжниками титулом «каган» и образом великой «степной империи», с былым могуществом которой помнившие о своем тюркском происхождении болгары могли идентифицировать и свою историю (с. 259–268).

Проведенные Степановым связи и параллели дают основание исследователю предполагать, что болгарские анонимные книжники и переводчики апокалиптических произведений позволяли себе «играть» с текстами в различных смысловых плоскостях (с. 268).

Отдельную часть главы составляет изучение «власти имени» в контексте болгарских апокрифических произведений, а именно двух: Михаила и Петра – имен единственных канонизированных болгарских правителей. Отмечая их смысловую «наполненность» в различные исторические периоды средневековой болгарской истории, автор предлагает рассматривать их как «этноинтегрирующие» и «этнограничительные» символы, дающие болгарам своеобразный «пропуск» в пространство единой для болгар и ромеев Византийской империи (с. 268–276).

Наконец, значительный вклад привнесен автором в исследование имен-«локусов», фигурирующих в болгарских апокрифических сочинениях: гор, городов, рек и т.п., своего рода «координат» «избранного царства» (с. 276–291).

Пыдожизная свое исследование в Заключении книги, Цв. Степанов выделяет

основные концепции, феномены, парадигмы, топосы, проекции, «горизонтальные» и «вертикальные» координаты сакральной топографии, встречающиеся в его работе, помогающие выявить общие тенденции в развитии и формировании идей о конце света по материалам книжности Востока и Запада в Европе X–XII в.

Благодаря оригинальным гипотезам и параллелям, широте привлеченной

источниковой базы и литературы, рецензируемая монография представляет большой интерес для отечественных медиевистов, филологов и культурологов. Особого внимания заслуживает проходящая через всю работу идея о том, что наиболее сложные и детальные представления об апокалипсисе формировались лишь в государствах с имперской структурой власти.

© 2017 г. А. С. Добычина

Славяноведение, № 4

Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М., 2016. 656 с. (Научное приложение. Вып. СЛ.)

Сборник представляет собой собрание материалов конференции «Псевдонимы русской эмиграции в Европе (1917–1945)», состоявшейся в сентябре 2014 г. в Бохуме. Это уже второй совместный проект российских и зарубежных исследователей под руководством М. Шрубы и О. Коростелева. Первый был посвящен редакционному архиву крупнейшего «толстого» журнала русской эмиграции «Современные записки» и увенчался изданием сборника материалов конференции «Русский эмигрантский журнал “Современные записки” (Париж, 1920–1940) и его авторы» (Бохум, 2008) – Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сборник статей и материалов. М., 2010 и четырех томов материалов редакционного архива – «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. М., 2011–2014. Т. 1–4.

Во вводной статье настоящего сборника Р. Д. Тименчик отмечает: «Исследование эмигрантской псевдономастики за последнее тридцатилетие прошло от первых робких (порой и неверных) догадок до создания ожидающего своей скорой презентации вполне солидного свода» (с. 9). Актуальность исследований в области эмигрантской псевдономастики во всем ее многообразии очевидна: введенный к настоящему времени в научный оборот и доступный ныне исследователям материал по истории литературы русского зарубежья столь внушителен, что систематизация (хотя бы предварительная)

этого материала является задачей оправданной и необходимой.

Многочисленность авторских «мазок» – включая такие, которые Р. Д. Тименчик предлагает называть «мародеронимами» (с. 14), – в газетно-журнальном мире русской эмиграции была обусловлена разными причинами. Среди них стремление обезопасить оставшихся в Советской России родных и близких, фиктивные саморепрезентации, призванные затушевать те или иные моменты в биографиях авторов, специфика периодических изданий и многое другое. Описать многообразие механизмов и прагматику возникновения и бытования литературных псевдонимов в русском зарубежье и призван настоящий сборник. Книга состоит из трех разделов: «Статьи», «Материалы» и «Библиография».

В первом разделе помещены работы о теории псевдонима, а также статьи о различных периодических изданиях «как местах преимущественного применения псевдонимов и криптонимов» (с. 5) и исследования «псевдонимного репертуара» (с. 5) ряда авторов. Теоретические работы включают статьи Ш. Шмидта, О. Коростелева и М. Шрубы. Ш. Шмидт в своем обзоре исследований псевдонимов пишет о «многообразных импликациях как в библиографических и литературоведческих дисциплинах, так и в социальной и культурной жизни», предлагая изучать псевдонимы не только с формальной, но и с «культурологической точки зрения» (с. 30). О. Коростелев

в статье «Литературные маски и критические рубрики в периодике русского Парижа», объясняя, среди прочего, «причины выдвижения на первый план авторских рубрик», относит к ним такие маловерифицируемые явления, как «стремление к постоянству в быстро меняющемся мире» (с. 21) и «усиливающуюся индивидуализацию сознания» (с. 24). Более корректным представляется утверждение М. Шрубы: «В стройную систему [...] словарные определения псевдонимов не складываются [...] Попытки категориального деления на функциональные типы не отражают специфики индивидуальных мотивировок для употребления псевдонима» (с. 38, 53).

В первом разделе отметим работы Э. Дмитрива о М. Попуженко и М. Арнаудове, М. Бирмана — о псевдонимах и криптонимах П. М. Бицилли, А. Мейре — о псевдонимах П. М. Пильского и П. Лавринца — о гипотетических псевдонимах А. С. Бухова в ковенской газете «Эхо», Н. А. Богомоллова — о С. А. Соколове-Кречетове, а также работу М. Вендитти о пьесах Б. И. Ярхо, опубликованных под псевдонимом в пражском эмигрантском журнале «Воля России». Некоторые работы, например Т. Подгаецка о русской религиозной и церковной периодике в Чехословакии и Т. Мегрелишвили о русскоязычной периодике Грузии 1918–1921 гг., к заявленной теме сборника относятся факультативно, однако сами по себе представляют хорошие примеры исследовательской работы.

К числу наиболее удачных работ первого раздела следует отнести исследование В. Хазана «О некоторых псевдонимах деятелей эмигрантской русско-еврейской печати (парижские еженедельники “Парижская трибуна” и “Рассвет”», работу М. Хагемейстера «Мнимый псевдоним. Об авторе трехтомника “Ритуальное убийство у евреев” (Белград, 1926–1929)», а также статью Г. Кратца «Артур Лютер и его русские псевдонимы», посвященную известному немецкому слависту и переводчику, во время обеих мировых войн редактировавшего серию книг на русском языке для русских военнопленных и — в годы Второй мировой войны, под патронажем геббельсовского Министерства пропаганды — для «библиотек остарбайтеров».

Напрямую связаны со Второй мировой войной и две замыкающие раздел работы: статья Б. Равдина о деятеле коллаборационистской русской печати И. Горском-Зубковском и И. Толстого о сотруднике «Радио “Свобода”» Н. Горчакове. Статьи по стилю изложения далеки от академического исследования

и, скорее, приближаются к жанру литературно-журналистского расследования.

Во втором разделе («Материалы») дана подборка статей русских писателей-эмигрантов, посвященных прагматике и этике использования псевдонимов. А. Мейре опубликовала фельетон «Опущенное забрало» (1921) ныне почти забытого В. М. Белова (1890–1930-е годы), а М. Шруба републиковал статью «Адъективизм» (1935), напечатанную за подпись «Гулливер» в парижском «Возрождении» и атрибутированную В. Ходасевичу.

Третий раздел («Библиография») содержит ряд исключительно ценных публикаций. Среди них — материалы к библиографии повременных изданий о России на иностранных языках (сост. М. Шруба), росписи содержания журналов «Своими путями» (Прага, 1924–1926) (сост. Т. Подгаецка), «Русская книга» и «Новая русская книга» (Берлин, 1921–1923) (сост. М. Шруба), «Новоселье» (1942–1950, Нью-Йорк; Париж) (сост. и автор вступит. статьи В. Хазан). Особый интерес не только для исследователей эмигрантской псевдономастики, но и для широкого круга историков и филологов представляет «Список доступных в Интернете периодических изданий русского зарубежья 1917–1945 гг.» (сост. О. Коростелев и М. Шруба). На сегодняшний день это — наиболее полный свод до того разрозненных сведений о доступных в Интернете в оцифрованном виде газетах и журналах русской эмиграции. В этом качестве он будет в обозримом будущем служить незаменимым пособием.

В целом сборник «Псевдонимы русского зарубежья» адекватно представляет современное состояние изучения проблемы, демонстрируя как свои сильные стороны (в особенности в тех случаях, когда исследователь опирается на широкий круг архивных источников), так и лакуны, требующие заполнения. Эмигрантская псевдонимистика — область, предполагающая коллективные усилия (и в широком географическом диапазоне) по своему изучению. Потому бесспорным достоинством сборника является демонстрация работы международной группы исследователь. Предшествующий опыт по подготовке и изданию материалов редакционного архива журнала «Современные записки» позволяет надеяться, что и нынешний сборник станет прологом для дальнейших систематических публикаций.

© 2017 г. М. В. Ефимов

T. PAPADEMETRIOU. Render unto the Sultan. Power, Authority, and the Greek Orthodox Church in the Early Ottoman Centuries. Oxford University Press, 2015. 256 p.

Т. ПАПАДИМИТРИУ. Воздайте султану: сила, власть и Греческая православная церковь в начале существования Османской империи

Книга американского историка Тома Пападимитриу [1] является очередным шагом в изучении поствизантийского греческого мира. До середины XIX в. образованная Европа пренебрегала наследием Византии, считая ее лишь закатом античной греко-римской цивилизации. Еще меньше внимания уделялось истории греческого народа после XV в.: господствовало убеждение, что греческая культура полностью выродилась и перестала существовать, а ее носители были лишь малограмотными слугами османских хозяев. Эти взгляды сыграли свою роль при формировании греческой национальной и государственной идеологии в начале и середине XIX ст., когда английские и немецкие филэллы старались возродить античную Элладу, а жителей Греческого королевства воспитать в духе наследников древней греческой культуры. С зарождением и развитием византиноведения в Европе и России во второй половине XIX и XX в. миф о несостоятельности византийской цивилизации был полностью изжит. Сложнее обстояло дело с цивилизацией поствизантийской: мало кто воспринимал ее всерьез до второй четверти XX в., когда классическая книга румынского историка Николая Йорги впервые привлекла к ней внимание европейской науки [2]. Однако и в последующие годы поствизантийские исследования оставались в тени, уступая место масштабным публикациям по истории Византии. Лишь в последние десятилетия усилиями, главным образом, восточноевропейских ученых публикация источников и штудии по истории греческого народа эпохи туркокрации заняли заметное место в историографии. Однако и здесь еще предстоит долгие годы работы по преодолению застаревших стереотипов и созданию объективной картины исторического развития. Трудности на этом пути возникают двоякого рода. Во-первых, отсутствие согласованности работы тюркологов и эллинистов: в первую очередь из-за незнания одного из двух

основных языков, исследователи не могут ознакомиться с источниками, что неизбежно приводит к односторонней оценке событий и попросту к вынужденному игнорированию материала. Во-вторых, до недавнего времени история греческого народа XV–XIX вв. была полем исследования в основном турецких или греческих ученых, которые рассматривали ее в русле традиционных национальных историографических подходов, далеких от объективности. Лишь в последние десятилетия появляются публикации, авторы которых стараются преодолеть сложившееся клише и найти новый подход к истории Восточного Средиземноморья XV–XIX в. [3]. Рецензируемая монография принадлежит как раз к этому новому поколению исследований.

Во введении [1. С. 3–18] Т. Пападимитриу ставит свое исследование в контекст существующей историографии. На примере одного яркого эпизода из патриаршей хроники – попытке самоубийства патриарха Иоасафа (1464–1466) и истории Георгия Амируциса, бывшего прото-вестиария Трапезундской империи – автор заявляет о неприемлемости традиционного подхода представления истории исследуемого периода в черно-белых тонах. Действительность «темного периода» в истории греческого народа, говорит он, была гораздо ярче и разнообразнее. Единственный способ разобраться в истории церкви османского времени, на его взгляд, это не пытаться объяснить то или иное событие само по себе, а изучить его сквозь призму взаимоотношений с османской властью. Греческую общину следует рассматривать не как изолированное меньшинство, а в контексте османского общества в целом.

В первой главе монографии [1. С. 19–62] Т. Пападимитриу обращается к критическому обзору литературы о системе миллетов, этом «краеугольном камне» исторической науки об отношениях Османского государства к христианам. Начало этому институту

было положено еще в VII в., когда в ходе завоевания немусульманских народов был выработан статус для «людей книги». В эпоху анатолийских эмиратов эта система продолжила развитие в отношениях эмиров и христианских епископов. Новое освещение она нашла в период османской экспансии. В этой связи автор сразу высказывает сомнение в том, что содержание этого понятия могло оставаться неизменным на протяжении веков.

Основанополагающим событием для будущего статуса христиан в Османской империи традиционно считается встреча султана Мехмеда Завоевателя с патриархом Геннадием Схоларием. В большинстве исследований по истории православной церкви под османским владычеством говорится о том, что султан даровал патриарху статус этнарха, миллет-баши, соединившего, таким образом в своем лице духовную и гражданскую власть. В русской историографии эта идея последовательно разработана в монографии Соколова [4]. Отмечу мимоходом, что книга, безусловно заслуживающая почетного места в истории науки, к настоящему времени должна быть признана в значительной мере устаревшей — не только в силу пересмотра основных теоретических положений, но и крайней тенденциозности и избирательности в подборе и анализе материала. Между тем, внимательное прочтение хроник, освещающих это событие, показывает, что подобная интерпретация является позднейшим наслоением и отражает практику не середины XV, а XVI и последующих столетий. Подробное перечисление прав и привилегий патриархата под османским владычеством, приведенное С. Рансимэном и с его легкой руки повторяемое историками, основано на берате 1789 г. и никак не может отражать реалий середины XV в. Вместе с тем, как греческие, так и турецкие хронисты говорят о том, что первоначально гражданская власть в Константинополе, по замыслу султана Мехмеда, должна была принадлежать Луке Нотаре, и только спустя некоторое время связи с венецианцами и оппозиционным Чандарли Халиль пашой привели к его устраниению и казни, за чем, по всей вероятности, последовали уже переговоры с патриархом.

Начиная с 1930-х годов, продолжает автор, старый анахронистический подход к источникам уступил место более внимательному изучению документов в историческом контексте. Длившаяся не одно десятилетие дискуссия о филологическом значении и употреблении терминов

«миллет» и «миллет-баши» и народов в пользу их позднего появления, не привела, тем не менее, к убеждению, что эти понятия следует возводить к XVII и даже первой половине XIX в. и тем более связывать их с эпохой Танзимата. В результате изучения текстов бератов, а также источников по системе тимаров исследователи пришли к выводу, что проникновение различных форм зависимости от турок осуществлялось постепенно. Готовность христиан служить османам, зачастую сопряженная с принятием ислама и последующим отуречиванием, были процессами, начавшимися задолго до падения Константинополя и глубоко затронувшими все слои общества.

После обзора существующей литературы в ее связи с текстами источников, Т. Пападимитриу переходит к основной части своего исследования. Во второй главе, которую, вслед за Х. Иналджиком, он называет «Истималет, османские методы завоевания и Греческая православная церковь» [1. С. 63–106], он излагает историю постепенного вытеснения турками православного населения Малой Азии. Отталкиваясь от исследований византинистов (С. Вриониса, Н. Икономидиса и др.), Т. Пападимитриу пытается заново прочесть известные греческие источники (преимущественно тексты хроник и патриаршие акты), дополняет их источниками турецкими и доказывает свой основной тезис: православные епископы, начиная с Григория Паламы, находили благоприятный прием у турецких эмиров, зачастую вступали с ними в сотрудничество и волей-неволей начинали делить с ними доходы от земель. В 1340 г. Матфей Эфесский фактически покупает себе у Умур паши право на кафедру; немного позднее такие случаи появляются во Фракии. Иногда православные епископы пользовались покровительством турецких властей в борьбе со своими соперниками в церкви. Константинопольский патриарх Матфей I (1497–1510) пытался вести переговоры с султаном Баязидом, осаждавшим Константинополь, о сохранении за собой престола после вступления в город турок. Подчинение церкви османской власти происходило, таким образом, постепенно. На уже завоеванных территориях османы широко использовали практику тимаров — аналога византийской прони — и наделяли монастыри землями. Собственность церкви была со временем почти повсеместно переведена в разряд вакуфов, то есть приравнена к льготным, освобожденным от налогов

землям духовных и благотворительных учреждений. Особое место занимали монастыри Афона, которые в османское время играли роль своеобразных банков, пользуясь защитой и покровительством османской власти. Монастыри делили с османскими правителями подать (харадж), собираемую ими с крестьян. Основной вывод, к которому приходит Т. Пападимитриу в этой главе, состоит в том, что патриарх, как и другие иерархи, воспринимался османскими властями не как глава народа или православной общины, а как главный чиновник по сбору налогов, и отношения с властями у него были в первую очередь чисто материально-го характера.

Этот тезис, бросающий вызов традиционной литературе по истории греческой церкви под османским владычеством, получает детальную разработку в следующей главе исследования [1. С. 107–178]; она посвящена функции патриарха как главного сборщика налогов с немусульманского населения. Упомянув о широко известных свидетельствах хроник касательно уплаты пишкеша (налога на инвестицию), который платил каждый следующий патриарх при вступлении на кафедру, Т. Пападимитриу специально останавливается на берате 1483 г., изданном патриарху Симеону. Ему гарантировался ряд прав в обмен на взнос 2000 флоринов в султанскую казну. Патриарх теперь рассматривался как сборщик налогов со всей церкви, в том числе и с христиан, живущих за пределами империи (Россия, Кафа, Крит), и таким образом признавалась экстерриториальность патриархата. Особенно выгодны были для властей случаи борьбы различных группировок христиан за постановку своего кандидата в патриархи (например, низложение Иеремии I в 1523 г. и возведение на престол Иоанникия); сумма взноса тогда возрастала в полтора раза, а при последующем восстановлении на престоле бывший патриарх снова был вынужден ее платить. Постоянные обвинения в симонии касались как уплаты подати в султанскую казну, так и взыскания платы за рукоположение самими архиереями. Весьма примечателен приводимый автором эпизод из жизни того же патриарха Иеремии, который построил монастырь Ставроникиты на Афоне (на собранные им же средства), что можно расценивать как вложение денег и как социальную «страховку». Уже в середине XVI в. сбор денег архиереем упоминается как «вековая традиция» (документ 1544 г., прошение архиепископа Охридского Прохора о разрешении на сбор налогов).

Как заключает Т. Пападимитриу на основании анализа девтергов Дивана XVI в., Константинопольская патриархия на протяжении нескольких десятилетий быстро развивалась как деятельный орган в османской системе налогообложения; специально следует отметить, что власть патриарха при этом была ограничена.

На протяжении XVI в. система откупа налогов посредством церкви стала настолько установившейся практикой, что ни у кого не вызвало удивления, когда в 1551 г. некий папа Яннис с о. Карпатос явился в Диван с предложением стать епископом вдовствующей кафедры, и после уплаты шести золотых флоринов получил берат с обязательством собирать налоги со своей епархии. Показательно, что рядовыми сборщиками налогов могли быть как христиане, так и мусульмане. В случаях конфликта патриарха с митрополитами он мог и лично выступать в качестве сборщика. Так, в апреле 1574 г. патриарх Иеремия II сам, в сопровождении только одного янычара, собирал налоги в европейских епархиях. На основании документов султанских архивов Т. Пападимитриу составил таблицу доходов духовенства различных греческих епархий от совершения треб, водоосвящения, венчаний и отпеваний, престольных праздников и пр. Значительная часть этих денег выплачивалась в виде налога (харадж); сам термин, говорит автор, предположительно греческого происхождения и, вероятно, первоначально означал добровольное подношение заинтересованных лиц султану за смену патриарха. В этой связи автор подчеркивает два важных аспекта берата: во-первых, он определял размер налога и предупреждал злоупотребления со стороны властей; во-вторых, обязывал население платить налог в этом определенном размере. Более того, османские власти сами принимали участие в контроле сбора налогов и могли наказывать митрополитов, применяющих насилие в отношении своей паствы.

В следующей главе, «Конкуренция и коррупция» [1. С. 179–213] Т. Пападимитриу обращается к другой немаловажной стороне функционирования греческого общества в османском государстве, а именно роли элиты, богатых греческих купцов в церковной жизни. Здесь он подробно повествует о самой известной фигуре среди фанариотов XVI в., Михаиле Кантакузине, богатейшем землевладельце, собственнике соляных промыслов на Черном море, поставщике мехов из Москвы к султанскому двору. В период с 1522 по 1584 г. пять из десяти константинопольских патриархов

были поставлены при помощи семьи Кантакузинов и пользовались их финансовой поддержкой. Финансовые обязательства были взаимными: патриарх Митрофан III платил Михаилу Кантакузину 2000 дукатов в год, а когда тот потребовал удвоить эту сумму, то получил отказ. Патриарху пришлось обратиться за поддержкой к другим влиятельным лицам в империи, в том числе к дону Жозефу Наси, в руках которого находился контроль за виноторговлей; весьма любопытными являются обязательства к охране прав евреев, которые патриарху пришлось принять в этой связи.

В заключении [1. С. 214–219] Т. Пападимитриу подводит итоги своего исследования и еще раз настоятельно рекомендует отказаться от традиционной концепции системы миллетов как основы взаимоотношений османской власти с христианскими подданными империи. Эта концепция, подчеркивает автор, предполагает чисто политические мотивы борьбы за власть и сферы влияния и не учитывает экономической подоплеку отношений. Взамен он предлагает рассматривать патриархат как эффективную систему налогообложения православного населения. Собирая в пользу казны взносы с христиан, церковные иерархи взамен получали от правительства гарантии своего собственного благосостояния и безопасности. Завершается монография списком терминов, внушительной библиографией и именованным указателем.

Оценивая монографию Т. Пападимитриу в целом, нельзя не отметить ее исключительную важность как успешную попытку пересмотреть сложившийся в исторической литературе ошибочный стереотип об изолированности христианской общины в Османской империи. Наиболее ценной в этом отношении, на мой взгляд, является вторая, центральная глава книги, в которой автор на основании данных османских архивов убедительно показывает экономические взаимоотношения представителей церкви с мусульманскими властями. Несомненно удачным следует признать проведенный критический анализ литературы в первой главе. Вместе с тем, будучи тюркологом, автор акцентирует внимание преимущественно на османских источниках; источники греческие у него ограничиваются поствизантийскими хрониками и некоторыми опубликованными актами. Это неизбежно приводит к односторонности: ведь наряду с чисто материальными интересами, нельзя отрицать, что представители церкви, равно

как и миряне-фанариоты руководствовались мотивами религиозного характера; жива была и историческая память о византийском прошлом. Иначе трудно было бы объяснить происшедший двумястами годами позднее подъем патриотизма и национально-освободительного движения. Зачем было иерархам и представителям фанариотских семей рисковать своей жизнью, если система откупа налогов удовлетворяла все заинтересованные стороны? Неужели патриарх Досифей Иерусалимский в течение нескольких десятилетий вел переписку с русским царем только из финансовых соображений? Если исключить, подобно автору настоящей монографии, все движущие силы, за исключением мотивов взаимной материальной выгоды, то откуда взялись в истории факты насильственной исламизации и как объяснить то, что богатые слои греческого общества за 400 лет не приняли поголовно ислам?

К сожалению, за пределами исследования остались взаимоотношения константинопольских патриархов с валахскими и молдавскими боярами и воеводами, а также с московским двором. Вскользь упоминая о сборе податей за пределами империи, Т. Пападимитриу ничего не говорит о потоке жертвованных из России в XVI–XVII вв., который, конечно, тоже сыграл важную роль в финансовой системе Османской империи изучаемого периода. Полным молчанием обойден сюжет поездки Иеремии II в Россию и последствия этого путешествия. Концентрируя внимание главным образом на англоязычной литературе, автор игнорирует большой пласт исследований и публикаций, осуществленных русскими, греческими, а также румынскими и французскими историками.

© 2017 г. Л. А. Герд

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Papademetriou T.* Render unto the Sultan. Power, Authority, and the Greek Orthodox Church in the Early Ottoman Centuries. Oxford University Press, 2015.
2. *Jorga N.* Byzance après Byzance: continuation de l' "Histoire de la vie Byzantine". Bucarest, 1935.
3. *Αποστολόπουλος Δ.* Το Νόμιμον της Μεγάλης Εκκλησίας 1564–1593. Αθήνα, 2010; Επιστομή. Παράδοση. Σχολιασμός Εκδ. Αποστολόπουλος Δ., Παίσιη-Αποστολοπούλου Μ. Αθήνα, 2013.
4. *Соколов И. И.* Константинопольская церковь в XIX в. СПб., 1904.

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ КАРЛУ IV ЛЮКСЕМБУРГУ

В Москве прошла научная конференция «Карл IV Люксембург и Европа XIV в.», посвященная 700-летию со дня рождения и 670-летию его коронаций чешской и германской короной. Организаторами конференции выступили Институт славяноведения РАН, Институт всеобщей истории РАН, Чешский центр в Москве и Общество братьев Чапек в Москве. Так организационно сложилось, что конференция состоялась 29 ноября 2016 г., в день 638-й годовщины смерти великого монарха.

Карл IV Люксембург (1316–1378) – король Чехии и император Священной Римской империи – ключевая фигура политики и культуры европейского позднего Средневековья. Государственный деятель, выработавший новую концепцию верховной власти, писатель, меценат, способствовавший расцвету готики в Центральной Европе, он оказал огромное влияние на развитие всей Европы и особенно своего родного Чешского королевства. Наиболее полное значение Карла IV раскрывается в наши дни. В юбилейный год посвященные ему конференции и общественно-культурные мероприятия прошли не только в Чехии, но и в ряде других стран Европы. Московская конференция как бы завершала эту эстафету. Она имела целью представить современный анализ многогранной деятельности Карла IV в контексте европейской истории и культуры XIV в., а также в чешской и немецкой исторической и художественной традиции.

К сожалению, в России Карл IV Люксембург известен недостаточно, даже нет ни одной его популярной биографии, хотя бы переводной. Поэтому его роль в политическом и культурном развитии Чехии и Европы нуждается у нас в подробном освещении, соответствующем масштабу его деятельности. Одной из целей московской конференции было привлечение внимания российской научной общественности к фигуре Карла IV как одного из самых выдающихся и многогранных деятелей европейской политики и культуры прошлого.

Конференция открылась приветствиями заместителя Посла Чешской Республики в России П. Кроужека и директора Чешского Центра М. Гавличека. С приветственными словами, отмечавшими большое значение Карла IV, выступили зам. директора Института славяноведения РАН д-р ист. наук О. В. Хаванова, зав. отделом истории Средних веков и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, член-корр. РАН, сопредседатель оргкомитета конференции П. Ю. Уваров, председатель оргкомитета конференции, канд. ист. наук, ведущий научн. сотрудник Института славяноведения РАН Г. П. Мельников.

Во вступительном докладе «Карл IV и его значение в истории, идеологии, культуре XIV в. и в чешской историко-культурной традиции» *Г. П. Мельников* осветил современное состояние научных исследований на эту тему, подчеркнув

общеевропейский масштаб деятельности Карла IV, специфику его идеологии власти, ее христианские корни. Он также дал общую характеристику неоднозначным интерпретациям фигуры Карла IV в различные периоды чешской истории. Докладчик подчеркнул, что сейчас именно Карл IV считается самым великим чехом как самим чешским обществом, так и чешской наукой.

В докладе одного из крупнейших современных исследователей культуры эпохи Карла IV *Я. Ройта* (Прага, Карлов университет) «Сакральные интерьеры замка Карлштейн» были раскрыты идеологемы религии и власти, детерминировавшие придворное искусство того времени, что наглядно продемонстрировала презентация специально сделанных слайдов. (В отсутствие автора свой перевод доклада зачитал и презентацию провел Г. П. Мельников.)

В докладах известных московских медиевистов анализировались различные аспекты международной политики Карла IV, восприятие его деятельности и самой его персоны. *М. А. Юсим* (ИВИ РАН) остановился на изображении императора в хрониках Флоренции. *С. К. Цатурова* (ИВИ РАН) дала анализ взаимоотношений французского дофина Карла Валуа с императором Карлом Люксембургом. *М. А. Бойцов* (ВШЭ) акцентировал политическую стратегию Карла IV в контексте представлений о традиции императорской власти. *Н. А. Селунская* (ИВИ РАН) в докладе «Религиозность XIV в.: Италия времен “Черной смерти”» осветила контекст формирования религиозных взглядов молодого Карла Люксембурга. Молодые медиевисты сосредоточились на патримониальных аспектах. *Н. Н. Наумов* (МГУ) осветил взаимоотношения между Карлом IV, его сыновьями и маркграфами Майс-сенскими. *А. А. Майзлиш* (ИВИ РАН) проанализировала состояние княжества Люксембург как родового гнезда династии. *Л. М. Гаркуша* (Москва) раскрыла отношения отца и сыновей и последствия завещания Карла IV для Империи и Чешского королевства.

Собственно богемистическая часть конференции была тематически весьма многообразна. Известный специалист по культуре св. Вацлава *М. Ю. Парамонова* (ИВИ РАН) подробно проанализировала «Житие св. Вацлава» – сочинение самого Карла IV. Известный лингвист и переводчик *С. С. Скорвид* (ИСЛ РАН, РГГУ) обратил внимание на малую известность в России чешской средневековой литературы. *И. И. Бучанов* (ИНИОН РАН) осветил деятельность радикальных проповедников – предшественников чешской реформации, подвизавшихся в Праге в эпоху Карла IV и находивших у короля определенную поддержку. *А. М. Ланцева* (Ин-т славянской культуры РГУ им. А. Н. Косыгина) остановилась на формировании и развитии в Средние века в Чехии такого специфического жанра духовной музыки, как роратные песни.

Заключительные доклады были посвящены интерпретациям образа Карла IV в художественной культуре последующих веков. *Г. П. Мельников* проинформировал о забытой опере XVIII в. (Игнац Хольцбауэр «Гюнтер фон Шварцбург»), в которой Карл Люксембург представлен прежде всего как герой-любовник. Образ Карла IV в чешском кинематографе, в котором он присутствует явно недостаточно, осветила *В. С. Левитова* (журнал «Киноведческие записки»).

Конференция сопровождалась культурными мероприятиями, организованными Чешским центром в Москве: панельной фотовыставкой, подготовленной Чешским центром в Праге при участии ведущих чешских специалистов, и демонстрацией новейшего кинофильма о Карле IV.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВРАЗИЙСТВО – ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ – ЕВРАЗИЙСТВО: ВАРИАНТЫ РАЗОЧАРОВАНИЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПУТИ РАЗВИТИЯ»

У евразийства есть корни и крона, которая со временем обретает новые формы и смыслы. О современной конфигурации «кроны», о споре философов и политиков, о том, что сблизило и напротив – развело их позиции в XXI в., шла речь на научной конференции «Евразийство – евроскептицизм – евразийство: варианты разочарований в европейском пути развития» в Институте славяноведения (ИСл) РАН.

С этого и начал дискуссию директор Института, д-р ист. наук *К. В. Никифоров*: «Слово “евразийство” у всех на слуху, оно стало модным. Но не всегда понятно, о чем идет речь – в него вкладывают совершенно разные значения».

И дело даже не в конкретном научном диспуте, а в предпринятой в Инславе новой и весьма конструктивной попытке приблизиться к решению вековой проблемы.

Появление термина «евразийство» связано с русской эмиграцией как поиск ответа на вопрос: что есть и куда ведет русская революция? Ответ виделся в том, что Россия все-таки не совсем Европа, она – особенная, стало быть, и путь ей предназначен особый. К этому близки суждения о специфической русской цивилизации. Было здесь, конечно, и разочарование в европейской модели развития, что, в известной мере, оправдывало срыв России в революцию, отметил Никифоров. Все послевоенное развитие Восточной Европы (иначе говоря, Восточного блока) в какой-то степени происходило в рамках евроазиатской парадигмы. Отсюда и сила отката, столь ощутимая во время «бархатных» революций. Страны «реального социализма» отказались от союза с евразийским СССР; европейские республики СССР – от союза с евразийской Россией. Отказ от евразийскости в пользу европейского вектора развития (правда, в меньшей степени) ощущался и в самой России. Но и здесь ожидания превзошли результат.

Нынешние евразийские экономические объединения на постсоветском пространстве, продвигаемые Россией, также возникли как альтернатива неудавшегося европейского вектора развития. Насколько эта замена, этот поворот на Восток окажутся долговечными, покажет время. Евразийские идеи, отметил Никифоров, весьма популярны в центральноазиатских республиках, в частности, в Казахстане, где, к примеру, по инициативе Н. Назарбаева, появился Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева. Но смысл здесь принципиально иной: евразийство продвигает центральноазиатские страны в сторону Европы, в то время как Россию – в Азию.

На евразийство, впрочем, Россия обречена уже в силу своего географического положения. Отсюда и основной посыл дискуссии: от первоначального евразийства – к евроскептицизму и евразийству новому – преимущественно экономическому. Хотя одно из другого напрямую не вытекает. «Это всего лишь разные варианты еврозаочарования», – полагает ученый.

Корням евразийства, во многом не исследованным, был посвящен доклад д-ра ист. наук *В. И. Косика* (ИСл РАН).

Так, что такое евразийство в его изначальном понимании? По мнению д-ра ист. наук *Е. П. Серапионовой* (ИСл РАН), это, пожалуй, единственное *новое* идейно-политическое течение, появившееся в среде русских эмигрантов после революционной волны. Возникло в начале 1920-х годов в Софии и довольно быстро распространилось, в основном, среди молодого эмигрантского поколения – в Праге, Париже, Берлине. Отцы-основатели: кн. Николай Сергеевич Трубецкой, лингвист, философ, публицист, сын ректора Московского университета, опубликовавший в Софии в 1920 г. книгу «Европа и человечество», где резко критиковал европоцентризм (к этому времени уже зрелому основоположнику едва минуло тридцать); Петр Николаевич Савицкий, географ, экономист, культуролог, философ и поэт, сын уездного предводителя дворянства, члена Госсовета Российской империи, развивший эти идеи с точки зрения геополитики (на пять лет моложе своего единомышленника).

Что подвигло молодую интеллектуальную поросль к подобным раздумьям? Причин немало: война, революция, изгнание, личное восприятие европейской действительности и при этом максималистское осознание российской «особости»... Они вели активную издательскую деятельность, читали лекции. Но учение не обрело организационного устройства, хотя в 1930-е годы была предпринята попытка создать евразийскую партию. С самого начала идеи евразийцев вызывали резкую критику, как справа (Струве, Шульгин), так и слева (Милюков, Кизеветтер, Евреинов).

Был ли это конфликт «отцов и детей»? В известной мере. Во всяком случае, критиками евразийства стали представители более зрелого поколения эмигрантов, расценившие вызов молодежи как наступление на традиционные ценности. Как отметила Серапионова, оппоненты считали, что восприятие России как Евразии, «особого географического мира», экономически самодовлеющей величины, как неевропейской страны с сильным азиатским влиянием – все это направлено на отрицание полезности европейских государственно-политических форм. Критики обращали внимание на вульгаризованное восприятие евразийских идей в эмигрантской среде. Вот позиция Шульгина: «Раздраженный и озлобленный беженец ненавидит мир, в котором живет, и не замечает, что “гнилой” Запад, несмотря на все свои недостатки, все еще существует и устоял на своих западных достижениях».

Влияние евразийства на современную экономическую политику исследовал главный экономист Евразийского банка развития (ЕАБР), д-р эконом. наук *Я. Д. Лисоволик*: «Теория евразийства, согласно которой в основе развития России должно лежать то, что отличает ее от других стран, а именно – география, история, культурные и экономические особенности, внесла важный вклад в формирование идеи трансконтинентальных альянсов и экономического взаимодействия между Европой и Азией. Экономическое наследие евразийцев содержит важные суждения о роли государства и частного сектора в экономике, о моделях экономического развития и возможностях их использования в России [...] Такого рода видение сегодня во многом реализуется в создании Экономического пояса шелкового пути (ЭПШП) и сопряжения с ним Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и других евразийских континентальных проектах».

В этой связи можно обратиться к работе Трубецкого «Мысли об автаркии», где он пишет о системе «особых миров»/регионов как основных элементах системы мирового хозяйства. Как отметил Лисоволик, пророческими стали и рассуждения Савицкого о больших возможностях океанических стран по сравнению с континентальными по созданию своих интеграционных групп. Сегодня это

подтверждают проекты создания Транстихоокеанского и Трансатлантического партнерств...

Классики неизбежно претерпевают конфликт с современниками. В кроне классического евразийства появился молодой, набирающий силу побег – евроскептицизм. Причиной тому – разочарование. В чем?

Как отметила д-р ист. наук *Э. Г. Задорожнюк* (ИСл РАН), страны-лидеры – и Запада, и Востока, определились по своему весу и качеству противостояния. Для периода 1914–1945 гг. это были Российская империя/СССР, с одной стороны, и романо-германский/германский мир – с другой. В конце XX в., после распада Советского Союза, казалось, что фигуры противостояния раз и навсегда сметены. Но оно, увы, возобновилось. Определилось *новое* противостояние, по сути, тех же, хотя и трансформировавшихся, ключевых фигур: носителей евразийского начала, с одной стороны, и евроатлантического – с другой. При этом выяснилось, что у современных евразийцев в России (точнее – неоевразийцев) есть латентные приверженцы в поясе стран между Балтикой и Адриатикой – евроскептики.

По мнению Задорожнюк, евроскептицизм усиливался по мере краха упований на единую Европу, которую толкают к реализации евроатлантического проекта под зонтом США (во всяком случае, так было до выборов нового американского президента). Начала этого процесса просматривались в послевоенном экономическом плане Маршалла, не говоря уже об образовании НАТО. Трансформации в странах ЦЮВЕ после революций конца 1980-х годов дали новые импульсы развитию евроатлантизма, что совпало по времени с распространением идеи о том, что объединенная Европа приведет свои народы к процветанию. Но «выровнять уровни» Южной Европы со странами Европы Северной и Центральной Евросоюзу так и не удалось. Глобальный кризис 2008 г. лишь усугубил ситуацию. Следствие очевидно: новая попытка создания единой Европы не удалась, что усиливает настроения евроскептицизма во всех его национальных вариантах и разновидностях.

Кризис 2008 г. считает ключевым моментом и *Ф. А. Лукьянов* (председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, директор по научной работе Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай»). Именно тогда произошел поворот от концепции единой универсальной мировой системы, какой она виделась после холодной войны, к идее «спасайся, кто может, каждый за себя». И в какой-то мере сенсационная победа Трампа – это аналог того, что произошло осенью 2008 г. Между этими событиями был переходный период, когда экономические процессы разворачивались в сторону изменения характера глобализации, а политическая оболочка оставалась прежней. То есть если раньше наблюдалась рыночная коррекция, то теперь – политическая, адресованная идеологии универсальной глобализации. «Имитация западной либеральной модели, ставшая модной на европейской периферии, особенно ярко проявилась в ЦЮВЕ и на постсоветском пространстве – имитация того, что ты можешь находиться в западном тренде. Теперь наступает момент, говоря рыночным языком, фиксации прибыли [...] В политическом плане – это заявка на иное структурирование мира», – полагает Ф. А. Лукьянов.

Канд. эконом. наук *Л. Г. Абрамов* (замдиректора 4-го Европейского департамента МИД РФ) в этом контексте выстраивает парадигму: «евроинтеграция – поликризис – уроки для евразийства». По его мнению, процессы европейской и евразийской интеграции начались благодаря сходной мотивации

элит стран-основателей – в непростых исторических условиях внешнего давления обеспечить национальному капиталу суверенное и независимое развитие. Что теперь? Евразийская интеграция оказалась на распутье: она нуждается в формировании органичной идеологии и методов, соответствующих объективным условиям и потребностям стран-участниц. В свою очередь, принимаемые Брюсселем решения все в большей мере не соответствуют интересам отдельных стран ЕС. Так что такое «интеграция интеграций»: популистский лозунг или выход из имеющихся противоречий? Ответа, увы, пока нет.

Есть и другой вопрос: неоевразийство – это в принципе иллюзия или реальность? Об этом рассуждал д-р ист. наук *Б. А. Шмелев* (Институт экономики РАН), припоминая, что в начале 1990-х годов в России шла широкая дискуссия, главным посылом которой стал тезис: евразийство – чистая архаика, наш путь – на Запад. К концу десятых годов XXI в. стало очевидно: отношения с Западом буксуют. Точки над «i» расставил украинский кризис. Идеология и практика нынешнего евразийства, по мнению Шмелева, должны рассматриваться через призму глобализации, которая, как ни парадоксально, развивается через регионализацию: «Примеров тому немало: ЕС, АСЕАН [...] Но Россия находится здесь в проигрышном положении. Мы должны были создать свой интеграционный проект. И Москва начала разворачиваться к постсоветскому пространству. Но поезд ушел: Россия не может сейчас играть роль системного интегратора. Постсоветские страны нуждаются в новых технологиях – у нас их нет. Им нужен новый менеджмент – у нас его тоже нет [...] Наконец, у нас нет четкой идеологии самого неоевразийства».

А что европейская периферия? Тот самый Восточный блок, который начинал с евразийства «по-советски», а теперь переживает мучительный приступ пессимизма «по-европейски»? Впрочем, и тут не обойтись без возвращения к корням.

Эпоха политических «европейских разочарований» началась в этих странах намного раньше – одновременно с увлечением евразийством (хотя и недолгом). Канд. ист. наук. *А. С. Стыкалин* (ИСЛ РАН) напомнил в этой связи о реакции венгерского общества на заключение Трианонского мирного договора 1920 г., определившего место страны в новой системе международных отношений.

«Дотрианонская» Венгрия была многонациональной страной, в которой венгры, тем не менее, составляли половину населения. После Трианона историческая Венгрия лишилась не только части своих территорий, но и многих тысяч граждан титульной нации. Восторжествовала французская концепция переустройства Центральной Европы, которая исходила из максимального ослабления Венгрии как потенциального союзника Германии. Ставка делалась на страны Малой Антанты. Одна лишь Румыния обрела территории, превышавшие по площади посттрианонскую Венгрию. Был ли неожиданным столь радикальный пересмотр границ? Известно, что венгерская половина монархии была раздираема межнациональными противоречиями, тем не менее, масштабы передела границ превзошли все ожидания. Условия Трианонского договора показали крайне несправедливыми даже той либеральной части венгерского общества, которая критически относилась к политике насильственной мадьяризации, проводимой венгерскими правительствами эпохи дуализма на контролируемых ими землях.

«С точки зрения внутренней политики лозунг ревизии Трианонского договора имел огромное консолидирующее значение для широкого спектра политических сил (от крайне правых – до умеренно левых), став на два десятилетия важнейшим инструментом достижения национального единства. На Трианон и связанное

с ним национальное ущемление легко можно было списать все недостатки системы и злоупотребления властей», — отметил А. С. Стыкалин. С точки зрения концепции, которой придерживались премьер-министр граф И. Бетлен и бессменный министр культуры граф К. Клебельсберг, Венгрия оставалась страной западноевропейского культурного ареала: венгры должны утвердить себя как бастион высокой европейской культуры в Дунайско-Карпатском регионе и доказать свое культурное превосходство над славянскими народами и румынами. Но было и другое течение в венгерской политической мысли, которое возникло еще задолго до Трианона, но заметно усилилось в 1920-е годы. Его сторонники говорили о предательстве Запада, предлагали задуматься о принадлежности венгров не только к Западу, но и к Востоку, сосредоточиться на поисках евразийских начал в венгерской культуре. Такая концепция имела историческую основу: венгры пришли в Подунавье в IX в. из евразийских глубин. В XIX в. интерес к евразийским корням культуры был поставлен на научную основу: предпринимались экспедиции на территорию Российской империи, устанавливались новые свидетельства глубокого этнического и языкового родства венгров с финно-угорскими народами. «Однако важно подчеркнуть, что понимание восточных традиций явно не сводилось к установлению родства с финно-угорским миром, не породившим никаких великих проектов. Более того, акцент куда охотнее делался на установление родственных связей с тюркским миром, с великими кочевыми цивилизациями Востока», — считает А. С. Стыкалин. Такие представления развивались не столько в рамках науки (этнографической и лингвистической), сколько в рамках романтической идеологии и публицистики. Примечательна в этой связи фигура востоковеда А. Вамбери, который был известен не только как ученый с мировым именем, но и как агент британской разведки в Центральной Азии. Еще до 1914 г. было создано Туранское общество, объединявшее не только интеллектуалов, но и политиков, проявлявших интерес к выявлению традиционных связей Венгрии с Востоком и утверждению восточных внешнеполитических ориентаций. Возглавлял это общество одно время граф П. Телеки (не только крупный ученый-географ, но и один из виднейших политиков эпохи Хорти). В 1920-е годы наблюдалось оживление этих тенденций, что проявилось и во внешней политике — в активизации связей с Турцией и Болгарией, которая воспринималась «туранистами» как составная часть не славянского, а тюркского мира и (как и Венгрия) выступала за пересмотр системы границ. К этому можно добавить, что Будапешт становится одним из центров пантюркистской эмиграции из России. «Туранизм» получал определенную поддержку властей и идеологически обеспечивал некоторые направления внешней политики, направленной на пересмотр Трианонского договора.

Что давало силы евроскептицизму до эры социализма? И стала ли последующая принадлежность к Восточному блоку решающим аргументом в пользу этих настроений? Ответ следует искать в глубине веков. Как отметила канд. геогр. наук *Н. В. Куликова* (Институт экономики РАН), ожидания стран, которые ныне именуют европейской «периферией», изначально были иллюзорными, что объясняется, многовековым отставанием. В 1500 г., если оперировать современными показателями, ВВП на душу населения в Восточной Европе составлял 54% от уровня на душу населения в Западной Европе. Потом это отставание постоянно нарастало. К 1913 г. ВВП Восточной Европы составлял уже только 42%. И на этом уровне показатель держался до Второй мировой войны и еще тридцать лет после нее. Потом нарастание разрыва возобновилось.

Но настоящая катастрофа произошла в 1990-е годы. В 2000-е годы, с приходом иностранного капитала, разрыв опять стал уменьшаться. «То есть, объяснять это отставание тем, что страны Восточной Европы после войны пошли по социалистическому пути развития – нонсенс! Примерно на одном уровне отставания от Западной Европы страны Восточной Европы находятся пятьсот лет, независимо от того, по какой модели они развивались», – отметила Куликова. Это первое. Второе: что реально дала евроинтеграция? В случае со странами ЦЮВЕ все непросто. Они добились притока иностранных инвестиций. Но получили их в форме скрытой колонизации. Они рассчитывали обрести новые технологии, но транснациональные корпорации разместили там сборочные производства, создали филиалы со стопроцентным иностранным участием.

Канд. ист. наук *Е. Л. Валева* (ИСл РАН) обратила внимание на любопытную особенность: болгарское общество продолжает оказывать высокую поддержку членству страны в ЕС (71% населения в 2016 г.), хотя в последние годы число евроскептиков и сторонников антиевропейских партий явно растет. Деление болгар на еврооптимистов и европессимистов напрямую связано с традиционным для болгарского общества разделением на русофилов и русофобов. Если же говорить об электорате, то у значительной его части налицо сочетание позитивного отношения и к Евросоюзу, и к России. Это подтвердили прошедшие в ноябре 2016 г. президентские выборы, на которых победил выдвинутый БСП генерал Румен Радев (59% голосов), заявивший что «проевропейская политика не означает антироссийской политики».

Но не все так просто на исторически взрывоопасных Балканах. «Увлечение евразийскими теориями, достаточно популярное в современной Болгарии из-за удивительной склонности к подчинению ее населения любой внешней организованной силе, в Сербии, как и в большинстве остальных постюгославских государств, почти не фиксируется. К настоящему времени можно говорить об устойчивом отторжении этой идеи в сербской интеллектуальной элите. Попытки российских сторонников евразийской идеи находят некоторый отклик лишь на интеллектуальной периферии», – считает канд. ист. наук *А. Б. Едемский* (ИСл РАН). Идеи евразийства не затронули интеллектуалов Югославии в межвоенный период, несмотря на пребывание в регионе российских эмигрантов-евразийцев и покровительство правящей династии Карагеоргиевичей российской эмигрантской мысли. Дихотомия Запад – Восток уже не является доминирующей во взгляде сербов на современный мир. Вместе с тем мистические представления святителя Николая Сербского о неразрывной связи сербов и России продолжают доминировать в отношении взглядов на Россию. Но эти взгляды так и не трансформировались в единодушное устремление сербов к миру Евразии как единственно спасительной идее. Сербы продолжают воспринимать Россию как дружественную страну, а ее народ – как братский в рамках традиционной многовековой православной общности, борьбы за свободу и независимость против общих угроз и противников. В последнее время это находит отражение в совместных с российской армией военных учениях под названием «Православное братство», а также в участии военнослужащих Республики Сербии в Параде победы на Красной площади в Москве.

Невосприимчивость в Сербии к традиционному евразийскому учению и современной версии ее российских адептов объясняется многовековой историей борьбы сербского народа за собственную государственность против турецкой угрозы в ее различных инкарнациях. «Османская империя воспринималась именно как евразийская держава – угроза православной идентичности

сербского народа. В титовский период к этому восприятию Евразии добавилось и устойчивое отторжение сталинского опыта советской России в результате советско-югославского конфликта 1948 г. Не следует забывать, что и у самого Й. Броза Тито имелся определенный опыт проживания в Евразии в 1915–1917 гг., в том числе и на Урале», – отметил Едемский. Вместе с этим европейская перспектива развития Сербии – весьма устойчива и связана, прежде всего, с двухсотлетней традицией обучения ее научной и государственной элиты в ведущих центрах Европы. К тому же и Россия воспринималась всегда как близкая православная держава, но именно – как страна европейская. К настоящему моменту европейский путь Сербии, выбор курса на интеграцию в Евросоюз, сделанный в самом начале XXI ст. в условиях однозначного геополитического одиночества и угрозы геоэкономической изоляции, принято считать базальтернативным. Хотя и голос евроскептиков в последнее время звучит более определенно: в Сербии заметен интерес к поиску контрбаланса ярко выраженным в Юго-Восточной Европе тенденциям евроатлантической интеграции.

Вывод, по мнению ученого, напрашивается парадоксальный: об относительном росте популярности евразийства в Сербии (хотя и с большим допущением) можно рассуждать лишь в связи с геоэкономической активностью Китая в регионе Центральной и Восточной Европы. Прежде всего, в связи с намерением Пекина возродить Шелковый путь в виде транспортной артерии Берлин – Пекин, где Сербия оказывается одним из транзитных пунктов. В Белграде считают, что если совместные усилия Казахстана и России по созданию Евразийского союза предпринимаются для последующего взаимодействия с Евросоюзом на более подходящих условиях для Москвы и Астаны, то не следует проявлять особой активности в этом направлении – целесообразнее продолжать переговорный процесс о вхождении Сербии в ЕС. Если же идея евразийской интеграции возобладает как единая (пока в ней присутствуют несколько группировок), то будущее доминирование Китая в этом процессе неизбежно. И в этом случае спешить также нет необходимости, так как сотрудничество с Пекином Белград пока достаточно уверенно развивает в рамках проекта Шелкового пути и активизации китайских инвестиций в транспортную инфраструктуру Сербии.

Как отметила д-р ист. наук *Е. Ю. Гуськова* (ИСл РАН), общественное мнение в отношении ЕС в Сербии меняется постоянно. Начиная с 2009 г. количество еврооптимистов падает, а евроскептиков растет. Отношение к ЕС прошло несколько фаз: евроэнтузиазм (2008 – ноябрь 2009 г.) – еврооптимизм (до августа 2011 г.) – мягкий еврооптимизм (конец 2011 г. – 2012 г.) – евроскептицизм (с 2013 г.). Она приводит данные Канцелярии по европейским интеграциям, осуществляющей регулярный мониторинг общественного мнения в Сербии. В октябре 2009 г. «за» ЕС выступали 64% опрошенных, «против» – 14%. В сентябре 2011 г. – 46% и 37% соответственно. (Для сравнения: в сентябре 2002 г. почти 70% населения страны одобряли вступление в ЕС, против были только 12%). В 2012 г. число сторонников членства в ЕС составило 48%, противников 36%. Самое большое число евроскептиков проживают в Белграде, среди них преобладают те, кто родился между 1982 и 1992 гг. Апрельский, 2015 г., опрос общественного мнения показал, что 80,6% населения Сербии не хотели бы видеть свою страну в НАТО. Приоритет отношений с ЕС над отношениями с Россией поддерживали только 13,6% населения. А количество тех, кто хотел бы видеть Сербию в ЕС, снизился до 42,3%. По данным опроса лета 2016 г., 44,5% поддерживали вступление в ЕС, а 43% – нет. Против членства в НАТО выступали 83,7%; за союз с Россией – 71,5%.

«Евроскептицизм возник и сформировался в Сербии после свержения режима С. Милошевича (5 октября 2000 г.) — из-за усталости общества от бесконечности процесса евроинтеграции, постоянного выдвигания Брюсселем все новых условий: от выдачи практически всего руководства Югославии, крайних и боснийских сербов — до ползучего признания отделения Косова. Главной причиной нарастания евроскептических настроений в Сербии стало очевидное отсутствие осязаемой перспективы реального членства страны в Евросоюзе», — считает канд. ист. наук *Г. Н. Энгельгардт* (ИСл РАН). Парадокс современной сербской политики состоит в том, что евроскептические или антиеэсовские настроения, носящие фундаментальный характер, не имеют адекватного политического представительства в парламенте страны. Очередным проявлением этого парадокса стали парламентские выборы 2016 г., на которых в Скупщину прошел было «евроскептический» блок Демократической партии Сербии (ДПС) и движения «Двери», но сторонники премьера Сербии А. Вучича вызвали внутренний кризис в ДПС, приведший к смене руководства партии и развалу партийной фракции. Тем не менее, полагает Энгельгардт, социальный запрос на евроскептицизм в Сербии остается, и нет никаких причин, чтобы он не проявился и на следующих парламентских выборах.

«Накопленный опыт вступления в ЕС или ожидание приглашения в него показывает, что в системе европейских координат странам бывшей Югославии отведено традиционное место “задворок Европы”, которые не нужно серьезно развивать и поддерживать экономически, но при этом они обязаны четко следовать в фарватере тех программ, которые для них разработаны. Неудобные режимы различными способами отстраняются от власти, а полезные поддерживаются и щедро финансируются. Ни о какой экономической или политической самостоятельности речи не идет. В критические же моменты регион фактически берет на себя защитные функции, отфильтровывая все негативное, что не должно проникнуть в ЕС», — прокомментировала ситуацию канд. ист. наук *И. В. Руднева* (ИСл РАН).

Как меняется — и меняется ли — ситуация к северу от традиционно беспокойных Балкан? Канд. ист. наук *О. Н. Майорова* (ИСл РАН) проследила эту динамику в контексте внешнеполитической концепции польской партии Гражданская платформа, находившейся у власти в 2007–2015 гг. Премьер Д. Туск подчеркивал, что именно Евросоюз и НАТО считаются важнейшей сферой заинтересованности польской внешней политики, но при этом необходимо искать оптимальный баланс между национальными интересами и потребностями европейской интеграции. Акцентирование Туском европейского вектора внешней политики Польши вполне закономерно, считает Майорова. Большинство поляков (65%), несмотря на экономический кризис, положительно оценивали пребывание страны в ЕС. При этом Гражданская платформа высказывалась за «диалог с Россией, такой, какая она есть». Отношения были осложнены в связи с известной авиакатастрофой 2010 г., а также событиями на Украине в 2014 г. Для Польши было важно всеми силами оттянуть Украину от России и помочь ей идти по западному пути развития. Именно поляки были инициаторами программы об ассоциации восточноевропейских стран с ЕС — Восточного партнерства, ставшего одним из ключевых направлений внешней политики страны. Что касается политики в Центральной и Восточной Европе, то здесь Польша претендует на роль регионального лидера. Между тем, отмечает исследовательница, приход к власти в 2015 г. правоконсервативной партии Право и Справедливость (ПиС) означают отказ польского общества от проводившегося с 2007 г.

внешнеполитического курса, направленного на европейскую интеграцию, на поиск компромисса с Россией и Германией.

Канд. ист. наук *В. В. Волобуев* (Исл РАН) акцентировал внимание на различиях во взглядах на европейскую интеграцию между политиками Евросоюза и римским папой Иоанном Павлом II. Ученый показал, насколько большое внимание понтифик уделял духовной (христианской) составляющей европейского единства и как относился к иным, нехристианским, течениям в европейской действительности. «Лидер правящей в Польше партии Право и Справедливость Ярослав Качиньский использует воззрения римского первосвященника в политической практике, из чего вырастает его конфликт с Евросоюзом», — констатировал Волобуев. При этом концепция партии в области европейской интеграции не является евроскептической, а лишь отличной от той, что господствует в данный момент.

К общественным настроениям и политической практике стран Центральной и Юго-Восточной Европы чутко прислушиваются в Киеве. На основе материалов МИД Украины канд. ист. наук *А. А. Пивоваренко* (Исл РАН) провел любопытное исследование. В период с 1 января 2014 г. по 30 октября 2016 г. во внешнеполитическом ведомстве было классифицировано 1239 публикаций, тематически связанных с 11 странами. Из них 273 посвящены Балканам и Юго-Восточной Европе. Страны региона вполне весомо присутствуют в информационной работе МИД Украины наряду с центральноевропейским («вишеградским»), турецким, итальянским, испанским, канадским, иранским, азербайджанским, пакистанским направлениями. В 2014 г. региону были посвящены 116 из 696 публикаций (17%), в 2015 г. — 69 из 305 (23%), в 2016 г. — 88 из 248 (35%). Проведенный Пивоваренко анализ некоторых публикаций и их стилистической направленности дает основания говорить о наличии индивидуального подхода к каждой из стран: «В условиях конфликта с Россией Юго-Восточная Европа становится важным приоритетом в информационной работе украинского МИД, что подразумевает ограничение роли Москвы и создание конкуренции в интеграционном аспекте».

... Что же такое евразийство в XXI в.? Евразия минус Европа? Евразия во главе с экономически окрепшим Китаем? Какое место в евразийском процессе отведено России? Наконец, станет ли евразийство, взгляд на Восток, тем инструментом, который следующие поколения будут рассматривать как конструктивный вариант? Ответ найти непросто. Но есть уверенность, что если на фоне распадающегося европроекта Россия все же продемонстрирует способность предложить некие новые и привлекательные идеи, то перспективы евразийства обретут новую силу. Какие это могут быть идеи? Столетняя дискуссия продолжается.

По итогам конференции в Институте славяноведения РАН готовится коллективная монография.

© 2017 г. *Н. Ю. Калашикова*

Работа выполнена в рамках Комплексной программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы».

К ЮБИЛЕЮ АЛЬБИНЫ ФЕДОРОВНЫ НОСКОВОЙ

25 октября 2016 г. свой юбилей отметила доктор исторических наук главный научный сотрудник Института славяноведения РАН Альбина Федоровна Носкова – крупный специалист по истории Польши XX в.

Окончив кафедру истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, ученица профессора И. М. Белявской начала свою трудовую деятельность в Центральном государственном (бывшем Особом) архиве в должности младшего научного сотрудника. Работа с коллекциями трофейных документов, в том числе и по истории Польши, усилила интерес Альбины Федоровны к проблематике новейшей истории страны и побудила к серьезной научной работе. В 1961 г. она пришла в аспирантуру Института славяноведения АН СССР. В руководимом В. Д. Королюком секторе славяно-германских отношений научным наставником Альбины Федоровны стал выдающийся ученый, отличавшийся широким диапазоном научных и исследовательских интересов, проф. В. М. Турок-Попов. По его совету определилась тема будущей кандидатской диссертации – экономическая политика гитлеровской Германии в оккупированной Польше. Упорно преодолевая трудности, связанные с изучением немецкого языка и овладением исследовательскими приемами, применяемыми в экономической истории, Альбина Федоровна подготовила и весной 1966 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию «Разорение экономики Польши гитлеровской Германией (территория генерал-губернаторства). 1939–1944 гг.». В 1971 г. свет увидела написанная на ее основе монография.

После защиты диссертации на протяжении нескольких лет А. Ф. Носкова активно участвовала в разработке одной из магистральных для Института тем – «Дранг нах Остен» и страны Центральной и Юго-Восточной Европы». Хотя статьи, посвященные международным отношениям в регионе, получили признание коллег, однако все отчетливее проявлялся ее интерес к внутривосточной проблематике. Альбина Федоровна обратилась к изучению польского крестьянства в межвоенный период и в первые годы после Второй мировой войны. Итогом многолетней серьезной работы явились докторская диссертация, защищенная в 1987 г., и написанная на ее основе монография «Крестьянское политическое движение в Польше: сентябрь 1939 – весна 1948 г.».

В эти же годы А. Ф. Носкова активно включилась в освоение новой для себя темы – истории народных и национальных фронтов и народно-демократических революций 40-х годов XX в. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Данная проблематика была ключевой в секторе Л. Б. Валева, куда к тому времени перешла Альбина Федоровна. В этом коллективе она проработала до начала 1990-х годов, когда организационная структура Института претерпела изменения и в рамках новых отделов возникли научные центры. Одним из них стал Центр истории сталинизма в Восточной Европе (ныне Отдел истории Восточной Европы после Второй мировой войны), в котором она продолжает трудиться и сегодня.

1990-е годы по праву считаются «звездным часом» историков. Смена исследовательской парадигмы открывала широкие возможности для реконструирования исторического прошлого с позиций объективности, а «архивная революция» становилась определяющим фактором в этом процессе. Одной из важнейших задач, вставших перед историками, была задача формирования новой источниковой базы исследований.

В Институте славяноведения начала реализовываться широкая публикаторская программа. Включился в эту работу и Научный центр истории сталинизма в Восточной

Европе. Были подготовлены и опубликованы сборники документов «НКВД и польское подполье. 1944–1945 (По “Особым папкам” И. В. Сталина)» (М., 1994); «Восточная Европа в документах российских архивах. 1944–1953 гг.: в 2-х т.» (Москва; Новосибирск, 1997–1998); «Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946 гг. Документы российских архивов» (М., 1998) (переведен на румынский яз.); «Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы: в 2-х т.» (М., 1999, 2002) и др. Научная авторская интерпретация новых документов была представлена в серии «Москва и Восточная Европа» – монографиях «Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг.» (М. 1993), «Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории» (М., 2002, 2-е изд. 2008), «Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х гг. XX в. Очерки истории» (М., 2008), одним из соавторов которых была Альбина Федоровна. Под руководством А. Ф. Носковой с 2006 г. велась масштабная работа над коллективной монографией «Польша в XX веке. Очерки политической истории». Это фундаментальное исследование, отражающее современный уровень российской исторической полонистики, увидело свет в 2012 г. Альбина Федоровна выступила в нем и как ответственный редактор, и как автор больших разделов.

В настоящее время А. Ф. Носкова руководит масштабным документальным проектом Росархива «Советский Союз и военно-политическое подполье в Польше (1943–1945 гг.)», что является признанием ее высокого профессионализма как историка-полониста и авторитетного публикатора документов. В 2015 г. на сайте Росархива была помещена электронная версия подборки документов «Как польское вооруженное подполье “помогало” Красной Армии разгромить нацистскую Германию (1944–1945 гг.)» с предисловием А. Ф. Носковой; в 2016 г. в серии «Россия. XX век» вышел том «Варшавское восстание. Июль – ноябрь 1944 г.», в котором Альбине Федоровне принадлежат обширное введение и научный комментарий. А на очереди очередной том, подготовить к печати который предстоит к концу 2017 г. А. Ф. Носкова участвует в работе на всех ее этапах – от выявления и отбора документов до написания комментариев и вступительной статьи. По-настоящему оценить всю сложность и поистине титанические усилия по подготовке такого масштаба и уровня публикаций могут только участвовавшие в подобных трудах специалисты. Но работа ведется, и залогом ее успешного завершения являются высокий профессионализм коллектива, настойчивость и воля его руководителей, и прежде всего Альбины Федоровны Носковой.

Нельзя не сказать о такой сфере творческой деятельности юбиляра, как участие в научных форумах. А. Ф. Носкова – неперемный и желанный участник многообразных конференций, «круглых столов», заседаний двусторонних комиссий историков, научных встреч и дискуссий. Их «география» весьма широка: Москва, Воронеж, Великий Новгород, Суздаль, Ханты-Мансийск, Кишинев, Гродно. Дальнее зарубежье представлено в этом перечне не только Польшей, но и Болгарией, Венгрией, Румынией, Словакией, Швецией, Германией, Соединенными Штатами Америки.

Человек неравнодушный, горячо откликающийся на все новое, интересное, готовый щедро делиться знаниями, А. Ф. Носкова совершенно естественно пришла к новому для себя занятию – педагогической деятельности. Помимо чтения лекций по истории славянских народов в XX в. в Государственном академическом университете гуманитарных наук, она регулярно консультирует молодых специалистов универститете славяноведения РАН, неоднократно выступала в качестве официального оппонента на защитах кандидатских и докторских диссертаций и в других научных институтах.

Коллеги и друзья от души желают Альбине Федоровне Носковой крепкого здоровья, бодрости, новых творческих свершений!

Коллеги и друзья

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Альбине Федоровне здоровья и творческих успехов.

ПАМЯТИ ВЛАДИЛЕНА НИКОЛАЕВИЧА ВИНОГРАДОВА (1925–2017)

Истинный интеллигент – в классическом русском понимании этого слова. Интеллектуал – в понимании и русском, и европейском. Безупречный джентльмен с безупречным английским. Ученый с мировым именем, он умел одинаково достойно и благожелательно общаться и с «особами приближенными», и с коллегами – как российскими, так и зарубежными, и со своими учениками. Мог, к примеру, написать «неостепенившейся» аспирантке на титульном листе своей книги дарственное: «... С поклоном. В. Н. Виноградов»...

... Его последний поклон пришелся на 11 февраля 2017 г. Владилена Николаевича не стало...

В. Н. Виноградов, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, автор около 500 научных работ, корифей отечественной балканистики и крупнейший знаток истории международных отношений в Новое время, своим высоким профессионализмом и громадной эрудицией снискал признание научного сообщества в России и далеко за ее пределами. На протяжении десятилетий он определял лицо, профессиональную планку и высокий международный уровень исторических исследований, проводимых в Институте славяноведения РАН (прежде – Института славяноведения и балканистики АН СССР).

Судьба поколения, к которому принадлежит Владилен Николаевич, это история страны со всем ее непредсказуемым прошлым. Да и Владилен – имя вполне в духе времени: *Владимир Ленин* или *Владимир Ильич Ленин*. Постреволюционные аббревиатуры были в большой моде: Делеор (от «Дело Ленина – Октябрьская революция»), Демир («Даешь мировую революцию!»)... На календаре – 18 июня 1925 года. Молодые родители – студенты-романтики, будущие инженеры-металлурги, долго не раздумывали.

К числу ранних детских впечатлений будущего историка относится поездка в Веймарскую Германию, куда его отец был направлен в длительную командировку для освоения передового технического опыта. Окончив школу в годы войны, Владилен поступил в Московский авиационный институт, однако через год резко изменил свой жизненный путь: перевесил интерес к гуманитарным знаниям.

В 1943 г. был объявлен набор на первый курс только что созданного факультета истории международных отношений МГУ, через год преобразованного в институт международных отношений (ныне МГИМО–Университет). Среди студентов первого набора и первых выпускников этого вуза был и В. Н. Виноградов.

С конца войны становилось уже все более очевидным усиление державных позиций СССР в послевоенном мире. Их сохранение и укрепление требовало не только дальнейшего упрочения военного потенциала, но и немалых дипломатических усилий. К чтению лекций для тех, кому предстояло после победы в войне отстаивать интересы СССР теперь уже на дипломатическом фронте, привлекались выдающиеся историки, включая Е. В. Тарле. Опыт общения с такими учеными, несомненно, повлиял на профессиональное становление В. Н. Виноградова. Сказался он и на выборе дальнейшего пути.

Специализировавшийся по британской тематике В. Н. Виноградов по окончании МГИМО (1948 г.) четыре года работал в Комитете по радиовещанию, где его карьера складывалась довольно успешно: скоро он стал заместителем ответственного редактора

вещания на Великобританию, затем политобозревателем. Но в 1952 г. — вновь резкий поворот. Решив посвятить себя науке, В. Н. Виноградов уходит с радио и поступает в аспирантуру Института истории АН СССР. Он приходит в сектор Новой истории европейских стран, где даже в годы поздней сталинщины сохранялась творческая атмосфера, поддерживавшаяся целой плеядой блистательных ученых. Здесь трудились А. З. Манфред, Б. Ф. Поршнев, Б. Г. Вебер, Ф. В. Потемкин, В. М. Лавровский. И молодой историк с головой окунулся в эту бурлящую творчеством атмосферу.

Между тем, в специалистах по британской истории не было недостатка. К тому времени, в силу понятных политических причин, одним из приоритетов отечественной исторической науки становится изучение истории стран «народной демократии», и В. Н. Виноградов предлагает выучить язык и заняться историей Румынии. Он блестяще справляется с этой задачей и в 1956 г. защищает кандидатскую диссертацию о крестьянском восстании 1907 г. в Румынии. В 1958 г. по этой же теме была опубликована и его первая монография.

За ней последовала другая — «Россия и объединение румынских княжеств» (М., 1961). В этой книге соединение в 1859 г. Дунайских княжеств (Молдовы и Валахии) под властью господаря А. И. Кузы при содействии России показано как столь же закономерный для национального развития процесс, как и происходившее в те же годы создание национальных государств в Германии и Италии. Книга по сей день присутствует в научном дискурсе, на нее ссылаются в ходе непрекращающихся споров о румыно-молдавской национальной и языковой идентичности.

К началу 1960-х годов в Институте истории был создан Сектор истории стран народной демократии во главе с будущим академиком Ю. А. Писаревым (1916—1993 гг.), куда перешел и В. Н. Виноградов. Среди молодых сотрудников и аспирантов было немало впоследствии маститых ученых: Т. М. Исламов, Г. Л. Арш, А. И. Пушкаш, Л. Е. Семенова, В. П. Шушарин, А. А. Язькова, Л. Н. Нежинский, Н. Д. Смирнова, В. Я. Гросул, М. А. Мунтян, Т. А. Покивайлова, видный молдавский политик А. К. Мошану.

Отдельно следует сказать о становлении и развитии отечественного исторического *румыноведения*, признанным главой которого В. Н. Виноградов оставался более полувека. Его фундаментальная монография «Румыния в годы Первой мировой войны» (М., 1969), вышедшая под грифом Института славяноведения и балканистики АН СССР, куда В. Н. Виноградов пришел осенью 1968 г., поставила его в первый ряд ведущих советских специалистов по истории Первой мировой войны. В 1975 г. В. Н. Виноградовым были опубликованы «Очерки общественно-политической мысли в Румынии. Вторая половина XIX — начало XX в.». Его перу принадлежат также многие десятки статей по проблемам новой и новейшей истории этой страны, ее внешней политики, общественно-политических движений, российско-румынских и советско-румынских отношений. Под руководством В. Н. Виноградова выполнены этапные коллективные труды: «История Румынии Нового и новейшего времени» (М., 1964); «История Румынии, 1848—1917» (М., 1971); «Краткая история Румынии с древнейших времен до наших дней» (М., 1987) и др.

В начале 1970-х В. Н. Виноградов стал организатором и вдохновителем советско-румынской комиссии историков, а в начале 1990-х годов — российско-румынской комиссии, на заседаниях которых сделал множество блистательных докладов. Деятельности совместной комиссии с обеих сторон в 1970—1980-е годы придавалось немалое значение в силу того, что между двумя странами-союзницами возникли разногласия в трактовке некоторых ключевых проблем их общего прошлого. И тут важно напомнить, что Румынию В. Н. Виноградов впервые посетил вскоре после защиты кандидатской диссертации, установив еще тогда творческие связи с широким кругом историков, которые поддерживал долгие годы. С конца 1950-х годов его работы многократно публиковались в этой стране. По общему мнению участников комиссии, принципиальность Владилена Николаевича в отстаивании позиций в споре с румынскими коллегами никогда не перерастала во взаимную отчужденность, мешавшую плодотворному научному диалогу.

Сосредоточившись на долгие годы на проблемах истории Румынии, В. Н. Виноградов в то же время не терял интереса к другим темам. Одной из сфер приложения

его творческих сил продолжала оставаться история Великобритании, и в качестве докторской диссертации он защитил в 1966 г. монографию «У истоков лейбористской партии (1889–1900)» (М., 1965). Без его участия было бы невозможно написание в 1960-е годы двухтомной «Истории II Интернационала». Не утратили научной ценности статьи разных лет о связях с фабианским социализмом и лейбористской партией крупных деятелей английской культуры (Б. Шоу, Г. Уэллса). А проблемам внешней (особенно балканской) политики Великобритании, англо-российских отношений в разные периоды истории посвящены десятки его работ, включая многочисленные статьи в журнале «Новая и новейшая история» (членом редколлегии которого он был долгие годы) и фундаментальную монографию «Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны» (М., 1985). Репутацию В. Н. Виноградова как крупного англоведа подтвердили также опубликованные в научно-популярной серии издательства «Наука» столь же блестящие книги «Британский лев на Босфоре» (М., 1991) и «Бенджамен Дизраэли и Фея на престоле» (М., 2004) — о многолетних отношениях королевы Виктории с одним из крупнейших политиков своего времени, лидером британских консерваторов.

В 1970-е годы на первый план в сфере интересов В. Н. Виноградова (в 1973–1988 гг. — заместителя директора Института славяноведения и балканистики, курировавшего историческое направление) вышли проблемы международных отношений на Балканах и вокруг Балкан в Новое время. Он стал одним из инициаторов многотомной серии «Балканские исследования», возглавил балканскую секцию Национального комитета историков Советского Союза, принимал активное участие в деятельности Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы (одно время в качестве вице-президента), выступал с докладами на международных конгрессах, редактировал сборники, публиковал многочисленные статьи.

Все творчество В. Н. Виноградова пронизывает стержневая идея о необходимости комплексного регионального подхода к балканской истории. По его мнению, совместное проживание на протяжении веков привело к образованию многочисленных точек соприкосновения между балканскими народами, «так что социальную, политическую и культурную историю Балкан просто невозможно изучать, подразделяя регион на его славянскую и неславянскую части» (Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 106).

При этом и в сфере, казалось бы, сугубо славистических исследований В. Н. Виноградов сумел сказать свое веское слово. С начала 2000-х годов выдающийся российский историк, не изменяя журналу «Новая и новейшая история», все активнее сотрудничал с журналом «Славяноведение». Обращение к славистическим сюжетам для него было неотделимо от осмысления многовекового османского политического и культурного наследия, а с другой стороны, сложных процессов образования государственности и формирования современных наций на Балканах.

Во второй половине 1970-х годов под руководством В. Н. Виноградова началось осуществление его давнего и грандиозного замысла: в серии коллективных монографий дать подробную картину развития международных отношений на Балканах со второй половины XVIII в. вплоть до окончания Первой мировой войны. Кризис Османской империи и усиление внимания европейских держав к ее балканским владениям, роль Восточного вопроса в европейской политике, столкновение интересов главных участников «европейского концерта» на Балканах, политика России в Восточном вопросе и отношение официального Санкт-Петербурга к балканским христианам, русско-турецкие войны, Крымская война 1853–1856 гг. и Восточный кризис 1870-х годов, балканские войны 1912–1913 гг. и балканские фронты Первой мировой войны — все это предстояло изучить в неразрывной связи с внутривосточными процессами в балканских странах, зарождением и развитием национальных движений на Балканах, становлением государственности у отдельных народов, выходом балканских государств на международную арену и их участием в европейской политике. При этом в процессе работы над проектом

была значительно расширена источниковая база исследований, введено в научный оборот обилие ранее не известных документов, что позволило авторам достойно вписаться в контекст мировой балканистики, сказать в ней подлинно новое слово.

Созданные под руководством В. Н. Виноградова коллективные монографии «Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг.» (М., 1983), «Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг.» (М., 1990), «Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.» (М., 1986) стали важными вехами в осуществлении задуманного плана. Позднее к ним добавилась работа «Александр I, Наполеон и Балканы» (М., 1997). Завершили многотомную серию коллективные труды «В “пороховом погребке Европы”. 1878–1914 гг.» (М., 2003), где рассматривается история международных отношений на Балканах между Берлинским конгрессом 1878 г. и Первой мировой войной, и «За балканскими фронтами Первой мировой войны» (М., 2002). Одновременно шла работа над многочисленными статьями для «Балканских исследований», научных сборников и ведущих российских исторических журналов.

С начала 1990-х годов, когда было снято табу с изучения застарелых национально-территориальных споров и конфликтов в Дунайско-Карпатском регионе и на Балканах, В. Н. Виноградов в числе первых обратился к выявлению исторических истоков некоторых из них, в частности, бессарабского конфликта в российско-румынских отношениях. Вслед за книгой «Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий)» (М., 1994) последовал вышедший под его редакцией сборник статей и архивных документов «Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии» (М., 1996). Это издание называют настольной книгой не только для историков, но и для политиков, ищущих способы решения болезненных проблем в румынско-молдавских и молдавско-приднестровских отношениях.

Надо сказать, что оживление старых территориальных споров, драматические события 1990-х годов на Балканах не только способствовали повышению интереса к историческим корням сегодняшних межэтнических распрей, но и вызвали к жизни появление огромного пласта литературы, во многих случаях грешащей политической конъюнктурщиной. Тем ценнее были взвешенные выступления (не только в научной периодике, см., например, его обобщающую статью: «Исторические корни горячих точек на Балканах» // Новая и новейшая история. 1993. № 4, но и в СМИ) ведущего отечественного балканиста, как В. Н. Виноградова.

Начиная с 1990-х годов, все большее внимание В. Н. Виноградова привлекало XVIII столетие. Вслед за коллективными трудами «Век Екатерины II. Россия и Балканы» (М., 1999), «Век Екатерины II. Дела балканские» (М., 2000) в конце 2004 г. вышла фундаментальная (более 40 п.л.) работа «История Балкан. Век восемнадцатый», увенчавшая многолетние усилия авторского коллектива во главе с В. Н. Виноградовым, причем более половины объема книги принадлежит самому инициатору этого проекта. Его логическим продолжением стали два этапных синтетических труда, выполненных под руководством В. Н. Виноградова и ставших не только визитной карточкой российской исторической балканистики, но по сути дела итогом пути, пройденного отечественной школой этой области исторического знания за все десятилетия ее существования. Речь идет о книгах «История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны)» (М., 2011) и «История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. 1856–1878 гг.» (М., 2012). Наконец, в Институте славяноведения РАН фактически закончена работа над четвертой и последней книгой этой серии «История Балкан на переломе эпох (1878–1914 гг.)». В. Н. Виноградов успел написать для нее два раздела.

Хронологический диапазон работ В. Н. Виноградова простирается от осады Вены турками в 1683 г. до решения Советским Союзом «бессарабского вопроса» в июне 1940 г. Ряд принципиально важных работ, в том числе переведенных на иностранные языки, посвящен Крымской войне, обстоятельствам возникновения конфликта, личной ответственности Николая I за его развязывание. Его перу принадлежит монография «Балканская эпопея князя А. М. Горчакова» (М., 2005).

200-летний юбилей Бухарестского мирного договора 1812 г. дал В. Н. Виноградову повод снова поразмышлять как над причинами, так и над итогами русско-турецкой войны 1806–1812 гг., рассмотрев это событие батальной истории в контексте наполеоновских войн и противоборства великих держав.

В. Н. Виноградов никогда не прекращал заниматься историей Первой мировой войны. Он входил в авторский коллектив важнейших трудов по этой тематике, в том числе обобщающей монографии «Первая мировая война» (из серии «Мировые войны XX века». М., 2002). Яркими публикациями по проблемам дипломатической истории в период Первой мировой войны Владилен Николаевич порадовал коллег-историков и в юбилейном 2014 г.

Работы В. Н. Виноградова многократно выходили за рубежом, в том числе на иностранных языках. В 2000 г. в Льюистоне (США) опубликована его книга «Россия и Балканы: от Екатерины Великой до Первой мировой войны». Следующим шагом на пути осмысления той же темы стала монография «Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914» (М., 2010), подводившая итог более чем полувекowym научным изысканиям автора и ставшая значительным явлением современной российской историографии.

Ни в малейшей степени не подвергая сомнению право России на отстаивание своих государственных интересов на Балканах и оставаясь последовательным историком-«державником», В. Н. Виноградов обладал способностью чутко воспринимать «европейский концерт» во всей его полифоничности, чему помогало прекрасное знание историографии, первоисточников и методологические навыки, наработанные за шесть с половиной десятилетий профессиональной деятельности.

Лучшие из работ В. Н. Виноградова отличают не только глубина анализа источников и широта обобщений, но и продолжающее традиции Е. В. Тарле и А. З. Манфреда стилистическое мастерство, фирменный «виноградовский» стиль с органически присущим Владилену Николаевичу тонким, «английским» юмором.

Свою эрудицию и профессиональные навыки профессор В. Н. Виноградов всегда охотно передавал более молодым коллегам. Он читал курсы всеобщей истории в разных вузах (включая Литературный институт), но особенно много сил отдал подготовке аспирантов – ученики Владилены Николаевича работают не только в Москве, но и далеко за ее пределами; особенно велика его роль в становлении молдавской исторической школы. Начиная с 1960-х годов, В. Н. Виноградов участвовал в написании учебников по Новой истории Европы и Америки для университетов; принадлежащие его перу главы в этих учебниках, посвященные как балканской, так и британской истории, известны не одному поколению профессиональных историков со студенческих лет. Долгие годы Владилен Николаевич возглавлял в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, а затем и в Институте славяноведения РАН научный совет по защите диссертаций по специальности «всеобщая история», сочетая в этой нелегкой работе доброжелательность и такт – с принципиальностью и научной требовательностью...

... Он прожил долгую, насыщенную событиями и творчеством жизнь, в которой были обретения и потери. Одна из них – трагически ранний уход его единственного и безмерно любимого сына. Беда – дело очень личное. Известно лишь, что Владилен Николаевич сказал тогда, что должен жить долго – чтобы поддержать внуков. И слово сдержал. Он ушел на 92-м году жизни...

© 2017 г. Друзья и коллеги

CONTENTS

SEVENTY YEARS OF THE INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ARTICLES

<i>Ziffer G.</i> (Italy). Once again about Hrabar's sources.....	9
<i>Floria B.N.</i> (Moscow). Events from the late Byzantine history in Russian historical texts of the fifteenth and sixteenth centuries	12
<i>Naumov N.N.</i> (Moscow). Sigismund of Luxemburg and the Czech aristocracy on the eve of the Hussite Wars.....	21
<i>Serapionova E.P.</i> (Moscow). Emigrants about future Russia.....	31
<i>Kosik V.I.</i> (Moscow). Some words on the «unknown» Eurasianism	41
<i>Lapteva T.N.</i> (Moscow). Main upheavals of the twentieth century in Antony Florovsky's individual perception and destiny	52
<i>Zavacká M.</i> (Bratislava). Roman Jacobson's visits to Slovakia in 1957 and 1968.....	64
<i>Yefimova V.S.</i> (Moscow). The Greek superlative in the Old-Slavic translation	76

REPORTS

<i>Petrukhin P.V.</i> (Moscow). To the interpretation of the Novgorod birch-bark letter no 490	89
<i>Rybalka A.A.</i> (Penza). On the pseudo-folklore character of the Rurik, Sivar and Truvar legend	93

REVIEWS

<i>Dobychina A.S.</i> Цв. Степанов. В очакване на Края: европейски измерения ок. 950 – ок. 1200 г.....	99
<i>Yefimov M.V.</i> Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования.....	103
<i>Gerd L.A.</i> T. Papademetriou. Render unto the Sultan. Power, Authority, and the Greek Orthodox Church in the Early Ottoman Centuries	105

SCHOLARLY LIFE

<i>Denshchikova A.V.</i> Conference dedicated to Charles IV of Luxemburg	109
<i>Kalashnikova N.Yu.</i> Scholarly conference «Eurasianism – Eurosepticism – Eurasianism: variants of disillusionments in the European way of development»	111

JUBILEES

To the jubilee of Albina Fedorovna Noskova	120
--	-----

OBITUARIES

In memoriam of Vladilen Nikolaevich Vinogradov	122
--	-----

Сдано в набор 30.03.2017 Подписано в печать 14.06.2017 Дата выхода в свет 28.07.2017
Формат 70 × 100¹/₁₆ Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 1,8 тыс. Уч.-изд.л. 12,0
Бум.л. 4,0 Тираж 166 экз. Зак. 1179 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»),
121099, Москва, Шубинский пер., 6